Троцкий

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН1971
0421

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ЕН1711
О 421

Л. Д. Троцкій.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Цѣна 4 р. 50 к.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ".

МОСКВА:
1) Срѣтенка (уг. Рыбникова пер.), д. 8.
2) 2-ой Домъ Совѣтовъ, Театр. пл.

ПЕТРОГРАДЪ:
1) Поварской пер., д. 2, кв. 9, и 10. Тел. 2-27-42.
2) Литейный проспектъ, д. 48.

1918.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова пер.).

Москва, 2-й домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

Петроградъ, Литейный переул., д. 48.

Библіотека обществовѣдѣнія.

Кн. 1. И. П. Покровскій. Государственный бюджетъ Россіи за послѣднія 10 лѣтъ. 2 р.

Кн. 2. Исторія соціализма. Въ монографіяхъ К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуто и Бернштейна. Перев. Е. и И. Леонтьевыхъ. Ч. I. За обѣ части 7 р.

Кн. 3. М. С. Александровъ. Государство, бюрократія и абсолютизмъ въ исторіи Россіи. 5 р.

Кн. 7. Петръ Масловъ. Исторія народнаго хозяйства. 3 р.

Кн. 8. А. М. Коллонтай. Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства. 5 р.

Кн. 10. А. Деборинъ. Введеніе въ философію діалектическаго матеріализма. Съ предисл. Г. В. Плеханова. 4 р.

Кн. 11. Вл. Кранихфельдъ. Въ мірѣ идей и образовъ. 3 р. 50 к.

Кн. 13. С. Т. Семеновъ. Двадцать пять лѣтъ въ деревнѣ. 3 р.

Кн. 14. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Духоборцы въ Канадскихъ преріяхъ. 9 р.

Кн. 15. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Къ исторіи русскаго духоборчества. 5 р.

Кн. 16. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Новый Израиль. 5 р.

Кн. 17. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Среди сектантовъ. 5 р.

Кн. 18. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Изъ міра сектантовъ. 5 р.

Кн. 19. Фр. Энгельсъ. Положеніе рабочаго класса въ Англіи. Переводъ съ нѣмецкаго И. и Е. Леонтьевыхъ. 3 р.

Кн. 21. Фр. Лассаль. Письма Ферд. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. 2 р.

Кн. 22. Ю. Каменевъ. О А. И. Герценѣ и М. Г. Чернышевскомъ. 1 р. 50 к.

Кн. 23. Б. Авиловъ. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. 1 р. 25 к.

Кн. 24. К. Тахтаревъ. Соціологія какъ наука. 2-е изд. 3 р.

Кн. 25. Ю. Каменевъ. Экономическая система имперіализма. 4 р. 50 к.

Кн. 26. К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Манифестъ коммунистической партіи. 3-е изд. 2 р.

Кн. 27. В. П. Милютинъ. Рабочій вопросъ въ сельскомъ хозяйствѣ Россіи. 1 р. 50 к.

Кн. 28. В. П. Милютинъ. Сельско-хозяйственные рабочіе и война. 3 р. 50 к.

Кн. 29. Ю. Стекловъ. Карлъ Марксъ, его жизнь и дѣятельность. 3 р. 50 к.

Кн. 30. Подъ старымъ знаменемъ. Сборникъ статей. 1 р. 50 к.

Кн. 31. С. О. Загорскій. Война послѣ мира. 5 р.

Другія работы Л. Д. Троцкаго.

Рабочее движеніе въ Николаевѣ. Брошюра. Женева. 1900 (?)

Докладъ сибирской делегаціи. Брошюра. Женева. 1903.

Наши политическія задачи. Брошюра. Женева. 1904.

До 9-го января. Брошюра. Женева. 1905.

Парижская коммуна. Предисловіе къ рус. изд. Гражданская война" К. Маркса. Петербургъ. 1906.

Господинъ Петръ Струве въ политикѣ. Памфлетъ. Петербургъ. 1906.

Интеллигенція и революція. Памфлетъ. Петербургъ. 1906.

Наша революція. Книга. Петербургъ. 1906.

Исторія Петерб. Сов. Раб. Депутатовъ 1905 г. (Двѣ статьи въ сборникѣ). Петербургъ. 1906.

Въ защиту партіи. Брошюра. Петербургъ. 1907.

Туда и обратно. (Ссылка и побѣгъ.) Петербургъ. 1907.

Russland in der Revolution. (Нѣмецкая книга о рус. революціи.) Дрезденъ. 1909.

Книга эта цѣликомъ или частями вышла на чешскомъ, болгарскомъ, голландскомъ и др. языкахъ.

Самодержавнѣйшій православнѣйшій. Памфлетъ, посвященный Николаю II. Вѣна. 1913.

Der Krieg und die Internationale. (Брошюра, посвященная кризису II-го Интернаціонала на нѣмецк. языкѣ.) Цюрихъ. 1914.

The Bolsheviki and World peace. (Та же брошюра на англ. языкѣ.) Нью-Іоркъ. 1917.

Въ плѣну у англичанъ. Брошюра. Петроградъ. 1917.

Программа мира. Брошюра. Петроградъ. 1917.

Та же брошюра была издана на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ.

Что же дальше? Брошюра, посвященная режиму Керенскаго. Петербургъ. 1917.

Трудъ, порядокъ, дисциплина. Докладъ. Москва. 1918.

Слово русскимъ рабочимъ и крестьянамъ. Москва. 1918.

На борьбу съ голодомъ. Рѣчь. Москва. 1918.

Статьи въ газетахъ и журналахъ, русскихъ и иностранныхъ: „Восточное Обозрѣніе" (Иркутскъ, 1901—1902), „Искра" (Лондонъ—Женева, 1902—1915), „Начало" (Петербургъ, 1905), „Die Neue Zeit" (Берлинъ, 1907—1914), „Vorwärts" (Берлинъ, 1907—1914), „Arbeiter-Zeitung" (Вѣна, 1909—1910), „Der Kampf" (Вѣна, 1910—1914), „Кіевская Мысль" (Кіевъ, 1907—1916), „Правда" (Вѣна, 1908—1912), „Борьба" (Петерб., 1913), „Голосъ", „Наше Слово", „Начало" (Парижъ, 1914—1916), „Новый Міръ" (Нью-Іоркъ, 1916—1917) и др.

Россійская Коммунистическая партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

БИБЛІОТЕКА ОБЩЕСТВОВѢДѢНІЯ. Кн. 54.

ЕН 71
D421

Л. Д. Троцкій.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

МОСКВА:	ПЕТРОГРАДЪ:
1) Срѣтенка (уг. Рыбникова пер.), д. 8.	1) Поварской пер., д. № 2, кв. 9, 10 и 11. **Тел. 2-27-42.**
2) 2-ой домъ Совѣтовъ, Театр. пл.	2) Литейный проспектъ, д. № 48.

1918.

3 экз

ЕНИМ
О 421

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ сф 12749
БИБЛИОТЕКА

1065144 (1915-1924)

30/8 с1.
36

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., гс 6. д.
Москва—1918.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Къ русскому изданію	1
Предисловіе	9
Мѣщанская интеллигенція въ революціи	11
Вопросъ о войнѣ	15
Кампанія противъ большевиковъ	17
Наступленіе 18-го іюня	20
Внутреннее положеніе	22
Іюльскіе дни	26
Послѣ іюльскихъ дней	31
Возстаніе Корнилова	32
Борьба внутри Совѣтовъ	35
Демократическое Совѣщаніе	40
Затрудненія въ тылу и на фронтѣ	42
Неизбѣжность борьбы за власть	44
Борьба за Съѣздъ Совѣтовъ	46
Конфликтъ по поводу Петроградскаго гарнизона	47
Демократическій Совѣтъ и предпарламентъ	50
Соціалисты-революціонеры и меньшевики	53
Выходъ изъ предпарламента. Голосъ фронта	56
Комиссары Военно-Революціоннаго Комитета	59
Нарастаніе прилива	61
„День Петроградскаго Совѣта“	63
Завоеваніе колеблющихся частей	66
Начало возстанія	67
Рѣшающій день	72
Образованіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ	75
Первые дни новаго режима	77

Стр.

Возстаніе юнкеровъ 29-го ноября. 80
Движеніе Керенскаго на Петроградъ. 83
Крушеніе авантюры Керенскаго 86
Внутреннія тренія. 92
Судьба Учредительнаго Собранія 96
Принципы демократіи и диктатура пролетаріата. 99
Мирные переговоры 103
Рѣчь Народнаго Комиссара по иностраннымъ дѣламъ 110
Вторая война и подписаніе мира 120
Заключеніе 124

Къ русскому изданію.

Со времени октябрьской революціи прошло болѣе восьми мѣсяцевъ. Режимъ, которому многіе благочестивые политики предсказывали гибель „черезъ нѣсколько дней“, оказался уже сейчасъ долговѣчнѣе двухъ предшествовавшихъ режимовъ революціи: чистобуржуазнаго и „коалиціоннаго“.

Совѣтскій режимъ имѣетъ уже свою богатую исторію и не менѣе богатую легенду. Исторія будетъ изучаться впослѣдствіи — годами и десятилѣтіями; а легенда создается и распространяется теперь: сознательными врагами рабочей революціи, уличными зѣваками и наемными шарлатанами желтой печати. Въ этой книжкѣ возстановлена—въ самыхъ общихъ чертахъ—исторія возникновенія и первыхъ четырехъ мѣсяцевъ существованія совѣтскаго режима. Книжка, спеціально написанная для освѣдомленія иностранныхъ рабочихъ о смыслѣ и цѣляхъ совѣтскаго строя, выходитъ въ настоящее время на нѣсколькихъ языкахъ. Если я выпускаю ее одновременно и въ русскомъ изданіи, то именно для того, чтобы противопоставить ее „творимой“ (шарлатанами и зѣваками) легендѣ.

Какъ указано въ предисловіи къ иностраннымъ изданіямъ, книжка написана не по документамъ, а по памяти. Врядъ ли однако въ ней имѣются сколько-

нибудь существенныя ошибки фактическаго характера. Но въ то же время не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было полнотѣ изложенія. Такъ, соціальныя мѣропріятія совѣтскаго режима едва затронуты въ брошюрѣ: ихъ изложеніе и систематизація должны были бы составить предметъ гораздо болѣе тщательнаго и кропотливаго труда. Мы вынуждены были ограничиться преимущественно вопросами внутренней политической борьбы и международной политики рабочей и крестьянской власти. Въ этой именно области съ наибольшей энергіей поработали международный телеграфъ, радіотелеграфъ и другія орудія имперіалистической лжи...

Неряшливый стиль брошюры, за который приношу свое извиненіе читателю, объясняется тѣмъ, что книжка не писалась за столомъ, а была продиктована стенографамъ. Пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ исторія войдетъ въ берега и создастъ условія для болѣе планомѣрной и тщательной работы.

Л. Троцкій.

16-го іюля 1918 г. Москва.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая брошюра въ большей своей части написана урывками, — въ обстановкѣ, которая мало располагала къ систематической работѣ: въ Брестъ-Литовскѣ, между засѣданіями мирныхъ переговоровъ, набрасывались отдѣльныя главы этого очерка, который имѣетъ своею основной задачей ознакомить общественное мнѣніе мірового пролетаріата съ причинами, ходомъ и смысломъ октябрьской революціи въ Россіи. Исторія сложилась такъ, что делегатамъ самаго революціоннаго режима, который когда-либо знало человѣчество, пришлось засѣдать за общимъ дипломатическимъ столомъ съ представителями самой реакціонной касты среди всѣхъ правящихъ классовъ. На засѣданіяхъ мирной конференціи мы ни на минуту не забывали, что являемся представителями революціоннаго класса. Нашу рѣчь мы обращали къ придавленнымъ войною рабочимъ всѣхъ странъ. Наша энергія поддерживалась глубокимъ убѣжденіемъ въ томъ, что послѣднее слово въ дѣлѣ ликвидаціи войны, какъ и во всѣхъ остальныхъ вопросахъ, скажетъ европейскій пролетаріатъ. Разговаривая съ Кюльманомъ и Черниным, мы помнили и думали о друзьяхъ и единомышленникахъ: Карлѣ Либкнехтѣ и Фрицѣ Адлерѣ. Часы, свободные отъ занятій, мы посвящали брошюрѣ, предназначенной для рабочихъ Германіи, Австро-Венгріи и всѣхъ другихъ странъ. Буржуазная печать всей

Европы единодушна въ дѣлѣ лжи и клеветы на пролетарскій режимъ въ Россіи. Соціалъ-патріотическая печать—безъ мужества, безъ идеи, безъ вѣры въ свое дѣло—проявляетъ свою полную неспособность понять и разъяснить трудящимся массамъ смыслъ русской революціи. Этой брошюрой мы хотимъ притти имъ на помощь. Мы вѣримъ, что революціонные рабочіе Европы и другихъ частей свѣта поймутъ насъ. Мы вѣримъ, что они вскорѣ приступятъ къ той же работѣ, которую совершаемъ мы,—но, опираясь на свой болѣе богатый опытъ и болѣе высокія идейныя и техническія средства, совершатъ эту работу болѣе основательно и помогутъ намъ преодолѣть всѣ затрудненія.

Брестъ-Литовскъ, 12-го февраля 1918 года.

P. S. Въ такую бурную эпоху, какъ наша, событія и ихъ внутренняя связь быстро уходятъ изъ памяти участниковъ. Я считаю поэтому полезнымъ опубликовать эту брошюру также и на русскомъ языкѣ.

Москва, 29-го мая 1918 года.

Мѣщанская интѣллигенція въ революціи.

События развиваются въ эту эпоху съ такой быстротой, что ихъ трудно возстановлять по памяти, даже въ ихъ простой хронологической послѣдовательности. Подъ руками у насъ нѣтъ ни газетъ, ни документовъ. Между тѣмъ періодическіе перерывы въ переговорахъ въ Брестъ-Литовскѣ создаютъ досугъ, котораго въ настоящихъ условіяхъ больше не дождешься. Я постараюсь поэтому возстановить на память ходъ и развитіе октябрьской революціи, сохраняя свое право затѣмъ пополнить и исправить изложеніе по документамъ.

То, что характеризовало нашу партію почти съ перваго же періода революціи,—это увѣренность въ томъ, что она дальнѣйшей логикой событій будетъ приведена къ власти. Я не говорю о теоретикахъ партіи, которые за много лѣтъ до революціи, еще до революціи 1905 года, исходя изъ анализа классовыхъ отношеній въ Россіи, приходили къ тому выводу, что побѣдоносное развитіе революціи должно будетъ неизбѣжно передать власть пролетаріату, опирающемуся на широкія массы бѣднѣйшаго крестьянства. Главной основой этого предвидѣнія являлось ничтожество русской буржуазной демократіи и концентрированный характеръ русской промышленности, а стало-быть, огромное соціальное значеніе русскаго пролетаріата. Ничтожество буржуазной демократіи есть обо-

ротная сторона силы и значенія пролетаріата. Правда, война временно обманула на этотъ счетъ весьма многихъ и прежде всего руководящія группы самой буржуазной демократіи. Война отвела рѣшающую роль въ событіяхъ революціи—арміи. Старая армія, это—крестьянство. Если бы революція развивалась болѣе нормально, то-есть въ условіяхъ мирной эпохи, такъ какъ она началась съ 1912 года, пролетаріатъ неизбѣжно занималъ бы все время руководящее мѣсто, а крестьянскія массы постепенно вовлекались бы на буксирѣ пролетаріата въ революціонный водоворотъ. Но война создала совершенно другую механику событій. Армія связала крестьянство—не политической, а военной связью. Прежде чѣмъ крестьянскія массы оказались сплоченными извѣстными революціонными требованіями и идеями, они были уже объединены въ кадры полковъ, дивизій, корпусовъ, армій. Элементы мелкобуржуазной демократіи, разсѣянные въ этой арміи и игравшіе въ ней руководящую роль, какъ въ военномъ, такъ и въ идейномъ отношеніи были почти сплошь проникнуты мѣщански-революціонными настроеніями. Глубокое соціальное недовольство въ массахъ обострилось и рвалось наружу, особенно благодаря военному крушенію царизма. Пролетаріатъ въ лицѣ своихъ передовыхъ слоевъ, какъ только развернулась революція, возродилъ традицію 1905 года и призвалъ народныя массы къ организаціи въ видѣ представительныхъ учрежденій—Совѣтовъ депутатовъ. Армія оказалась призванной посылать своихъ представителей въ революціонныя учрежденія, прежде чѣмъ ея политическое сознаніе сколько-нибудь приблизилось къ уровню развертывавшихся революціонныхъ событій. Кого могли посылать солдаты въ качествѣ депутатовъ? Тѣхъ представителей интеллигенціи и

полуинтеллигенціи, которые имѣлись въ ихъ средѣ и обладали нѣкоторымъ, хотя бы минимальнымъ запасомъ политическихъ свѣдѣній и умѣли ихъ выражать. Такимъ образомъ мелкобуржуазная интеллигенція сразу оказалась волею пробуждающейся арміи поднята на огромную высоту. Врачи, инженеры, адвокаты, журналисты, вольноопредѣляющіеся, которые въ довоенныхъ условіяхъ жили совершенно обывательской жизнью и не претендовали ни на какую роль, сразу оказались теперь представителями цѣлыхъ корпусовъ и арміи и почувствовали себя „вождями“ революціи. Расплывчатость ихъ политической идеологіи вполнѣ соотвѣтствовала безформенности революціоннаго сознанія массъ. Эти элементы съ крайнимъ высокомѣріемъ относились къ намъ, „сектантамъ“, которые выдвигали соціальныя требованія рабочихъ и крестьянъ со всей остротой и непримиримостью. Въ то же самое время мелкобуржуазная демократія подъ высокомѣріемъ революціонной выскочки таила глубочайшее недовѣріе къ самой себѣ и къ той массѣ, которая подняла ее на неожиданную высоту. Называя себя соціалистической и считая себя таковой, интеллигенція съ худо скрываемой почтительностью относилась къ политическому могуществу либеральной буржуазіи, къ ея знаніямъ и методамъ. Отсюда стремленіе мелкобуржуазныхъ вождей во что бы то ни было добиться сотрудничества, союза, коалиціи съ либеральной буржуазіей. Программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ—вся цѣликомъ созданная изъ расплывчатыхъ гуманитарныхъ формулировокъ, замѣняющая классовый методъ сантиментальными общими мѣстами и моралистическими построеніями — являлась какъ нельзя болѣе подходящимъ духовнымъ облаченіемъ для этого слоя вождей ad hoc. Ихъ стремленія такъ или иначе при-

строить свою духовную и политическую безпомощность къ столь импонировавшей имъ наукѣ и политикѣ буржуазіи находили свое теоретическое оправданіе въ ученіи меньшевиковъ, которое разъясняло, что настоящая революція есть революція буржуазная и сталобыть не можетъ обойтись безъ участія буржуазіи во власти. Такимъ образомъ сложился естественный блокъ соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ, въ которомъ находила свое одновременное выраженіе политическая половинчатость мѣщанской интеллигенціи и ея вассальныя отношенія къ имперіалистическому либерализму.

Для насъ было совершенно ясно, что логика классовой борьбы раньше или позже разрушитъ эту временную комбинацію и отброситъ въ сторону вождей переходнаго періода. Гегемонія (верховенство) мелкобуржуазной интеллигенціи означала, въ сущности, тотъ фактъ, что крестьянство, внезапно призванное черезъ посредство военнаго аппарата къ организованному участію въ политической жизни, массой своей подавило и временно оттѣснило рабочій классъ. Болѣе того. Поскольку мѣщанскіе вожди оказались вдругъ поднятыми на огромную высоту массовидностью арміи, самъ пролетаріатъ, за вычетомъ своего передового меньшинства, не могъ не проникнуться извѣстнымъ политическимъ уваженіемъ къ нимъ, не могъ не стремиться сохранять съ ними политическую связь, — иначе ему грозила опасность оказаться оттертымъ отъ крестьянства. А въ памяти старшаго поколѣнія рабочихъ твердо сидѣлъ урокъ 1905 года, когда пролетаріатъ оказался разбитымъ именно потому, что тяжелые крестьянскіе резервы не подоспѣли въ моментъ рѣшающаго боя. Вотъ почему въ эту первую эпоху революціи даже пролетарскія массы оказывались весьма вос-

пріимчивы къ политической идеологіи соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ, тѣмъ болѣе что революція пробудила дремавшія до того времени отсталыя пролетарскія массы и сдѣлала для нихъ, такимъ образомъ, безформенный интеллигентскій радикализмъ подготовительной школой. Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ означали въ этихъ условіяхъ господство крестьянской безформенности надъ пролетарскимъ соціализмомъ и господство интеллигентскаго радикализма надъ крестьянской безформенностью. Зданіе Совѣтовъ съ такой быстротой поднялось на огромную высоту въ значительной мѣрѣ благодаря руководящей роли въ совѣтской работѣ интеллигенціи съ ея техническими знаніями и буржуазными связями. Но для насъ было ясно, что все это внушительное зданіе построено на глубочайшихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ и что крушеніе его на слѣдующемъ этапѣ революціи совершенно неизбѣжно.

Вопросъ о войнѣ.

Революція выросла непосредственно изъ войны, и война стала оселкомъ для всѣхъ партій и силъ революціи. Интеллигентскіе вожди были „противъ войны“; многіе изъ нихъ въ эпоху царизма считали себя сторонниками лѣваго крыла въ Интернаціоналѣ, примыкали къ Циммервальду. Но все сразу измѣнилось, когда они почувствовали себя на „отвѣтственныхъ“ постахъ. Вести политику революціоннаго соціализма значило въ этихъ условіяхъ рвать съ буржуазіей, своей и союзнической. А мы уже сказали, что политическая безпомощность интеллигентскаго и полуинтеллигентскаго мѣщанства искала себѣ прикрытія въ союзѣ съ буржуазнымъ либерализмомъ. Отсюда

жалкая и поистинѣ постыдная роль мѣщанскихъ вождей въ вопросѣ о войнѣ. Они ограничивались воздыханіями, фразами, тайными увѣщаніями или мольбами по адресу союзныхъ правительствъ, а на дѣлѣ шли по тому же пути, что и либеральная буржуазія. Солдатскія массы, наполнявшія окопы, не могли, разумѣется, притти къ выводу, что война, въ которой они участвовали въ теченіе почти трехъ лѣтъ, измѣнила свой характеръ только потому, что въ Петроградскомъ правительствѣ участвуютъ какія-то новыя лица, называющія себя соціалистами-революціонерами или меньшевиками. Милюковъ смѣнилъ чиновника Покровскаго, Терещенко смѣнилъ Милюкова—это значитъ, что бюрократическое вѣроломство оказалось смѣнено сперва боевымъ кадетскимъ имперіализмомъ, затѣмъ безпринципной расплывчатостью и политическимъ прислужничествомъ, но объективныхъ перемѣнъ это не давало, и выходъ изъ страшнаго круга войны не намѣчался. Здѣсь именно заложена первопричина дальнѣйшаго разложенія арміи. Солдатской массѣ агитаторы говорили, что царское правительство посылало ее на убой безъ цѣли и безъ смысла. А тѣ, которые пришли царю на смѣну, ни въ чемъ не сумѣли измѣнить характера войны, какъ не сумѣли встать на путь борьбы за миръ. Первые мѣсяцы были топтаніемъ на мѣстѣ. Это вызывало въ одинаковой мѣрѣ нетерпѣніе какъ арміи, такъ и союзныхъ правительствъ. Отсюда выросло наступленіе 18-го іюня. Его требовали союзники, предъявляя ко взысканію старые царскіе векселя. Запуганные своей собственной безпомощностью и возрастающимъ нетерпѣніемъ массъ, вожди мѣщанства пошли навстрѣчу этому требованію. Имъ и впрямь начало казаться, что для достиженія мира не хватаетъ только натиска со стороны русской арміи.

Наступленіе стало казаться имъ выходомъ изъ тупика, рѣшеніемъ вопроса, спасеніемъ. Трудно представить себѣ заблужденіе болѣе чудовищное и болѣе преступное. Они говорили въ тотъ періодъ о наступленіи такими же словами, какими соціалъ-патріоты всѣхъ странъ говорили въ первые дни и недѣли войны о необходимости поддержать дѣло національной обороны, скрѣпить священное единеніе націй и пр. и пр. Всѣ ихъ Циммервальдскія интернаціоналистическія увлеченія какъ рукой сняло. Для насъ, находившихся въ непримиримой оппозиціи, было ясно, что путь наступленія есть путь страшной опасности, можетъ-быть, гибели всей революціи. Мы предупреждали, что армію, которая пробуждена и расшатана грохотомъ еще далеко не вполнѣ осознанныхъ ею событій, нельзя посылать въ бой, не давъ ей новыхъ идей, которыя она осознала бы какъ свои идеи. Мы предостерегали, обличали, грозили. Но такъ какъ для руководящихъ партій, связанныхъ со своей и союзной буржуазіей, другого пути не оставалось, то къ намъ, естественно, относились съ враждою, болѣе того—съ ожесточенной ненавистью.

Кампанія противъ большевиковъ.

Будущій историкъ не безъ волненія будетъ просматривать листы русскихъ газетъ за май и іюнь, когда происходила идейная подготовка наступленія. Почти всѣ статьи безъ изъятія во всѣхъ правительственныхъ и офиціозныхъ газетахъ направлялись противъ большевиковъ. Не было того обвиненія, не было той клеветы, которая не была бы мобилизована противъ насъ въ ту эпоху. Руководящую роль въ этой кампаніи играла, разумѣется, кадетская буржуазія, которой ея классовый инстинктъ подсказывалъ, что дѣло идетъ не

только о наступленіи, а обо всемъ дальнѣйшемъ развитіи революціи и въ первую голову о судьбѣ государственной власти. Буржуазный аппаратъ „общественнаго мнѣнія“ развернулся тутъ во всей своей силѣ. Всѣ органы, учрежденія, изданія, трибуны, каѳедры были поставлены на службу одной общей цѣли: сдѣлать большевиковъ невозможными, какъ политическую партію. Въ сосредоточенной напряженности и въ драматизмѣ газетной кампаніи противъ большевиковъ предвосхищалась уже та гражданская война, которая должна была развернуться на слѣдующемъ этапѣ революціи. Задачей травли и клеветы являлось созданіе полной отчужденности и враждебности, глухой стѣны между трудящимися массами, съ одной стороны, и „образованнымъ обществомъ“—съ другой. Либеральная буржуазія понимала, что ей не приручить массъ безъ посредства и помощи той мѣщанской демократіи, которая, какъ мы указали выше, оказалась временно руководительницей революціонныхъ организацій. Поэтому непосредственной задачей политической травли большевиковъ являлось внесеніе непримиримой вражды между нашей партіей и широкими слоями „соціалистической интеллигенціи“, которая, отколовшись отъ пролетаріата, не могла не попасть въ кабалу къ либеральной буржуазіи.

Во время перваго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ грянулъ первый тревожный громъ, предсказывавшій будущія грозныя событія. На десятое іюня партія назначила въ Петроградѣ вооруженную демонстрацію. Ея непосредственной цѣлью являлось воздѣйствіе на Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ. — „Берите власть, — такъ хотѣли петроградскіе рабочіе сказать съѣхавшимся со всей страны с.-р. и меньшевикамъ. — Порвите съ буржуазіей, отбросьте идею коалиціи и

берите въ руки власть“. Для насъ было ясно, что разрывъ с.-р. и меньшевиковъ съ либеральной буржуазіей заставилъ бы ихъ искать опоры въ наиболѣе рѣшительныхъ, передовыхъ слояхъ пролетаріата и тѣмъ самымъ обезпечивалъ бы за этими послѣдними руководящее значеніе. Но именно этого испугались мѣщанскіе вожди. Въ союзѣ съ правительствомъ, въ которомъ они имѣли своихъ представителей, рука объ руку съ либеральной и контръ-революціонной буржуазіей, они открыли, поистинѣ, бѣшеный походъ противъ предполагавшейся демонстраціи, какъ только узнали о ней. Все было поставлено на ноги. Мы были тогда на Съѣздѣ въ незначительномъ меньшинствѣ и — отступили. Демонстрація не состоялась. Но эта несостоявшаяся демонстрація оставила глубочайшій слѣдъ въ сознаніи обѣихъ сторонъ, углубила противорѣчія, обострила вражду. На закрытомъ засѣданіи президіума Съѣзда, съ участіемъ представителей фракціи, Церетели, тогда министръ коалиціоннаго правительства, со всей рѣшительностью ограниченнаго мѣщанскаго доктринера говорилъ о томъ, что единственная опасность, которая угрожаетъ революціи, это — большевики и вооруженный ими петроградскій пролетаріатъ. Отсюда онъ дѣлалъ тотъ выводъ, что необходимо разоружить людей, которые „не умѣютъ обращаться съ оружіемъ“: это относилось къ рабочимъ и тѣмъ частямъ петроградскаго гарнизона, которые слѣдовали за нашей партіей. Однако, разоруженіе не состоялось — для такой острой мѣры не были еще въ достаточной степени подготовлены политическія и психологическія условія.

Чтобы дать массамъ удовлетвореніе за отмѣненную демонстрацію, Съѣздъ Совѣтовъ назначилъ общую, безоружную демонстрацію на 18-ое іюня. Но именно

этотъ день сталъ днемъ политическаго торжества нашей партіи. Массы вышли на улицы могучими колоннами, и, несмотря на то, что вызваны онѣ были официальнымъ Совѣтскимъ Учрежденіемъ въ противовѣсъ нашей несостоявшейся манифестаціи 10-го іюня, рабочіе и солдаты написали на своихъ знаменахъ и плакатахъ лозунги нашей партіи: „Долой тайные договоры“. „Долой политику наступленія“. „Да здравствуетъ честный миръ“. „Долой десять министровъ-капиталистовъ“. „Вся власть Совѣтамъ“. Плакатовъ съ выраженіемъ довѣрія коалиціонному правительству оказалось только три: одинъ отъ казачьяго полка, другой отъ группы Плеханова и третій отъ петроградской организаціи Бунда, состоящей главнымъ образомъ изъ непролетарскихъ элементовъ. Эта демонстрація показала не только нашимъ врагамъ, но и намъ самимъ, что мы въ Петроградѣ гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагали.

Наступленіе 18-го іюня.

Правительственный кризисъ въ результатѣ демонстраціи этихъ революціонныхъ массъ казался совершенно неизбѣжнымъ. Но впечатлѣніе демонстраціи было смыто вѣстью съ фронта о томъ, что революціонная армія перешла въ наступленіе. Въ тотъ самый день, когда пролетаріатъ и гарнизонъ Петрограда требовали опубликованія тайныхъ договоровъ и открытаго предложенія мира, Керенскій бросилъ революціонныя войска въ наступленіе. Это, разумѣется, не было случайнымъ совпаденіемъ. Прожекторы подготовили все заранѣе, и моментъ наступленія былъ избранъ не по военнымъ, а по политическимъ мотивамъ. 19-го іюня по улицамъ Петрограда двигались такъ называемыя патріотическія манифестаціи. Невскій

проспектъ — главная артерія буржуазіи — былъ весь усѣянъ возбужденными группами, среди которыхъ офицеры, журналисты и нарядныя дамы вели ожесточенную агитацію противъ большевиковъ. Первыя вѣсти о наступленіи были благопріятны. Руководящая либеральная пресса считала, что главное сдѣлано, что ударъ 18-го іюня, независимо отъ того, каковы будутъ его дальнѣйшія военныя послѣдствія, явится смертельнымъ ударомъ для развитія революціи, возсоздастъ старую дисциплину въ арміи и закрѣпитъ командное положеніе въ государствѣ за либеральной буржуазіей. Мы предсказывали другое. Въ особой декларації, которую мы огласили на первомъ Съѣздѣ Совѣтовъ за нѣсколько дней до наступленія 18-го іюня, мы заявили, что это наступленіе, неизбѣжно, разрушитъ внутреннюю связь въ арміи, противопоставитъ разныя ея части другъ другу, дастъ огромный перевѣсъ въ руки контръ-революціонныхъ элементовъ, такъ какъ поддержаніе дисциплины въ расшатанной, идейно необновленной арміи будетъ невозможно безъ суровыхъ репрессій. Другими словами, мы предсказывали въ этой декларації тѣ послѣдствія, которыя получили затѣмъ собирательное имя корниловщины. Мы считали, что революціи грозитъ величайшая опасность въ обоихъ случаяхъ — при успѣхѣ наступленія, въ который мы не вѣрили, и при неудачѣ, которая казалась намъ почти неизбѣжной. Успѣхъ наступленія долженъ былъ сплотить мѣщанство съ буржуазіей въ единствѣ шовинистическихъ настроеній и изолировать такимъ образомъ революціонный пролетаріатъ. Неудача наступленія грозила полнымъ разваломъ арміи, ея стихійнымъ отступленіемъ, потерей новыхъ провинцій, разочарованіемъ и отчаяніемъ массъ. Событія пошли по этому второму пути. Побѣдоносныя вѣсти шли недолго. Онѣ

замѣнились мрачными сообщеніями объ отказѣ многихъ частей поддерживать наступающихъ, о гибели офицерства, изъ котораго иногда сплошь составлялись ударныя единицы, и т. д. *).

Внутреннее положеніе.

Военныя событія разыгрывались на основѣ все болѣе нарастающихъ затрудненій во внутренней жизни

*) Въ виду большого историческаго значенія, приводимъ здѣсь въ извлеченіи документъ, оглашенный нашей партіей на Всероссійскомъ Съѣздѣ Совѣтовъ 3-го іюня 1917 г., т.-е. за двѣ недѣли до наступленія: „Мы считаемъ необходимымъ въ первую очередь работъ Съѣзда поставить вопросъ, отъ котораго зависятъ судьбы не только всѣхъ остальныхъ мѣропріятій Съѣзда, но—въ полномъ и точномъ смыслѣ слова—судьба всей русской революціи: вопросъ о подготовляемомъ на ближайшее время военномъ наступленіи.

Поставивши народъ и армію, которая не знаетъ, во имя какихъ международныхъ цѣлей она въ данныхъ условіяхъ призвана проливать кровь, предъ фактомъ наступленія со всѣми его послѣдствіями, контръ-революціонные круги Россіи разсчитываютъ и на то, что наступленіе вызоветъ сосредоточеніе власти въ рукахъ военно-дипломатическихъ и капиталистическихъ группъ, связанныхъ съ англійскимъ, французскимъ и американскимъ имперіализмомъ, и освободитъ ихъ отъ необходимости считаться въ дальнѣйшемъ съ организованной волей русской демократіи.

Закулисные контръ-революціонные инициаторы наступленія, не останавливающіеся передъ „военной авантюрой“, сознательно пытаются сыграть на разложеніи арміи, вызываемомъ всѣмъ внутреннимъ и международнымъ положеніемъ страны, и въ этихъ цѣляхъ внушаютъ отчаявшимся элементамъ демократіи ту, въ корнѣ ошибочную мысль, будто самый фактъ наступленія способенъ „возродить“ армію и такимъ механическимъ путемъ возмѣстить отсутствіе опредѣленной дѣйственной программы ликвидаціи войны. Между тѣмъ ясно, что такое наступленіе можетъ лишь окончательно дезорганизовать армію, противопоставляя одинъ ея части другимъ“.

страны. Въ области земельнаго вопроса, промышленности, національныхъ отношеній коалиціонное правительство не дѣлало ни одного рѣшительнаго шага впередъ. Продовольствіе и транспортъ разстраивались все больше. Столкновенія на мѣстахъ учащались. „Соціалистическіе“ министры уговаривали массы подождать. Всѣ рѣшенія и мѣропріятія откладывались, въ томъ числѣ и Учредительное Собраніе. Несостоятельность и неустойчивость режима были очевидны. Возможныхъ выходовъ открывалось два: отбросить буржуазію отъ власти и двинуть революцію впередъ или перейти къ „обузданію“ народныхъ массъ при помощи суровыхъ репрессій. Керенскій и Церетели держались средняго пути и только запутывали положеніе. Когда кадеты, наиболѣе умные и дальновидные представители коалиціи, поняли, что неудавшееся наступленіе 18-го іюня можетъ тяжело ударить не только по революціи, но и по правящимъ партіямъ, они поторопились отойти временно къ сторонѣ, взваливъ всю тяжесть отвѣтственности на своихъ союзниковъ слѣва. 2-го іюля произошелъ министерскій кризисъ, формальнымъ поводомъ къ которому послужилъ украинскій вопросъ. Это былъ моментъ чрезвычайнаго политическаго напряженія во всѣхъ смыслахъ. Съ разныхъ концовъ фронта являлись делегаціи и отдѣльные представители и разсказывали о томъ хаосѣ, который воцарился въ арміи въ результатѣ наступленія. Такъ называемая государственная печать требовала суровыхъ репрессій. Подобные же голоса все чаще раздавались со страницъ такъ называемой соціалистической печати. Керенскій все больше или, вѣрнѣе, все открытѣе переходилъ на сторону кадетъ и кадетскихъ генераловъ, демонстративно обнаруживая не только свою ненависть къ большевикамъ, но и свою непріязнь

къ революціоннымъ партіямъ вообще. Союзныя посольства нажимали на правительство, требуя возстановленія дисциплины и продолженія наступленія. Въ правительственныхъ кругахъ царила величайшая растерянность. Въ рабочихъ массахъ накопилось негодованіе, которое нетерпѣливо просилось наружу. „Воспользуйтесь выходомъ въ отставку кадетскихъ министровъ и возьмите всю власть въ свои руки!"—таковъ былъ призывъ рабочихъ Петрограда, обращенный къ руководящимъ совѣтскимъ партіямъ, соціалистамъ-революціонерамъ и меньшевикамъ. Я вспоминаю засѣданіе Исполнительнаго Комитета, происходившее 2-го іюля. Министры-соціалисты явились туда для доклада о новомъ кризисѣ власти. Мы съ напряженнымъ интересомъ ожидали, какую позицію займутъ они теперь, послѣ того какъ коалиція, которую они создавали и охраняли, такъ безславно распалась при тяжкомъ испытаніи, порожденномъ самой коалиціонной политикой. Докладчикомъ былъ Церетели. Онъ пространно объяснялъ Исполнительному Комитету, что тѣ уступки, какія онъ вмѣстѣ съ Терещенко сдѣлалъ Кіевской радѣ, отнюдь не означали расчлененія страны и потому не давали кадетамъ достаточныхъ основаній для выхода изъ министерства. Церетели обвинялъ кадетскихъ вождей въ централистическомъ доктринерствѣ, въ непониманіи необходимости компромисса съ украинцами и пр., и пр. Впечатлѣніе получалось до послѣдней степени жалкое. Безнадежный доктринеръ коалиціи обвинялъ въ доктринерствѣ трезвыхъ политиковъ капитала, которые воспользовались первымъ подходящимъ предлогомъ для того, чтобы заставить своихъ политическихъ приказчиковъ расплачиваться за тотъ рѣшительный поворотъ, какой они придали развитію событій наступленіемъ 18-го іюня. А выводъ? Послѣ всѣхъ предше-

ствовавшихъ опытовъ коалиціи казалось, что выводъ можетъ быть только одинъ — разрывъ съ кадетами, созданіе Совѣтской власти. Соотношеніе силъ внутри Совѣтовъ было тогда таково, что Совѣтская власть въ партійномъ смыслѣ оказалась бы непосредственно въ рукахъ у соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ. Мы сознательно шли навстрѣчу этому. Совѣтскій механизмъ обезпечивалъ, благодаря возможности постоянныхъ перевыборовъ, достаточно точное отраженіе измѣняющихся влѣво настроеній рабочей и солдатской массы. Къ тому же послѣ разрыва коалиціи съ буржуазіей радикальныя тенденціи должны были, по нашему предвидѣнію, получить перевѣсъ въ составѣ Совѣтовъ. При этихъ условіяхъ борьба пролетаріата за власть естественно вошла бы въ русло Совѣтской организаціи и могла бы развернуться безболѣзненно. Порвавъ съ буржуазіей, мѣщанская демократія сама попала бы подъ ея удары и вынуждена была бы искать тѣснѣйшей связи съ соціалистическимъ пролетаріатомъ, а ея нерѣшительность и политическая безформенность были бы раньше или позже преодолѣны трудящимися массами подъ ударами нашей критики. Вотъ почему мы требовали отъ руководящихъ совѣтскихъ партій, къ которымъ не питали политическаго довѣрія и не скрывали этого, чтобъ онѣ взяли въ свои руки власть.

Но и послѣ министерскаго кризиса 2-го іюля Церетели и его единомышленники не отказались отъ своей коалиціонной „идеи“. Они разъяснили въ Исполнительномъ Комитетѣ, что руководящіе кадеты, правда, развращены доктринерствомъ и даже контръ-революціонностью, но что въ провинціи имѣется много буржуазныхъ элементовъ, которые способны еще идти нога въ ногу съ революціонной демократіей, и что для

обезпеченія сотрудничества съ ними необходимо привлечь въ составъ новаго министерства представителей буржуазіи. Данъ уже съ надеждой взиралъ на радикально-демократическую партію, которая была сострянана около того времени нѣсколькими проблематическими политиками. Вѣсть о томъ, что коалиція разбилась только затѣмъ, чтобы уступить мѣсто новой коалиціи, быстро распространилась по Петрограду и вызвала бурю возмущенія въ рабочихъ и солдатскихъ кварталахъ. Такъ выросли событія 3—5-го іюля.

Іюльскіе дни.

Уже во время засѣданія Исполнительнаго Комитета намъ сообщали по телефону о томъ, что пулеметный полкъ готовится къ наступленію. Мы по телефону уже приняли мѣры къ тому, чтобы удержать его. Но на низахъ шла своя большая работа: съ фронта приходили представители расформированныхъ за непокорность частей, приносили тревожныя вѣсти о репрессіяхъ и будоражили гарнизонъ. Среди петроградскихъ рабочихъ недовольство офиціальными руководителями было тѣмъ острѣе, что Церетели, Данъ и Чхеидзе фальсифицировали общественное мнѣніе пролетаріата, стараясь не дать возможности Петроградскому Совѣту стать выразителемъ новыхъ настроеній трудящейся массы. Всероссійскій Исполнительный Комитетъ, созданный на іюньскомъ съѣздѣ и опиравшійся на болѣе отсталую провинцію, все больше оттѣснялъ на задній планъ Петроградскій Совѣтъ и забиралъ въ свои руки руководство даже чисто петроградскими дѣлами. Столкновеніе было неизбѣжно. Рабочіе и солдаты напирали снизу, бурно выражая недовольство офи-

ціальной Совѣтской политикой, и требовали отъ нашей партіи болѣе рѣшительныхъ дѣйствій. Мы считали, что часъ для такихъ дѣйствій еще не наступилъ—въ виду отсталости провинціи. Но въ то же время мы опасались, что событія на фронтѣ могутъ внести непомѣрный хаосъ въ ряды революціи и поселить отчаяніе въ сердцахъ массъ. Въ рядахъ нашей партіи отношеніе къ движенію 3—5-го іюля не было вполнѣ опредѣленнымъ. Съ одной стороны, было опасеніе, что Петроградъ можетъ оторваться отъ остальной страны, съ другой стороны, была надежда на то, что только энергичное и активное вмѣшательство Петрограда можетъ спасти положеніе. Партійные агитаторы на низахъ шли съ массой и вели непримиримую агитацію.

Была еще нѣкоторая надежда, что выступленіе революціонныхъ массъ на улицѣ разобьетъ тупое доктринство соглашателей и заставитъ ихъ понять, что держаться дольше у власти можно только открытымъ разрывомъ съ буржуазіей. Вопреки тому, что говорилось и писалось въ слѣдующіе дни въ буржуазной печати, въ нашей партіи не было совершенно плана захвата власти путемъ вооруженнаго возстанія. Дѣло шло о революціонной демонстраціи, возникшей стихійно, но политически руководившейся нами.

Центральный Исполнительный Комитетъ засѣдалъ въ Таврическомъ дворцѣ, когда бурныя волны вооруженныхъ солдатъ и рабочихъ окружили дворецъ со всѣхъ сторонъ. Среди демонстрантовъ были, разумѣется, въ ничтожномъ меньшинствѣ, анархическіе элементы, готовые пустить въ ходъ оружіе противъ Совѣтскаго центра. Были и преступные, черносотенные, явно наемные элементы, стремившіеся использовать положеніе и вызвать погромный хаосъ. Изъ среды этихъ элементовъ исходили требованія арестовать Чер-

нова, Церетели, разогнать Исполнительный Комитетъ и проч. Была даже попытка арестовать Чернова. Позже, въ Крестахъ, я узналъ одного изъ матросовъ, принимавшихъ участіе въ этой попыткѣ: онъ оказался уголовнымъ субъектомъ и сидѣлъ въ Крестахъ за грабежъ. Но буржуазная и соглашательская печать изобразила все движеніе какъ погромный, контръ-революціонный и, въ то же время, большевистскій походъ, имѣвшій непосредственной задачей овладѣть властью путемъ вооруженнаго насилія надъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ.

Движеніе 3—5-го іюля обнаружило уже съ полной ясностью, что вокругъ правящихъ Совѣтскихъ партій въ Петроградѣ царитъ пустота. Далеко не весь еще гарнизонъ былъ тогда съ нами. Были колеблющіяся части, нерѣшительныя, пассивныя. Но если не считать юнкеровъ, не было совершенно такихъ частей, которыя готовы были бы бороться противъ насъ въ защиту правительства или руководящихъ Совѣтскихъ партій. Пришлось вызывать войска съ фронта. Вся стратегія Церетели, Чернова и др. 3-го іюля сводилась къ тому, чтобы оттянуть время и дать возможность Керенскому подтянуть къ Петрограду „надежныя“ части. Въ залъ Таврическаго дворца, окруженнаго густой массой вооруженнаго народа, входила одна депутація за другой и требовала полнаго разрыва съ буржуазіей, рѣшительныхъ соціальныхъ реформъ и открытія мирныхъ переговоровъ. Мы, большевики, встрѣчали на улицѣ или во дворѣ каждый новый отрядъ демонстрантовъ рѣчами, въ которыхъ призывали къ спокойствію и выражали увѣренность въ томъ, что при нынѣшнемъ настроеніи массъ соглашателямъ не удастся создать новую коалиціонную власть. Особенно рѣшительно настроены были кронштадтцы, которыхъ лишь съ трудомъ

удавалось сдерживать въ предѣлахъ демонстраціи. Четвертаго демонстрація развернулась еще шире — уже подъ прямымъ руководствомъ нашей партіи. Совѣтскіе вожди были растеряны, рѣчи ихъ носили уклончивый характеръ, отвѣты, которые давалъ Улиссъ-Чхеидзе депутаціямъ, лишены были какого бы то ни было политическаго содержанія. Было ясно, что официальные вожди выжидаютъ.

Ночью 4-го стали прибывать съ фронта „надежныя" войска. Во время засѣданія Исполнительнаго Комитета зданіе Таврическаго дворца огласилось мѣдными звуками *Марсельезы*. Лица членовъ президіума сразу измѣнились. Появилась увѣренность, которой такъ не хватало въ теченіе послѣднихъ дней. Это вступалъ въ Таврическій дворецъ Волынскій полкъ — тотъ самый, который нѣсколько мѣсяцевъ спустя шелъ въ авангардѣ октябрьской революціи подъ нашими знаменами. Съ этого момента все измѣнилось. Съ делегаціями петроградскихъ рабочихъ и солдатъ, съ представителями Балтійскаго флота не было больше нужды церемониться. Съ трибуны Исполнительнаго Комитета раздались рѣчи о вооруженномъ мятежѣ, который нынѣ подавленъ вѣрными революціи войсками. Большевики были объявлены контръ-революціонной партіей.

Страхъ, какой испытывала либеральная буржуазія въ теченіе двухъ дней вооруженной демонстраціи, вышелъ наружу въ видѣ клокочущей ненависти, не только на газетныхъ столбцахъ, но и на улицахъ Петрограда, особенно на Невскомъ проспектѣ, гдѣ безпощадно избивали отдѣльныхъ рабочихъ и солдатъ, застигнутыхъ на мѣстѣ преступной агитаціи. Юнкера, офицеры, ударники, георгіевскіе кавалеры оказались господами положенія. Во главѣ ихъ стали отъявленные контръ-революціонеры. Въ городѣ шелъ безпощадный

разгромъ рабочихъ организацій и учрежденій нашей партіи. Начались аресты, обыски, избіенія и отдѣльныя убійства. 4-го ночью тогдашній министръ юстиціи Переверзевъ сдалъ въ печать „документы“, которые должны были свидѣтельствовать, что во главѣ партіи большевиковъ стоятъ подкупленные агенты Германіи. Руководители партіи соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ слишкомъ давно и слишкомъ хорошо знали насъ, чтобы вѣрить этому обвиненію, но въ то же время они были слишкомъ заинтересованы въ его успѣхѣ, чтобы открыто выступить противъ него. И сейчасъ еще нельзя безъ омерзѣнія вспомнить о той вакханаліи лжи, которая разлилась по страницамъ всѣхъ буржуазныхъ и соглашательскихъ газетъ. Наша пресса была раздавлена. Революціонный Петроградъ почувствовалъ, что провинція и армія еще далеко не съ нимъ. Въ рабочихъ кварталахъ наступилъ короткій моментъ замѣшательства. Въ гарнизонѣ пошли репрессіи: расформированія полковъ, обезоруженія отдѣльныхъ частей. Тѣмъ временемъ совѣтскіе вожди фабриковали новое министерство съ включеніемъ въ него представителей третьестепенныхъ буржуазныхъ группъ, которыя, ничего не внося въ правительство, однако, лишали его послѣдней доли революціонной инициативы.

На фронтѣ событія шли тѣмъ временемъ своимъ чередомъ. Организмъ арміи былъ потрясенъ до самыхъ глубинъ. Солдаты убѣждались на дѣлѣ, что огромная часть офицерства, перекрасившись въ началѣ революціи въ защитный красный цвѣтъ, оставалась глубоко враждебной новому режиму. Въ ставкѣ шелъ открытый подборъ контръ-революціонныхъ элементовъ. Большевистскія изданія преслѣдовались безпощадно. Наступленіе давно смѣнилось трагическимъ отступле-

ніемъ. Буржуазная печать бѣшено клеветала на армію, и если наканунѣ наступленія правящія партіи отвѣчали намъ, что мы ничтожная кучка, что армія не знаетъ насъ и не хочетъ знать, то теперь, когда авантюра наступленія такъ трагически закончилась, тѣ же лица и партіи всю отвѣтственность за неудачу возлагали на насъ. Тюрьмы были переполнены революціонными рабочими и солдатами. Къ разслѣдованію дѣла 3—5-го іюля были привлечены всѣ старые судебные волки царизма. При этихъ условіяхъ соціалисты-революціонеры и меньшевики осмѣливались требовать отъ Ленина, Зиновьева и другихъ товарищей, чтобы тѣ добровольно отдали себя въ руки „правосудія“.

Послѣ іюльскихъ дней.

Замѣшательство въ рабочихъ кварталахъ быстро прошло и смѣнилось революціоннымъ приливомъ въ средѣ не только пролетаріата, но и петроградскаго гарнизона. Соглашатели утрачивали всякое вліяніе, волна большевизма стала широко распространяться по всей странѣ изъ городскихъ центровъ и черезъ всѣ препятствія проникла въ ряды арміи. Новая коалиціонная власть съ Керенскимъ во главѣ уже открыто стала на путь репрессій. Министерство возстановило смертную казнь для солдатъ. Наши газеты закрывались, наши агитаторы арестовывались, но это лишь увеличивало наше вліяніе. Несмотря на всѣ препятствія, какія чинились перевыборамъ Петроградскаго Совѣта, соотношеніе силъ измѣнилось настолько, что по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ мы уже оказывались въ большинствѣ. Точно также и въ Московскомъ Совѣтѣ.

Въ это время я вмѣстѣ со многими другими то-

варищами уже сидѣлъ въ Крестахъ, арестованный за агитацію и организацію вооруженнаго возстанія 3—5-го іюля по соглашенію съ германскими властями и въ цѣляхъ содѣйствія военнымъ задачамъ Гогенцоллерна. Небезызвѣстный судебный слѣдователь царскаго режима Александровъ, который велъ не мало дѣлъ противъ революціонеровъ, теперь получилъ миссію охранять республику отъ контръ-революціонныхъ большевиковъ. При старомъ режимѣ населеніе тюремъ дѣлилось на политическихъ и уголовныхъ, теперь установилась новая терминологія: уголовные и большевики. Среди заключенныхъ солдатъ царило горькое недоумѣніе. Молодые парни, выходцы изъ деревни, не принимавшіе раньше участія въ политической жизни, считали, что революція разъ и навсегда освободила ихъ, и теперь съ изумленіемъ глядѣли на дверные замки и оконныя решетки. На прогулкѣ они каждый разъ тревожно спрашивали меня, что это означаетъ и чѣмъ это кончится. Я утѣшалъ ихъ тѣмъ, что побѣда въ концѣ концовъ останется за нами.

Возстаніе Корнилова.

Въ концѣ августа разыгралось возстаніе генерала Корнилова. Оно явилось непосредственнымъ результатомъ мобилизаціи контръ-революціонныхъ силъ, энергичнымъ толчкомъ, который данъ былъ наступленіемъ 18-го іюня. На пресловутомъ московскомъ совѣщаніи въ серединѣ августа Керенскій пытался стать въ центрѣ между цензовыми элементами и мелкобуржуазной демократіей. Большевики вообще считались стоящими за предѣлами „легальной“ страны. Имъ Керенскій грозилъ желѣзомъ и кровью при бурныхъ аплодисментахъ цензовой половины собранія и при

предательскомъ молчаніи мѣщанской демократіи. Но истерическіе выкрики и угрозы Керенскаго не удовлетворяли главарей контръ-революціоннаго дѣла. Они слишкомъ ясно наблюдали революціонный приливъ во всѣхъ частяхъ страны въ рабочемъ классѣ, въ деревнѣ и въ арміи, и считали необходимымъ безотлагательно примѣнять самыя крайнія мѣры для того, чтобы проучить массы. По соглашенію съ цензовой буржуазіей, которая видѣла въ немъ своего героя, Корниловъ взялъ эту рискованную задачу на себя. Керенскій, Савинковъ, Филоненко и др. правящіе и полуправящіе соціалисты-революціонеры были соучастниками его заговора, но всѣ они на извѣстной стадіи развитія событій предали Корнилова, понявъ, что въ случаѣ его побѣды они окажутся за бортомъ. Мы переживали корниловскія событія въ тюрьмѣ и слѣдили за ними по газетамъ: свободное полученіе газетъ было единственнымъ крупнымъ отличіемъ тюремъ Керенскаго отъ тюремъ стараго режима. Авантюра казачьяго генерала сорвалась. Шесть мѣсяцевъ революціи создали въ сознаніи массъ и въ ихъ организованности достаточный оплотъ противъ открытаго контръ-революціоннаго натиска. Соглашательскія совѣтскія партіи до послѣдней степени испугались возможныхъ послѣдствій корниловскаго заговора, который грозилъ смести не только большевиковъ, но и всю революцію вмѣстѣ съ ея правящими партіями. Соціалисты-революціонеры и меньшевики приступили къ легализаціи большевиковъ,— впрочемъ, съ оглядкой и только на половину, въ предчувствіи возможныхъ опасностей въ будущемъ. Тѣ самые кронштадтскіе матросы, которыхъ послѣ іюльскихъ дней объявили громилами и контръ-революціонерами, были въ моментъ корниловской опасности вызваны въ Петроградъ для охраны революціи. Они

явились безъ словъ, безъ упрековъ, безъ напоминаній о прошломъ и заняли самые отвѣтственные посты. Я имѣлъ полное право напомнить Церетели тѣ слова, которыя я бросилъ ему въ маѣ, когда онъ занимался травлей кронштадтцевъ: „Когда контръ-революціонный генералъ пытается накинуть на шею революціи петлю, кадеты будутъ намыливать веревку, а кронштадтскіе матросы явятся, чтобы бороться и умирать вмѣстѣ съ нами“.

Совѣтскія организаціи обнаружили вездѣ, въ тылу, на фронтѣ, свою жизнеспособность и силу въ борьбѣ съ корниловскимъ мятежомъ. До сраженія дѣло почти нигдѣ не дошло. Революціонная масса размыла генеральскій заговоръ. Какъ соглашатели не нашли въ іюлѣ противъ насъ солдатъ въ петроградскомъ гарнизонѣ, такъ теперь Корниловъ не нашелъ солдатъ противъ революціи на всемъ фронтѣ. Онъ дѣйствовалъ обманомъ, и слова пропаганды легко разрушали его замыслы.

По газетамъ я надѣялся на большую быстроту дальнѣйшихъ событій въ смыслѣ перехода власти въ руки Совѣтовъ. Ростъ вліянія и силы большевиковъ былъ несомнѣненъ и получилъ неудержимый размахъ. Большевики предупреждали противъ коалиціи, противъ наступленія 18-го іюня, они предсказывали корниловщину. Народныя массы на опытѣ убѣждались въ томъ, что мы были правы. Въ наиболѣе тревожные моменты корниловскаго заговора, когда Кавказская дивизія приближалась къ Петрограду, Петроградскій Совѣтъ при вынужденномъ попустительствѣ властей вооружилъ рабочихъ. Полки, которые были приведены противъ насъ, давно успѣли переродиться въ горячей атмосферѣ Петрограда и теперь были цѣликомъ за насъ. Корниловскій мятежъ долженъ былъ окончатель-

но открыть глаза арміи на недопустимость дальнѣйшей политики соглашенія съ буржуазной контръ-революціей. Можно было поэтому ожидать, что подавленіе корниловскаго мятежа явится только вступленіемъ къ непосредственному натиску руководимыхъ нашей партіей революціонныхъ силъ для овладѣнія властью. Но событія развивались болѣе медленно. При всей напряженности революціоннаго настроенія, массы стали послѣ суроваго урока іюльскихъ дней болѣе осторожны и отказались отъ всякихъ самочинныхъ выступленій, ожидая прямого призыва и руководства сверху. Но и на верхахъ нашей партіи преобладало выжидательное настроеніе. Въ этихъ условіяхъ ликвидація корниловской авантюры, несмотря на глубокое измѣненіе силъ въ нашу пользу, не привела къ непосредственнымъ политическимъ перемѣнамъ.

Борьба внутри Совѣтовъ.

Въ Петроградскомъ Совѣтѣ господство нашей партіи закрѣпилось тѣмъ временемъ окончательно. Это проявилось въ драматической формѣ на вопросѣ о составѣ президіума. Въ ту эпоху, когда соціалисты-революціонеры и меньшевики господствовали въ Совѣтахъ, они всѣми средствами изолировали большевиковъ. Такъ, въ составъ петроградскаго президіума они не допустили ни одного большевика даже въ тотъ періодъ, когда наша партія представляла собой, по меньшей мѣрѣ, одну треть всего Совѣта. Послѣ того, какъ Петроградскій Совѣтъ непрочнымъ большинствомъ вынесъ резолюцію о переходѣ всей власти въ руки Совѣтовъ, наша фракція предъявила требованіе объ образованіи коалиціоннаго президіума на пропор-

ціональныхъ основахъ. Старый президіумъ, въ составъ котораго входили Чхеидзе, Церетели, Керенскій, Скобелевъ, Черновъ, наотрѣзъ отказалъ въ этомъ. Объ этомъ не мѣшаетъ напомнить сейчасъ, когда представители разбитыхъ революціей партій говорятъ о необходимости единаго фронта демократіи и обвиняютъ насъ въ исключительности. Было созвано спеціальное собраніе Петроградскаго Совѣта, которое и должно было разрѣшить вопросъ о судьбѣ президіума. Всѣ силы, всѣ резервы были мобилизованы съ обѣихъ сторонъ. Церетели выступилъ съ программной рѣчью, въ которой доказывалъ, что вопросъ о президіумѣ есть вопросъ о направленіи. Мы считали, что соберемъ нѣсколько меньше половины голосовъ и готовы были видѣть въ этомъ успѣхъ. На самомъ дѣлѣ за насъ при поименномъ голосованіи высказалось большинство въ сто слишкомъ голосовъ. „Мы въ теченіе шести мѣсяцевъ, — говорилъ Церетели, — стояли во главѣ Петроградскаго Совѣта и вели его отъ побѣды къ побѣдѣ; мы желаемъ вамъ, чтобы вы хоть половину этого времени продержались на тѣхъ постахъ, которые вы теперь готовитесь занять“. Въ Московскомъ Совѣтѣ произошла такая же смѣна руководящихъ партій. Провинціальные Совѣты одинъ за другимъ переходили на позицію большевиковъ. Близился срокъ созыва Второго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ. Но руководящая группа Центральнаго Исполнительнаго Комитета всѣми силами стремилась отодвинуть Съѣздъ въ неопредѣленное будущее, чтобы такимъ путемъ сорвать его. Было очевидно, что новый Съѣздъ Совѣтовъ дастъ большинство нашей партіи, обновитъ соотвѣтственнымъ образомъ составъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета и лишитъ соглашателей ихъ важнѣйшей позиціи. Борьба за созывъ Всероссійскаго

Съѣзда Совѣтовъ получила для насъ крупнѣйшее значеніе.

Въ противовѣсъ этому меньшевики и соціалисты-революціонеры выдвинули идею Демократическаго Совѣщанія. Это предпріятіе имъ нужно было какъ противъ насъ, такъ и противъ Керенскаго.

Глава министерства занялъ къ этому времени совершенно независимую и безотвѣтственную позицію. Его поднялъ къ власти Петроградскій Совѣтъ въ первую эпоху революціи. Керенскій вступилъ въ министерство безъ предварительнаго рѣшенія Совѣта, но вступленіе это затѣмъ было одобрено. Послѣ перваго Съѣзда Совѣтовъ министры-соціалисты считались отвѣтственными передъ Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ. Ихъ союзники—кадеты—отвѣчали только передъ своей партіей. Послѣ іюльскихъ дней Центральный Исполнительный Комитетъ, идя навстрѣчу буржуазіи, освободилъ министровъ-соціалистовъ отъ совѣтской отвѣтственности—якобы во имя созданія революціонной диктатуры. Объ этомъ тоже не безполезно вспомнить теперь, когда тѣ самыя лица, которыя строили диктатуру кружка, выступаютъ съ обвиненіями и проклятіями противъ диктатуры класса. Московское Совѣщаніе, на которомъ искусно подтасованные цензовые и демократическіе элементы уравновѣшивали другъ друга, имѣло своей задачей утвердить власть Керенскаго надъ классами и надъ партіями. Эта цѣль была достигнута только повидимости. Въ сущности, Московское Совѣщаніе обнаружило полное безсиліе Керенскаго, ибо онъ былъ почти одинаково чуждъ и цензовымъ элементамъ и мѣщанской демократіи. Но такъ какъ либералы и консерваторы аплодировали его выпадамъ противъ демократіи, а соглашатели устраивали ему овацію, когда онъ осторожно порицалъ контръ-революціонеровъ, то у него создава-

лось впечатлѣніе, будто онъ опирается на тѣхъ и другихъ и потому располагаетъ неограниченной властью. Рабочимъ и революціоннымъ солдатамъ онъ грозилъ кровью и желѣзомъ. Его политика пошла дальше по пути закулисныхъ сдѣлокъ съ Корниловымъ, которыя скомпрометировали его даже въ глазахъ соглашателей. Церетели въ характерныхъ для него уклончиво-дипломатическихъ выраженіяхъ заговорилъ о „личныхъ“ моментахъ въ политикѣ и о необходимости эти личные моменты ограничить. Эту задачу должно было выполнить Демократическое Совѣщаніе, которое созывали по произвольнымъ нормамъ изъ представителей Совѣтовъ, думъ, земствъ, профессіональныхъ союзовъ и кооперативовъ. Главная задача состояла, однако, въ томъ, чтобы обезпечить достаточно консервативный составъ Совѣщанія, растворить разъ навсегда Совѣты въ безформенной массѣ демократіи и на этой новой организаціонной основѣ утвердиться противъ большевистскаго прилива.

Здѣсь не лишне будетъ въ нѣсколькихъ словахъ отмѣтить разницу политической роли Совѣтовъ и демократическихъ органовъ самоуправленія. Филистеры не разъ указывали намъ, что новыя думы и земства, избранныя на основѣ всеобщаго голосованія, несравненно демократичнѣе Совѣтовъ и имѣютъ больше правъ на представительство населенія, однако, этотъ формальный демократическій критерій лишенъ серьезнаго содержанія въ революціонную эпоху. Революція знаменательна тѣмъ, что сознаніе массъ измѣняется быстро, новые и новые слои населенія накопляютъ опытъ, провѣряютъ свои вчерашніе взгляды, отметаютъ ихъ, вырабатываютъ новые, отказываясь отъ старыхъ вождей, слѣдуютъ за новыми, идутъ впередъ... Формально-демократическія организаціи, опирающіяся на тяжеловѣс-

ный аппаратъ всеобщаго избирательнаго права, неизбѣжно отстаютъ въ революціонную эпоху отъ развитія политическаго сознанія массъ. Совсѣмъ иное дѣло — Совѣты. Они непосредственно опираются на органическія группировки, какъ мастерская, заводъ, фабрика, волость, полкъ и пр. Здѣсь, разумѣется, нѣтъ тѣхъ юридическихъ гарантій точности выборовъ, какъ при созданіи демократическихъ думъ или земствъ. Но имѣются несравненно болѣе серьезныя, болѣе глубокія гарантіи прямой и непосредственной связи депутата съ избирателями. Гласный городской думы или земства опирается на распыленную массу избирателей, которая довѣряетъ ему свои полномочія на годъ и распадается. Совѣтскіе избиратели остаются всегда связаны условіями своего труда и существованія, депутатъ всегда у нихъ на глазахъ, они въ любой моментъ могутъ выработать для него наказъ, осудить его, смѣстить, замѣнить другимъ лицомъ. Если общая политическая эволюція выражалась за предшествующіе революціонные мѣсяцы въ томъ, что вліяніе согласшательскихъ партій смѣнялось рѣшающимъ вліяніемъ большевиковъ, то вполнѣ понятно, что этотъ процессъ ярче и полнѣе всего отражается въ Совѣтахъ, тогда какъ думы и земства, несмотря на весь свой формальный демократизмъ, выражали не сегодняшнее, а вчерашнее состояніе народныхъ массъ. Этимъ именно объясняется тяготѣніе къ думамъ и земствамъ тѣхъ партій, которыя все больше теряли почву подъ ногами въ средѣ революціоннаго класса. Съ этимъ самымъ вопросомъ—только въ болѣе широкомъ масштабѣ—мы встрѣтимся позже, когда подойдемъ къ Учредительному Собранію.

Демократическое Совѣщаніе.

Демократическое Совѣщаніе, созванное Церетели и его сторонниками въ серединѣ сентября, имѣло совершенно искусственный характеръ, представляя комбинацію изъ Совѣтовъ и органовъ самоуправленія въ такой пропорціи, чтобы обезпечить перевѣсъ соглашательскихъ партій. Рожденное безпомощностью и растерянностью, Совѣщаніе закончилось жалкимъ фіаско. Цензовая буржуазія относилась къ Совѣщанію съ величайшей враждебностью, усматривая въ немъ попытку отодвинуть ее отъ тѣхъ позицій, къ которымъ она приблизилась на Московскомъ Совѣщаніи. Революціонный пролетаріатъ и связанныя съ нимъ массы крестьянъ и солдатъ заранѣе осуждали фальсификаторскій методъ созыва Демократическаго Совѣщанія. Прямой задачей соглашателей было создать „отвѣтственное“ министерство. Но и это не было достигнуто. Керенскій не хотѣлъ и не допускалъ отвѣтственности, потому что этого не допускала стоявшая за его спиной буржуазія. Безотвѣтственность по отношенію къ органамъ такъ называемой демократіи означала фактическую отвѣтственность передъ кадетами и союзными посольствами. Пока что, для буржуазіи этого было достаточно. По вопросу о коаліціи Демократическое Совѣщаніе обнаружило всю свою несостоятельность: за коаліцію съ буржуазіей голосовало немногимъ болѣе, чѣмъ противъ коаліціи; большинство голосовало противъ коаліціи съ кадетами. Но за вычетомъ кадетовъ не оказывалось въ средѣ буржуазіи серьезныхъ контръ-агентовъ для коаліціи. Церетели обстоятельно разъяснялъ это Совѣщанію. Разъ Совѣщаніе не поняло, тѣмъ хуже для него. Переговоры безцеремонно велись за спиной Совѣщанія съ отверг-

нутыми имъ кадетами, при чемъ рѣшено было, что кадеты будутъ фигурировать не въ качествѣ кадетовъ, а въ качествѣ... общественныхъ дѣятелей. Тѣснимая и справа и слѣва, мѣщанская демократія сносила все это издѣвательство надъ собою и тѣмъ демонстрировала свою полную политическую пространію. Изъ Демократическаго Совѣщанія былъ выдѣленъ Совѣтъ, который рѣшено было пополнить представительствомъ цензовыхъ элементовъ, и этотъ предпарламентъ долженъ былъ заполнять собою пустое мѣсто, остававшееся до созыва Учредительнаго Собранія. Новое коалиціонное министерство, въ противорѣчіи съ первоначальнымъ планомъ Церетели, но въ полномъ согласіи съ планами буржуазіи, сохраняло свою формальную независимость по отношенію къ предпарламенту. Все вмѣстѣ производило впечатлѣніе жалкаго и безсильнаго канцелярскаго творчества, за которымъ скрывалась полная капитуляція мелкобуржуазной демократіи передъ цензовымъ либерализмомъ, который за мѣсяцъ передъ тѣмъ открыто поддерживалъ натискъ Корнилова на революцію. Все свелось такимъ образомъ къ возстановленію и увѣковѣченію коалиціи съ либеральной буржуазіей. Не могло больше быть сомнѣнія въ томъ, что, совершенно независимо отъ состава будущаго Учредительнаго Собранія, правительственная власть фактически будетъ въ рукахъ буржуазіи, ибо соглашательскія партіи, несмотря на весь тотъ перевѣсъ, который давали имъ народныя массы, неизмѣнно приходили къ коалиціи съ кадетами, не считая возможнымъ создавать государственную власть безъ буржуазіи. Народныя массы относились къ партіи Милюкова съ глубочайшей враждой. Во всѣхъ выборахъ за эпоху революціи кадеты нещадно проваливались, и тѣмъ не менѣе тѣ самыя партіи — с.-рев. и меньше-

вики,— которыя побѣдоносно разбивали кадетскую партію на выборахъ, послѣ выборовъ отводили ей въ коалиціонномъ правительствѣ красный уголъ. Естественно, если массы все болѣе усматривали, что соглашательскія партіи играютъ въ сущности роль приказчиковъ либеральной буржуазіи.

Затрудненія въ тылу и на фронтѣ.

Внутреннее положеніе тѣмъ временемъ осложнялось и ухудшалось. Война тянулась безъ цѣли, безъ смысла и безъ перспективъ. Правительство не дѣлало никакихъ шаговъ, чтобы вырваться изъ порочнаго круга. Былъ выдвинутъ смѣхотворный планъ посылки меньшевика Скобелева въ Парижъ для воздѣйствія на союзныхъ имперіалистовъ. Но этому плану ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не придавалъ серьезнаго значенія. Корниловъ сдалъ нѣмцамъ Ригу, чтобы терроризовать общественное сознаніе и въ этой атмосферѣ утвердить палочную дисциплину въ арміи. Опасность грозила Петрограду. И буржуазные элементы встрѣчали эту опасность съ явнымъ злорадствомъ. Бывшій предсѣдатель Думы Родзянко открыто говорилъ о томъ, что сдача нѣмцамъ развращеннаго Петрограда не составитъ большой бѣды. Онъ ссылался на примѣръ Риги, гдѣ послѣ вступленія нѣмцевъ были упразднены Совѣты депутатовъ и вмѣстѣ съ старыми городовыми водворился твердый порядокъ. Погибнетъ Балтійскій флотъ? Но флотъ развращенъ революціонной пропагандой: потеря, стало-быть, не столь велика. Въ этомъ цинизмѣ болтливаго барина выразились затаенныя мысли широкихъ круговъ буржуазіи. Сдача Петрограда нѣмцамъ, вѣдь, не означаетъ еще потери его. По мир-

ному договору Петроградъ вернется, но вернется помятый нѣмецкимъ милитаризмомъ. Революція тѣмъ временемъ останется обезглавленной, съ ней легче будетъ справиться. Правительство Керенскаго не думало о серьезной оборонѣ столицы. Наоборотъ, общественное мнѣніе подготовлялось къ ея возможной сдачѣ. Изъ Петрограда въ Москву и другіе города эвакуировались правительственныя учрежденія.

Въ этой обстановкѣ собралась солдатская секція Петроградскаго Совѣта. Настроеніе было напряженнымъ и тревожнымъ. Правительство неспособно защитить Петроградъ? Въ такомъ случаѣ пускай заключаетъ миръ. А если неспособно заключить миръ, пускай убирается прочь. Въ такомъ постановленіи выразилось настроеніе солдатской секціи. Это была уже зарница октябрьской революціи.

На фронтѣ положеніе ухудшалось съ каждымъ днемъ. Надвигалась холодная осень съ дождями и грязью. Впереди вырисовывалась четвертая зимняя кампанія. Продовольствіе создавало все большія затрудненія. Въ тылу забыли о фронтѣ — ни смѣны, ни пополненій, ни необходимой теплой одежды. Дезертирство возрастало. Старые армейскіе комитеты, выбранные еще въ первый періодъ революціи, оставались на своихъ мѣстахъ и поддерживали политику Керенскаго. Перевыборы были запрещены. Между комитетами и солдатскими массами образовалась пропасть. Въ концѣ концовъ солдаты стали относиться къ комитетамъ съ ненавистью. Изъ окоповъ все чаще и чаще приходили въ Петроградъ делегаты и на засѣданіяхъ Петроградскаго Совѣта ставили въ упоръ вопросъ: Что дальше дѣлать? Кто и какъ кончитъ войну? Почему молчитъ Петроградскій Совѣтъ?

Неизбѣжность борьбы за власть.

Петроградскій Совѣтъ не молчалъ. Онъ требовалъ немедленнаго перехода всей власти въ руки Совѣтовъ въ центрѣ и на мѣстахъ, немедленнаго перехода земель въ руки крестьянъ, контроля рабочихъ надъ производствомъ и немедленнаго открытія мирныхъ переговоровъ. Пока мы оставались партіей оппозиціи, лозунгъ — вся власть Совѣтамъ — былъ лозунгомъ пропаганды. Но съ того времени, какъ мы оказались во всѣхъ главнѣйшихъ Совѣтахъ въ большинствѣ, этотъ лозунгъ возлагалъ на насъ обязательство прямой и непосредственной борьбы за власть.

Въ деревнѣ положеніе запуталось и усложнилось до послѣдней степени. Революція обѣщала крестьянину землю, но въ то же время руководящія партіи требовали, чтобы крестьянинъ не прикасался къ этой землѣ до Учредительнаго Собранія. Крестьянинъ сперва терпѣливо ждалъ, а когда началъ терять терпѣніе, коалиціонное министерство обрушило на него репрессіи. Учредительное Собраніе тѣмъ временемъ отодвигалось вдаль. Буржуазія настаивала на томъ, чтобы Учредительное Собраніе созвать послѣ заключенія мира. Крестьянскія массы все больше и больше теряли терпѣніе. То, что мы предсказывали въ самомъ началѣ революціи, начало осуществляться: крестьянинъ приступилъ къ захвату земли собственными средствами. Репрессіи усилились, пошли аресты революціонныхъ земельныхъ комитетовъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Керенскій ввелъ военное положеніе. Изъ деревень потекли ходоки въ Петроградскій Совѣтъ. Они жаловались на то, что ихъ арестуютъ, когда

они приступаютъ къ выполненію программы Петроградскаго Совѣта и забираютъ помѣщичью землю въ руки крестьянскихъ комитетовъ. Крестьяне требовали у насъ защиты. Мы отвѣчали имъ, что защитить ихъ мы могли бы только въ томъ случаѣ, если бы власть была у насъ въ рукахъ. Отсюда, однако, слѣдовалъ тотъ выводъ, что Совѣты, если они не желаютъ превратиться въ говорильни, должны брать въ свои руки власть.

— Безсмысленно бороться за власть Совѣтовъ за полтора-два мѣсяца до Учредительнаго Собранія!—такъ говорили намъ наши сосѣди справа. Мы, однако, ни въ малой мѣрѣ не были заражены этимъ фетишизмомъ Учредительнаго Собранія. Прежде всего не было никакихъ гарантій того, что оно дѣйствительно будетъ созвано. Распадъ арміи, массовое дезертирство, продовольственная разруха, аграрная революція — все это создавало такую обстановку, которая мало благопріятствовала выборамъ въ Учредительное Собраніе. Сдача Петрограда нѣмцамъ вообще грозила снять съ очереди вопросъ о выборахъ. А затѣмъ, если бы даже Учредительное Собраніе и было созвано подъ руководствомъ старыхъ партій, по старымъ спискамъ, оно явилось бы только прикрытіемъ и освященіемъ коалиціонной власти. Ни соц.-рев., ни меньшевики не были способны взять въ свои руки власть безъ буржуазіи. Только революціонный классъ призванъ былъ разбить порочный кругъ, въ которомъ вращалась и разлагалась революція. Власть нужно было вырвать изъ рукъ тѣхъ элементовъ, которые, прямо или косвенно, служили буржуазіи и пользовались государственнымъ аппаратомъ, какъ орудіемъ обструкціи противъ революціонныхъ требованій народа.

Борьба за Съѣздъ Совѣтовъ.

— Власть Совѣтамъ!—требовала наша партія. Въ предшествовавшую эпоху это, въ переводѣ на партійный языкъ, означало—власть соц.-рев. и меньшевикамъ, въ противовѣсъ коалиціи съ либеральной буржуазіей.

Теперь, въ октябрѣ 1917 г., тотъ же лозунгъ означалъ передачу всей власти революціонному пролетаріату, во главѣ котораго стояла въ этотъ періодъ партія большевиковъ. Дѣло шло о диктатурѣ рабочаго класса, который велъ за собою или, вѣрнѣе, способенъ былъ повести за собою многомилліонныя массы бѣднѣйшаго крестьянства. Въ этомъ состоялъ историческій смыслъ октябрьскаго возстанія.

Все вело партію на этотъ путь. Мы проповѣдывали съ первыхъ дней революціи необходимость и неизбѣжность перехода власти Совѣтамъ. Большинство Совѣтовъ, послѣ большой внутренней борьбы, усвоило это требованіе, вставъ на нашу точку зрѣнія. Мы подготовляли второй Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ, на которомъ ожидали полной побѣды нашей партіи. Центральный Исполнительный Комитетъ подъ руководствомъ Дана (осторожный Чхеидзе заблаговременно уѣхалъ на Кавказъ) всячески противодѣйствовалъ созыву Съѣзда Совѣтовъ. Послѣ большихъ усилій, опираясь на совѣтскую фракцію Демократическаго Совѣщанія, мы, наконецъ, добились назначенія срока съѣзда: 25-го октября. Это число вошло затѣмъ величайшей датой въ исторію Россіи. Предварительно мы созвали въ Петроградѣ Съѣздъ Совѣтовъ Сѣверной области съ привлеченіемъ Балтійскаго флота и Москвы. На этомъ съѣздѣ мы имѣли твердое большинство, заручились нѣкоторымъ полуприкрытіемъ справа въ

лицѣ фракціи лѣвыхъ соціалистовъ-революціонеровъ и заложили серьезныя организаціонныя предпосылки октябрьскаго возстанія.

Конфликтъ по поводу Петроградскаго гарнизона.

Но еще раньше, до Съѣзда сѣверныхъ Совѣтовъ, произошло событіе, которому суждено было сыграть крупнѣйшую роль въ дальнѣйшей политической борьбѣ. Въ началѣ октября на засѣданіе Петроградскаго Исполнительнаго Комитета явился представитель Совѣта при штабѣ петроградскаго военнаго округа и сообщилъ, что изъ ставки требуютъ вывода на фронтъ двухъ третей петроградскаго гарнизона. Для чего? Для обороны Петрограда. Выводить будутъ не сейчасъ, но необходимо немедленно же подготовиться. Петроградскому Совѣту предлагалось штабомъ одобрить этотъ планъ. Мы насторожились. Въ концѣ августа также были выведены изъ Петрограда полностью или частями 5 революціонныхъ полковъ. Это было сдѣлано по требованію тогдашняго верховнаго главнокомандующаго Корнилова, который какъ разъ въ тѣ дни готовился бросить на Петроградъ Кавказскую дивизію съ намѣреніемъ разъ навсегда справиться съ революціонной столицей. Такимъ образомъ мы уже имѣли опытъ чисто политическихъ перемѣщеній полковъ подъ предлогомъ оперативныхъ задачъ. Забѣгая впередъ, скажу, что изъ обнаруженныхъ послѣ октябрьской революціи бумагъ выяснилось съ полной несомнѣнностью, что предполагавшійся выводъ петроградскаго гарнизона дѣйствительно не имѣлъ ничего общаго съ военными цѣлями и былъ навязанъ главнокомандующему Духонину противъ его воли не

кѣмъ инымъ, какъ Керенскимъ, который стремился очистить столицу отъ наиболѣе революціонныхъ, т.-е. наиболѣе враждебныхъ ему, солдатъ. Но тогда, въ началѣ октября, наши подозрѣнія вызвали справа бурю патріотическаго негодованія. Изъ штаба насъ торопили: Керенскому не терпѣлось, почва слишкомъ нагрѣлась подъ его ногами. Мы же медлили съ отвѣтомъ. Петрограду, несомнѣнно, угрожала опасность, и вопросъ объ оборонѣ столицы стоялъ передъ нами во всемъ своемъ грозномъ значеніи. Но послѣ опыта корниловщины, послѣ словъ Родзянко о спасительности нѣмецкой оккупаціи, — откуда было взять довѣрчивости, что Петроградъ не будетъ злонамѣренно сданъ нѣмцамъ въ наказаніе за свой мятежный духъ. Исполнительный Комитетъ отказался поставить вслѣпую свой штемпель подъ приказомъ о выводѣ двухъ третей гарнизона. Необходимо провѣрить, заявили мы, дѣйствительно ли за этимъ приказомъ стоятъ военныя соображенія, и необходимо создать органъ такой провѣрки. Такъ родилась мысль о созданіи на ряду съ солдатской секціей Совѣта, т.-е. политическимъ представительствомъ гарнизона, чисто оперативнаго органа въ видѣ Военно-Революціоннаго Комитета, который получилъ впослѣдствіи могущественную силу и сталъ фактическимъ орудіемъ октябрьскаго переворота. Несомнѣнно, уже въ тѣ часы, когда мы выдвинули идею созданія органа, въ рукахъ котораго сосредоточивались бы нити чисто военнаго руководства петроградскимъ гарнизономъ, мы отдавали себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно этотъ органъ можетъ стать незамѣнимымъ революціоннымъ орудіемъ. Въ то время мы уже открыто шли навстрѣчу возстанію и организаціонно готовились къ нему.

На 25-е октября былъ назначенъ, какъ сказано,

Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ. Не могло уже быть сомнѣнія, что Съѣздъ выскажется за переходъ власти въ руки Совѣтовъ. Но такое рѣшеніе должно быть немедленно же проведено въ жизнь, иначе оно превратится въ недостойную платоническую демонстрацію. По логикѣ вещей выходило, что мы назначили возстаніе на 25-е октября. Такъ именно понимала дѣло вся буржуазная печать. Но судьба Съѣзда зависѣла въ первую очередь отъ петроградскаго гарнизона,—позволитъ ли онъ Керенскому окружить Съѣздъ Совѣтовъ и разогнать его при помощи нѣсколькихъ сотъ или тысячъ юнкеровъ, прапорщиковъ и ударниковъ? Самое покушеніе на выводъ гарнизона не означало ли, что правительство готовится къ разгону Съѣзда Совѣтовъ? И было бы странно, если бы оно не готовилось, видя, какъ мы открыто, передъ лицомъ всей страны, мобилизуемъ совѣтскія силы для того, чтобы нанесть коалиціонной власти смертельный ударъ.

Такимъ образомъ конфликтъ въ Петроградѣ развертывался на вопросѣ о судьбѣ гарнизона. Въ первую голову вопросъ этотъ захватилъ за живое всѣхъ солдатъ. Но и рабочіе относились къ конфликту съ живѣйшимъ интересомъ, такъ какъ боялись, что съ выводомъ гарнизона они будутъ задушены юнкерами и казаками. Конфликтъ пріобрѣталъ, такимъ образомъ, въ высшей степени острый характеръ и развертывался на почвѣ, крайне неблагопріятной для правительства Керенскаго.

Параллельно шла охарактеризованная уже выше борьба за созывъ Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ, при чемъ отъ имени Петроградскаго Совѣта и Сѣвернаго Областного Съѣзда мы открыто провозглашали, что Второй Съѣздъ Совѣтовъ долженъ отстранить правительство Керенскаго и стать подлиннымъ хозяиномъ

русской земли. Возстаніе фактически было уже налицо. Оно развертывалось совершенно открыто, на глазахъ всей страны.

Въ теченіе октября вопросъ о возстаніи игралъ большую роль во внутренней жизни нашей партіи. Ленинъ, который скрывался въ Финляндіи, въ многочисленныхъ письмахъ настаивалъ на болѣе рѣшительной тактикѣ. На низахъ шло броженіе и накоплялось недовольство по поводу того, что партія большевиковъ, оказавшаяся въ большинствѣ въ Петроградскомъ Совѣтѣ, не дѣлала практическихъ выводовъ изъ собственныхъ лозунговъ. 10-го октября произошло конспиративное засѣданіе Центральнаго Комитета нашей партіи съ участіемъ Ленина. Въ порядкѣ дня стоялъ вопросъ о возстаніи. Большинствомъ всѣхъ противъ двухъ голосовъ рѣшено было, что единственнымъ средствомъ спасти революцію истрану отъ окончательнаго распада является вооруженное возстаніе, которое должно передать власть въ руки Совѣтовъ.

Демократическій Совѣтъ и предпарламентъ.

Демократическій Совѣтъ, выдѣлившійся изъ Демократическаго Совѣщанія, впиталъ въ себя всю безпомощность послѣдняго. Старыя совѣтскія партіи, соціалисты-революціонеры и меньшевики, создали для себя въ этомъ Совѣтѣ искусственное большинство, но только для того, чтобы тѣмъ ярче обнаружить свою политическую прострацію. Церетели велъ за кулисами Совѣта путанные переговоры съ Керенскимъ и съ представителями „цензовыхъ элементовъ“, какъ начали выражаться въ Совѣтѣ,—для того, чтобы не упо-

треблять „обиднаго“ имени буржуазіи. Докладъ Церетели о ходѣ и исходѣ переговоровъ былъ чѣмъ-то въ родѣ надгробнаго слова цѣлому періоду революціи. Оказалось, что ни Керенскій, ни цензовые элементы не согласились на отвѣтственность передъ новымъ полупредставительнымъ учрежденіемъ. Съ другой стороны, внѣ предѣловъ кадетской партіи не удалось найти такъ называемыхъ „дѣловыхъ“ общественныхъ дѣятелей. Пришлось организаторамъ предпріятія капитулировать по обоимъ пунктамъ. Капитуляція вышла тѣмъ болѣе краснорѣчивой, что Демократическое Совѣщаніе созывалось, вѣдь, именно для того, чтобы устранить безотвѣтственный режимъ, при чемъ Совѣщаніе формальнымъ голосованіемъ отвергло коалицію съ кадетами. На нѣсколькихъ засѣданіяхъ Демократическаго Совѣта, которыя состоялись до переворота, царила атмосфера напряженности и полной недѣеспособности. Совѣтъ отражалъ не движеніе революціи впередъ, а разложеніе партій, отставшихъ отъ революціи.

Еще во время Демократическаго Совѣщанія былъ поставленъ въ нашей партійной фракціи вопросъ о демонстративномъ уходѣ съ Совѣщанія и о бойкотѣ Демократическаго Совѣта. Нужно было дѣйствіемъ показать массамъ, что соглашатели завели революцію въ тупикъ. Борьба за созданіе совѣтской власти могла вестись только революціоннымъ путемъ. Нужно было вырвать власть изъ рукъ тѣхъ, которые оказались неспособными на добро и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше теряли способность даже на активное зло. Необходимо было нашъ политическій путь—черезъ мобилизацію силъ вокругъ Совѣтовъ, черезъ Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ, черезъ возстаніе — противопоставить ихъ пути — черезъ искусственно подобранный предпарламентъ и гадательное Учредительное Собраніе. Это мож-

но было сдѣлать только путемъ открытаго разрыва, на глазахъ всего народа, съ учрежденіемъ, созданнымъ Церетели и его единомышленниками, и путемъ сосредоточенія всего вниманія и всѣхъ силъ рабочаго класса на совѣтскихъ учрежденіяхъ. Вотъ почему я предлагалъ демонстративный уходъ съ Совѣщанія и революціонную агитацію на заводахъ и въ полкахъ противъ попытки подтасовать волю революціи и снова ввести ея развитіе въ русло сотрудничества съ буржуазіей. Въ томъ же смыслѣ высказался и Ленинъ, письмо котораго мы получили нѣсколько дней спустя. Но на партійныхъ верхахъ еще наблюдались колебанія въ этомъ вопросѣ. Іюльскіе дни оставили глубокій слѣдъ въ сознаніи партіи. Рабочая и солдатская масса оправилась отъ іюльскаго разгрома гораздо скорѣе, чѣмъ многіе изъ руководящихъ товарищей, которые опасались срыва революціи новымъ преждевременнымъ натискомъ массъ. Во фракціи Демократическаго Совѣщанія я собралъ за свое предложеніе 50 голосовъ, противъ 70, которые высказались за участіе въ Демократическомъ Совѣтѣ. Опытъ этого участія скоро, однако, укрѣпилъ лѣвое крыло партіи. Становилось слишкомъ очевиднымъ, что путемъ близкихъ къ плутнямъ комбинацій, которыя имѣли своей задачей обезпечить дальнѣйшее руководство революціей за цензовыми элементами, при посредствѣ потерявшихъ въ народныхъ низахъ почву соглашателей, нѣтъ выхода изъ того тупика, въ который загнала революцію дряблость мѣщанской демократіи. Къ тому моменту, когда Демократическій Совѣтъ, пополненный цензовыми элементами, превратился въ предпарламентъ, въ нашей партіи уже назрѣла готовность порвать съ этимъ учрежденіемъ.

Соціалисты-революціонеры и меньшевики.

Передъ нами стоялъ вопросъ, послѣдуютъ ли за нами на этомъ пути лѣвые соціалисты-революціонеры. Эта группа находилась въ процессѣ образованія, при чемъ процессъ этотъ развивался, на нашъ партійный масштабъ, слишкомъ медленно и нерѣшительно. Въ началѣ революціи партія соц.-рев. оказалась господствующей на всемъ полѣ политической жизни. Крестьяне, солдаты, даже рабочіе въ массѣ своей голосовали за соціалистовъ-революціонеровъ. Сама партія не ожидала ничего подобнаго, и не разъ казалось, что ей грозитъ опасность захлебнуться въ волнахъ собственнаго успѣха. За вычетомъ чисто капиталистическихъ и помѣщичьихъ группъ и цензовыхъ элементовъ, всѣ и вся голосовали за партію революціонныхъ народниковъ. Это отвѣчало начальной стадіи революціи, когда классовыя грани не успѣли обнаружиться, когда стремленія такъ называемаго единаго революціоннаго фронта находили свое выраженіе въ расплывчатой программѣ партіи, которая готова была дать одинаково пріютъ и рабочему, боявшемуся оторваться отъ крестьянина, и крестьянину, искавшему землю и волю, и интеллигенту, который стремился руководить обоими, и чиновнику, который пытался приспособиться къ новому строю.

Когда Керенскій, который въ эпоху царизма числился трудовикомъ, перешелъ послѣ побѣды революціи въ партію соціалистовъ-революціонеровъ, популярность ея стала возрастать, по мѣрѣ того какъ самъ Керенскій восходилъ по ступенямъ власти. Изъ почтительности, не всегда платонической, къ военному министру многіе полковники и генералы спѣшили запись-

ваться въ партію недавнихъ террористовъ. Старые соц.-рев., революціоннаго закала, уже тогда съ нѣкоторымъ безпокойствомъ взирали на все увеличивающееся число „мартовскихъ“ соціалистовъ-революціонеровъ, т.-е. такихъ членовъ партіи, которые открыли въ себѣ революціонную народническую душу лишь въ мартѣ—послѣ того какъ революція низвергла старый режимъ и поставила революціонныхъ народниковъ во главѣ власти. Такимъ образомъ эта партія въ рамкахъ своей бе́зформенности включала не только внутреннія противорѣчія развивавшейся революціи, но и предразсудки отсталости крестьянскихъ массъ, сентиментализмъ, неустойчивость и карьеризмъ интеллигентскихъ слоевъ. Было совершенно ясно, что партія въ такомъ видѣ долго продержаться не можетъ. Въ идейномъ смыслѣ она оказалась безпомощной съ самаго начала.

Политически руководящая роль принадлежала меньшевикамъ, которые прошли чрезъ школу марксизма и извлекли изъ нея нѣкоторые пріемы и навыки, помогавшіе имъ оріентироваться въ политической ситуаціи настолько, чтобы „научно“ фальсифицировать смыслъ совершающейся классовой борьбы и въ наивысшей, при данныхъ условіяхъ, степени обезпечивать гегемонію либеральной буржуазіи. Поэтому-то меньшевики, прямые адвокаты правъ буржуазіи на власть, израсходовали себя такъ быстро и ко времени октябрьскаго переворота почти окончательно сошли на-нѣтъ.

Соц.-рев. также все больше и больше утрачивали вліяніе—сперва среди рабочихъ, затѣмъ въ арміи, подъ конецъ и въ деревнѣ. Но они оставались ко времени октябрьскаго переворота численно еще очень могущественной партіей. Однако, классовыя противорѣчія

подтачивали ихъ извнутри. Въ противовѣсъ правому крылу, которое въ лицѣ своихъ наиболѣе шовинистическихъ элементовъ, какъ Авксентьевъ, Брешко-Брешковская, Савинковъ и др., окончательно перешло въ лагерь контръ-революціи, складывалось лѣвое крыло, которое стремилось сохранить связь съ трудящимися массами. Если учесть тотъ фактъ, что соціалистъ-революціонеръ Авксентьевъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ арестовывалъ за самовольное разрѣшеніе аграрнаго вопроса крестьянскіе земельные комитеты, состоявшіе изъ соціалистовъ-революціонеровъ, то амплитуда „разногласій“ внутри этой партіи станетъ для насъ достаточно ясной.

Въ центрѣ стоялъ традиціонный вождь партіи Черновъ. Опытный писатель, начитанный въ соціалистической литературѣ, набившій руку во фракціонной борьбѣ, онъ неизмѣнно оставался во главѣ партіи въ ту эпоху, когда партійная жизнь концентрировалась въ эмигрантскихъ заграничныхъ кружкахъ. Революція, которая первой своей неразборчивой волной подняла партію соц.-рев. на огромную высоту, автоматически подняла и Чернова, но только для того, чтобы обнаружить полную его безпомощность даже въ ряду руководящихъ политическихъ дѣятелей перваго періода. Тѣ маленькія средства, которыя обезпечивали Чернову перевѣсъ въ заграничныхъ народническихъ кружкахъ, оказались слишкомъ легковѣсными на вѣсахъ революціи. Онъ сосредоточился на томъ, чтобы не принимать никакихъ отвѣтственныхъ рѣшеній, уклоняться во всѣхъ критическихъ случаяхъ, выжидать и воздерживаться. Такого рода тактика обезпечивала за нимъ до поры до времени положеніе центра между все дальше расходившимися флангами. Но сохранить надолго единство партіи не было уже никакой возможности. Савинковъ,

бывшій террористъ, участвовалъ въ заговорѣ Корнилова, находился въ трогательномъ единеніи съ контръ-революціонными кругами казачьяго офицерства и подготовлялъ разгромъ петроградскихъ рабочихъ и солдатъ, въ средѣ которыхъ было не мало лѣвыхъ соц.-рев. Въ качествѣ жертвы лѣвому крылу, центръ исключилъ изъ партіи Савинкова, но па Керенскаго не рѣшался поднять руку. Въ предпарламентѣ партія обнаружила величайшій разбродъ: три группировки выступали самостоятельно, хотя и подъ знаменемъ одной и той же партіи; при этомъ ни одна изъ группировокъ не знала точно, чего хочетъ. Формальное господство этой „партіи“ въ Учредительномъ Собраніи означало бы только продолженіе политической прострации.

Выходъ изъ предпарламента. Голосъ фронта.

Прежде чѣмъ выйти изъ состава предпарламента, гдѣ на нашу долю по политической статистикѣ Керенскаго и Церетели причиталось около полусотни мѣстъ, мы устроили совѣщаніе съ группой лѣвыхъ соц.-рев. Они отказались слѣдовать за нами, ссылаясь на то, что имъ еще необходимо на практикѣ обнаружить передъ крестьянствомъ несостоятельность предпарламента. „Мы считаемъ нужнымъ предупредить васъ,—сказалъ одинъ изъ руководителей лѣвыхъ соц.-рев.,—если вы хотите выйти изъ предпарламента, чтобы сейчасъ же выступить на улицу для открытой борьбы, мы за вами не пойдемъ“. Буржуазно-соглашательская печать обвинила насъ въ томъ, что мы стремимся сорвать предпарламентъ именно для того, чтобы создать революціонную ситуацію. На собраніи нашей фракціи въ предпарла-

ментѣ было рѣшено не дожидаться лѣвыхъ соц.-ров., а дѣйствовать самостоятельно. Оглашенная съ трибуны предпарламента декларація нашей партіи, объяснявшая, почему мы порываемъ съ этимъ учрежденіемъ, встрѣчена была воемъ ненависти безсилія со стороны группировокъ большинства. Въ Петроградскомъ Совѣтѣ депутатовъ, гдѣ нашъ выходъ изъ предпарламента былъ одобренъ подавляющимъ большинствомъ, лидеръ маленькой группки меньшевиковъ „интернаціоналистовъ“ Мартовъ разъяснялъ намъ, что выходъ изъ Временнаго Совѣта Республики (таково было официальное названіе этого малопочтеннаго учрежденія) имѣлъ бы смыслъ въ томъ только случаѣ, если бы мы предполагали перейти немедленно въ открытое наступленіе. Но дѣло въ томъ, что мы это-то именно и предполагали. Прокуроры либеральной буржуазіи были правы, когда обвиняли насъ въ томъ, что мы стремимся создать революціонную ситуацію. Въ открытомъ возстаніи и прямомъ захватѣ власти мы видѣли единственный выходъ изъ положенія.

Опять, какъ въ іюльскіе дни, печать и всѣ другіе органы такъ называемаго общественнаго мнѣнія были мобилизованы противъ насъ. Изъ іюльскихъ арсеналовъ было извлечено наиболѣе отравленное оружіе, которое было временно сдано туда послѣ корниловскихъ дней. Тщетныя усилія! Масса приливала къ намъ неотразимо, и настроеніе ея повышалось съ часу на часъ. Изъ окоповъ приходили делегаты. „До какихъ же поръ,—говорили они на засѣданіяхъ Петроградскаго Совѣта,—будетъ тянуться это невыносимое положеніе? Солдаты приказали намъ заявить вамъ: если до перваго ноября не будетъ сдѣлано рѣшительныхъ шаговъ къ миру, окопы опустѣютъ, вся армія броситея въ тылъ“. Такое

рѣшеніе дѣйствительно широко распространялось на фронтѣ. Солдаты передавали тамъ изъ одной части въ другую самодѣльныя прокламаціи, въ которыхъ призывали не оставаться въ окопахъ дольше, какъ до перваго снѣга. „Вы забыли о насъ!—восклицали окопные ходоки на засѣданіяхъ Совѣта.—Если вы не находите выхода изъ положенія, мы сюда придемъ сами и штыками разгонимъ нашихъ враговъ, но и васъ вмѣстѣ съ ними“. Петроградскій Совѣтъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль сталъ центромъ притяженія для всей арміи. Его резолюціи, послѣ смѣны въ немъ руководящаго направленія и переизбранія президіума, внушали истощеннымъ и отчаявшимся войскамъ на фронтѣ надежду на то, что выходъ изъ положенія можетъ быть практически найденъ на пути, предлагавшемся большевиками: опубликованіе тайныхъ договоровъ и предложеніе немедленнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ. „Вы говорите, что власть должна перейти въ руки Совѣтовъ,—берите же ее въ ваши руки. Вы опасаетесь, что фронтъ не поддержитъ васъ. Отбросьте всякія сомнѣнія, солдатская масса въ подавляющемъ большинствѣ за васъ“.

Тѣмъ временемъ конфликтъ по вопросу о выводѣ гарнизона развертывался далѣе. Почти ежедневно собиралось гарнизонное совѣщаніе изъ ротныхъ, полковыхъ и командныхъ комитетовъ. Вліяніе нашей партіи въ гарнизонѣ утвердилось окончательно и безраздѣльно. Штабъ Петроградскаго округа находился въ состояніи крайней растерянности. Онъ то пытался вступить съ нами въ правильныя отношенія, то, подбиваемый руководителями Центральнаго Исполнительнаго Комитета, угрожалъ намъ репрессіями.

Комиссары Военно-Революціоннаго Комитета.

Выше уже было сказано объ организаціи при Петроградскомъ Совѣтѣ Военно-Революціоннаго Комитета, который по замыслу долженъ былъ являться фактически Совѣтскимъ штабомъ петроградскаго гарнизона въ противовѣсъ штабу Керенскаго.—Но существованіе двухъ штабовъ недопустимо,—доктринерски поучали насъ представители соглашательскихъ партій. „Допустимо ли, однако, такое положеніе, при которомъ гарнизонъ не довѣряетъ офиціальному штабу и опасается, что выводъ солдатъ изъ Петрограда продиктованъ новымъ контръ-революціоннымъ замысломъ?“—возражали мы.—Созданіе второго штаба означаетъ возстаніе,—отвѣчали намъ справа.—Вашъ Военно-Революціонный Комитетъ будетъ имѣть своей задачей не столько провѣрку оперативныхъ намѣреній и распоряженій военныхъ властей, сколько подготовку и проведеніе возстанія противъ нынѣшняго правительства. Это возраженіе было справедливо. Но именно поэтому оно никого не пугало. Необходимость ниспроверженія коалиціонной власти сознавалась подавляющимъ большинствомъ Совѣта. Чѣмъ обстоятельнѣе меньшевики и соціалисты-революціонеры доказывали, что Военно-Революціонный Комитетъ неизбѣжно превратится въ органъ возстанія, тѣмъ съ большей готовностью Петроградскій Совѣтъ поддерживалъ новый боевой органъ.

Первымъ дѣломъ Военно-Революціоннаго Комитета было назначеніе комиссаровъ во всѣ части петроградскаго гарнизона и во всѣ важнѣйшія учрежденія столицы и окрестностей. Мы получали съ разныхъ сторонъ сообщенія о томъ, что правительство, или, вѣр-

нѣе, правительственныя партіи дѣятельно организуютъ и вооружаютъ свои силы. Изъ разныхъ складовъ оружія, государственныхъ и частныхъ, извлекались винтовки, револьверы, пулеметы, патроны для вооруженія юнкеровъ, студентовъ и вообще буржуазной молодежи. Необходимо было принять немедленныя предупредительныя мѣры. Во всѣ склады и магазины оружія были назначены комиссары. Они почти безъ сопротивленія овладѣли положеніемъ. Правда, коменданты и владѣльцы складовъ пытались не признавать ихъ, но достаточно было обратиться къ комитету солдатъ или служащихъ каждаго учрежденія, чтобы сопротивленіе оказывалось немедленно сломленнымъ. Оружіе выдавалось далѣе только по ордерамъ нашихъ комиссаровъ.

Полки петроградскаго гарнизона имѣли и раньше своихъ комиссаровъ, но эти послѣдніе назначались Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ. Мы уже говорили выше, что послѣ іюньскаго Съѣзда Совѣтовъ и особенно послѣ демонстраціи 18-го іюня, обнаружившей все возрастающую силу большевиковъ, соглашательскія партіи почти совершенно устранили Петроградскій Совѣтъ отъ практическаго вліянія на ходъ событій въ революціонной столицѣ. Руководство петроградскимъ гарнизономъ сосредоточивалось въ рукахъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета. Теперь задача состояла въ томъ, чтобы всюду провести комиссаровъ Петроградскаго Совѣта. Это было достигнуто при самомъ энергичномъ содѣйствіи солдатскихъ массъ. Полкъ за полкомъ заявлялъ въ заключеніе митинговъ, гдѣ выступали ораторы разныхъ партій, что будетъ признавать только комиссаровъ Петроградскаго Совѣта и безъ его рѣшенія не сдѣлаетъ шагу.

Въ назначеніи этихъ комиссаровъ крупную роль играла военная организація большевиковъ. До іюль-

скихъ дней она развернула широкую агитаціонную работу. 5-го іюля баталіонъ самокатчиковъ, введенный Керенскимъ въ Петроградъ, разгромилъ особнякъ Кшесинской, гдѣ помѣщалась военная организація нашей партіи. Большинство руководителей ея и многіе рядовые члены были арестованы, изданія закрыты, типографія разгромлена. Только постепенно организація снова стала налаживать свой аппаратъ, на этотъ разъ конспиративно. Она включала въ свой составъ въ численномъ отношеніи лишь очень незначительную часть петроградскаго гарнизона,—всего нѣсколько сотъ человѣкъ. Но въ ихъ средѣ было много рѣшительныхъ и беззавѣтно преданныхъ революціи солдатъ и молодыхъ офицеровъ, преимущественно прапорщиковъ, прошедшихъ въ іюлѣ и августѣ чрезъ тюрьмы Керенскаго. Всѣ они поставили себя въ распоряженіе Военно-Революціонаго Комитета и назначались на самые отвѣтственные и боевые посты.

Не лишнимъ, однако, будетъ отмѣтить, что именно члены военной организаціи нашей партіи съ чрезвычайной осторожностью и даже съ нѣкоторымъ скептицизмомъ относились въ октябрѣ къ идеѣ немедленнаго возстанія. Замкнутый характеръ организаціи и ея официально военный составъ невольно склоняли руководителей ея къ переоцѣнкѣ чисто техническихъ и организаціонныхъ средствъ возстанія,—а подъ этимъ угломъ зрѣнія мы были, несомнѣнно, слабы. Наша сила была въ революціонномъ подъемѣ массы и въ ея готовности бороться подъ нашимъ знаменемъ.

Нарастаніе прилива.

На ряду съ организаціонной работой шла бурная агитація. Это былъ періодъ непрерывныхъ митинговъ

на заводахъ, въ циркахъ „Модернъ“ и Чинизелли, въ клубахъ, въ казармахъ. Атмосфера всѣхъ митинговъ и собраній была насыщена электричествомъ. Каждое упоминаніе о возстаніи встрѣчалось бурей аплодисментовъ и кликами восторга. Буржуазная печать усугубляла настроеніе всеобщей тревоги. Подписанный мною ордеръ Сестрорѣцкому оружейному заводу о выдачѣ 5 тысячъ винтовокъ красной гвардіи вызвалъ неописуемую панику въ буржуазныхъ кругахъ. Повсюду говорили и писали о подготовляющейся всеобщей рѣзнѣ. Это, разумѣется, нисколько не помѣшало рабочимъ Сестрорѣцкаго оружейнаго завода выдать оружіе красногвардейцамъ. Чѣмъ болѣе неистово клеветала и травила насъ буржуазная печать, тѣмъ горячѣе откликались на нашъ голосъ массы. Становилось все яснѣе для обѣихъ сторонъ, что кризисъ долженъ разрѣшиться въ теченіе ближайшихъ дней. Печать соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ била тревогу: „Революція въ величайшей опасности. Готовится повтореніе іюльскихъ дней,—но на болѣе широкой основѣ и потому еще болѣе гибельное по своимъ послѣдствіямъ“... Горькій въ своей „Новой Жизни“ ежедневно пророчествовалъ приближающееся крушеніе всей культуры. Вообще соціалистическая окраска съ поразительной быстротой сползала съ сознанія буржуазной интеллигенціи при приближеніи суроваго режима рабочей диктатуры.

Зато солдаты даже наиболѣе отсталыхъ полковъ восторженно привѣтствовали комиссаровъ Военно-Революціоннаго Комитета. Отъ казачьихъ частей и отъ соціалистическаго меньшинства юнкеровъ къ намъ приходили делегаты. Они обѣщали въ случаѣ открытаго столкновенія обезпечить по крайней мѣрѣ нейтралитетъ

своихъ частей. Правительство Керенскаго явно повисало въ воздухѣ.

Штабъ Округа вступилъ съ нами въ сношенія и предложилъ компромиссъ. Чтобы выяснить себѣ силу сопротивленія врага, мы вступили въ переговоры. Но штабъ нервничалъ, то увѣщевалъ, то грозилъ и даже объявилъ нашихъ комиссаровъ недѣйствительными, что, впрочемъ, нисколько не отразилось на ихъ работѣ. Центральный Исполнительный Комитетъ по соглашенію со штабомъ назначилъ главнымъ комиссаромъ по Петроградскому Военному Округу штабсъ-капитана Малевскаго и изъявилъ великодушное согласіе признать нашихъ комиссаровъ — подъ условіемъ ихъ подчиненія главному комиссару. Предложеніе было отвергнуто, и переговоры прервались. Видные меньшевики и соціалисты-революціонеры приходили къ намъ въ качествѣ посредниковъ, убѣждали, грозили и предрекали нашу гибель и гибель революціи.

„День Петроградскаго Совѣта".

Зданіе Смольнаго находилось въ этотъ періодъ уже всецѣло въ распоряженіи Петроградскаго Совѣта и нашей партіи. Меньшевики и правые соц.-рев. перенесли свою политическую дѣятельность въ Маріинскій дворецъ, гдѣ едва родившійся предпарламентъ доживалъ свои послѣдніе дни. Керенскій выступилъ въ предпарламентѣ съ большой рѣчью, въ которой, подъ бурные аплодисменты буржуазнаго крыла, пытался за крикливыми угрозами скрыть свое безсиліе. Штабъ сдѣлалъ послѣднюю попытку сопротивленія. Онъ разослалъ всѣмъ частямъ гарнизона приглашеніе прислать по два делегата отъ каждой части для переговоровъ о выводѣ изъ столицы. Совѣщаніе было назначено на

часъ дня 22-го октября. Изъ полковъ намъ немедленно дали знать объ этомъ приглашеніи. По телефону мы созвали гарнизонное совѣщаніе на 11 часовъ утра. Часть делегатовъ все же попала въ штабъ, но только для того, чтобы заявить, что безъ рѣшенія Петроградскаго Совѣта они но двинутся никуда. Гарнизонное совѣщаніе почти единогласно подтвердило свою вѣрность Военно-Революціонному Комитету. Возраженія исходили только отъ офиціальныхъ представителей прежнихъ совѣтскихъ партій, но не находили никакого отклика въ делегатахъ полковъ. Попытка штаба только ярче обнаружила, что у насъ подъ ногами твердая почва. Въ первомъ ряду стоялъ Волынскій полкъ, тотъ самый, который ночью 4-го іюля, подъ звуки своего оркестра, вступилъ въ Таврическій дворецъ для усмиренія большевиковъ.

Центральный Исполнительный Комитетъ, какъ уже упоминалось выше, держалъ въ своихъ рукахъ кассу Петроградскаго Совѣта и его изданія. Попытка получить хотя бы одно изъ этихъ изданій не привела ни къ чему. Съ конца сентября мы предпринимали рядъ шаговъ къ тому, чтобы создать самостоятельную газету Петроградскаго Совѣта. Но всѣ типографіи были заняты, а собственники ихъ бойкотировали насъ при поддержкѣ Центральнаго Исполнительнаго Комитета. Рѣшено было устроить „День Петроградскаго Совѣта“ въ цѣляхъ развитія широкой агитаціи и сбора денежныхъ средствъ на постановку газеты. Этотъ день недѣли за двѣ былъ назначенъ на 22-ое октября и, стало-быть, попалъ въ моментъ открыто развивавшагося возстанія.

Враждебная пресса съ полной увѣренностью сообщала, что 22-го октября произойдетъ вооруженное возстаніе большевиковъ на улицахъ Петрограда. Что возстаніе произойдетъ, въ этомъ не сомнѣвался никто. Пыта-

лись только опредѣлить, когда именно,—гадали, предсказывали, стараясь такимъ путемъ вынудить съ нашей стороны опроверженіе или признаніе. Но Совѣтъ спокойно и увѣренно шелъ впередъ, не откликаясь на вой буржуазнаго общественнаго мнѣнія. День 22-го октября сталъ днемъ смотра силъ пролетарской арміи. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ прошелъ прекрасно. Несмотря на шедшія справа предупрежденія о томъ, что на улицахъ Петрограда будетъ литься рѣкою кровь, народныя массы валомъ валили на митинги Петроградскаго Совѣта. Всѣ ораторскія силы были приведены въ движеніе. Всѣ общественныя помѣщенія были заполнены. Митинги шли непрерывно въ теченіе ряда часовъ. Выступали ораторы нашей партіи, съѣзжавшіеся на Совѣтскій Съѣздъ делегаты, представители съ фронта, лѣвые соц.-рев. и анархисты. Общественныя зданія были затоплены волнами рабочихъ, солдатъ и матросовъ. Такихъ собраній было немного въ Петроградѣ даже за время революціи. Всколыхнулась значительная масса мелкаго мѣщанства, не столько запуганная, сколько взбудораженная криками, предостереженіями и травлей буржуазной прессы. Десятки тысячъ народа омывали волнами зданіе Народнаго Дома, перекатывались по коридорамъ, заполняли залы. На желѣзныхъ колоннахъ висѣли огромныя гирлянды человѣческихъ головъ, ногъ, рукъ, какъ гроздья винограда. Въ воздухѣ царило то электрическое напряженіе, которое знаменуетъ наиболѣе критическіе моменты революціи. „Долой правительство Керенскаго! Долой войну! Вся власть Совѣтамъ!“. Никто изъ среды прежнихъ совѣтскихъ партій уже не рѣшался выступать передъ этими колоссальными толпами со словомъ возраженія. Петроградскій Совѣтъ господствовалъ безраздѣльно. Кампанія была уже, въ сущности, выиграна. Оста-

валось нанести призрачной власти послѣдній военный ударъ.

Завоеваніе колеблющихся частей.

Наиболѣе осторожные въ нашей собственной средѣ передавали, что имѣются еще части, которыя не за насъ: казаки, кавалерійскій полкъ, семеновцы, самокатчики. Въ эти части назначены были комиссары и агитаторы. Ихъ отчеты звучали вполнѣ удовлетворительно; накаленная атмосфера захватывала всѣхъ и все, и самые консервативные элементы арміи лишились возможности противостоять общему направленію петроградскаго гарнизона. Въ Семеновскомъ полку, который считался опорой правительства Керенскаго, я былъ на митингѣ, происходившемъ подъ открытымъ небомъ. Туда явились виднѣйшіе ораторы праваго крыла. Они цѣплялись за консервативный гвардейскій полкъ, какъ за послѣдній устой коалиціонной власти. Ничто не помогало. Полкъ высказался подавляющимъ большинствомъ голосовъ за насъ и не далъ бывшимъ министрамъ возможности закончить свои рѣчи. Тѣ группы, которыя еще противодѣйствовали лозунгамъ Совѣта, составлялись преимущественно изъ офицеровъ, вольноопредѣляющихся, вообще изъ буржуазной интеллигенціи и полуинтеллигенціи. Рабочія и крестьянскія массы были цѣликомъ за насъ. Разграниченіе происходило отчетливой соціальной линіей.

Центральной военной базой Петрограда является Петропавловская крѣпость. Мы назначили туда комендантомъ молодого прапорщика. Онъ оказался какъ нельзя болѣе на мѣстѣ и въ нѣсколько часовъ завладѣлъ положеніемъ. Законныя власти крѣпости выжидательно отошли къ сторонѣ. Надежнымъ для насъ элемен-

томъ считались самокатчики, которые въ іюлѣ разгромили военную организацію нашей партіи во дворцѣ Кшесинской и заняли тогда же самый дворецъ. 23-го я поѣхалъ въ крѣпость около двухъ часовъ дня. Во дворѣ шелъ митингъ. Ораторы праваго крыла были въ высшей степени осторожны и уклончивы, тщательно обходя вопросъ о Керенскомъ, имя котораго въ средѣ солдатъ вызывало неизбѣжные крики протеста и возмущенія. Насъ слушали и за нами шли. Часа въ четыре самокатчики собрались по сосѣдству, въ циркѣ „Модернъ“, на батальонное собраніе. Въ числѣ ораторовъ выступалъ тамъ и генералъ-квартирмейстеръ Порадѣловъ. Онъ говорилъ съ чрезвычайной осторожностью. Далеко позади остались тѣ дни, когда офиціальные и офиціозные ораторы говорили о рабочей партіи не иначе, какъ о бандѣ измѣнниковъ и наемниковъ германскаго кайзера. Помощникъ начальника штаба подошелъ ко мнѣ: „Помилуйте, нужно какое-нибудь соглашеніе“... Но было уже поздно. Батальонъ противъ 30 голосовъ высказался послѣ преній за переходъ власти къ Совѣтамъ.

Начало возстанія.

Правительство Керенскаго металось изъ стороны въ сторону. Вызывали съ фронта два новыхъ батальона самокатчиковъ, зенитную батарею, пытались вызвать кавалерійскія части... Самокатчики прислали Петроградскому Совѣту телеграмму съ пути: „насъ ведутъ въ Петроградъ, не знаемъ зачѣмъ, просимъ разъясненій“. Мы предписали имъ остановиться и выслать делегацію въ Петроградъ. Представители прибыли и заявили на засѣданіи Совѣта, что батальонъ цѣликомъ на нашей

сторонѣ. Это вызвало бурю восторга. Батальону предписано было немедленно вступить въ городъ.

Число делегатовъ съ фронта возрастало каждый день. Они приходили освѣдомляться о положеніи дѣлъ, собирали нашу литературу и отправлялись разносить по фронту вѣсти о томъ, что Петроградскій Совѣтъ ведетъ борьбу за власть рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. „Окопы васъ поддержатъ“, — говорили они намъ. Старые армейскіе комитеты, не перезбиравшіеся въ теченіе 4—5 мѣсяцевъ, посылали намъ угрожающія телеграммы, которыя никого не пугали: мы знали, что комитеты оторваны отъ солдатской массы не меньше, чѣмъ Центральный Исполнительный Комитетъ—отъ мѣстныхъ Совѣтовъ.

Военно-Революціонный Комитетъ назначилъ комиссаровъ на всѣ вокзалы. Они тщательно слѣдили за прибывающими и уходящими поѣздами и особенно за передвиженіемъ солдатъ. Установлена была непрерывная телефонная и автомобильная связь съ смежными городами и ихъ гарнизонами. На всѣ примыкающіе къ Петрограду Совѣты была возложена обязанность тщательно слѣдить за тѣмъ, чтобы въ столицу не приходили контръ-революціонныя, или, вѣрнѣе, обманутыя правительствомъ войска. Низшіе вокзальные служащіе и рабочіе признавали нашихъ комиссаровъ немедленно. На телефонной станціи 24-го возникли затрудненія; насъ перестали соединять. На станціи укрѣпились юнкера, и подъ ихъ прикрытіемъ телефонистки стали въ оппозицію къ Совѣту. Это первое проявленіе будущаго саботажа. Военно-Революціонный Комитетъ послалъ на телефонную станцію отрядъ и установилъ у входа двѣ небольшія пушки. Такъ началось завладѣніе всѣми органами управленія. Матросы и красногвардейцы небольшими отрядами располагались на

телеграфѣ, на почтѣ и въ другихъ учрежденіяхъ. Были приняты мѣры къ тому, чтобы завладѣть Государственнымъ банкомъ. Правительственный центръ, Смольный, былъ превращенъ въ крѣпость. На чердакѣ его имѣлось, еще какъ наслѣдство отъ стараго Центральнаго Комитета, десятка два пулеметовъ, но за ними не было ухода, прислуга при пулеметахъ опустилась. Нами вызванъ былъ въ Смольный дополнительный пулеметный отрядъ. Рано утромъ по каменнымъ поламъ длинныхъ и полутемныхъ коридоровъ Смольнаго солдаты съ грохотомъ катили свои пулеметы. Изъ дверей высовывались недоумѣвающія или испуганныя лица оставшихся еще въ Смольномъ немногочисленныхъ соц.-рев. и меньшевиковъ.

Совѣтъ собирался въ Смольномъ ежедневно, точно также и гарнизонное совѣщаніе.

На третьемъ этажѣ Смольнаго, въ небольшой угловой комнатѣ, непрерывно засѣдалъ Военно-Революціонный Комитетъ. Тамъ сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о передвиженіи войскъ, о настроеніи солдатъ и рабочихъ, объ агитаціи въ казармахъ, о выступленіи погромщиковъ, о совѣщаніи буржуазныхъ политиковъ, о жизни Зимняго дворца, о замыслахъ прежнихъ совѣтскихъ партій. Освѣдомители являлись со всѣхъ сторонъ. Приходили рабочіе, офицеры, дворники, соціалистическіе юнкера, прислуга, дамы. Многіе приносили чистѣйшій вздоръ, другіе давали серьезныя и цѣнныя указанія. Надвигалась рѣшительная минута. Было ясно, что назадъ возврата нѣтъ.

24-го октября вечеромъ Керенскій явился въ предпарламентъ и потребовалъ одобренія репрессивнымъ мѣрамъ противъ большевиковъ. Но предпарламентъ находился въ состояніи жалкой растерянности и полнаго распада. Кадеты склоняли правыхъ соц.-рев. принять

резолюцію довѣрія, правые соц.-рев. давили на центръ, центръ колебался, „лѣвое“ крыло вело политику парламентской оппозиціи. Послѣ совѣщаній, споровъ, колебаній прошла резолюція лѣваго крыла, въ которой осуждалось мятежное движеніе Совѣта, но отвѣтственность за движеніе возлагалась на антидемократическую политику правительства. Почта ежедневно приносила десятки писемъ, въ которыхъ мы извѣщались о смертныхъ приговорахъ, вынесенныхъ противъ насъ, объ адскихъ машинахъ, о предстоящемъ взрывѣ Смольнаго и пр., и пр. Буржуазная печать дико выла отъ ненависти и страха. Горькій, основательно забывшій свою пѣсню о соколѣ, продолжалъ пророчествовать въ „Новой Жизни“ о близкомъ свѣтопреставленіи.

Члены Военно-Революціоннаго Комитета уже не покидали въ теченіе послѣдней недѣли Смольнаго, ночевали на диванахъ, спали урывками, пробуждаемые курьерами, развѣдчиками, самокатчиками, телеграфистами и телефонными звонками. Самой тревожной была ночь съ 24-го на 25-е. По телефону намъ сообщили изъ Павловска, что правительство вызываетъ оттуда артиллеристовъ, изъ Петергофа—школу прапорщиковъ. Въ Зимній дворецъ Керенскимъ были стянуты юнкера, офицеры и ударницы. Мы отдали по телефону распоряженіе выставить на всѣхъ путяхъ къ Петрограду надежные военные заслоны и послать агитаторовъ навстрѣчу вызваннымъ правительствомъ частямъ. Если не удержать словами — пустить въ ходъ оружіе. Всѣ переговоры велись по телефону совершенно открыто и были, слѣдовательно, доступны агентамъ правительства.

Комиссары сообщали намъ по телефону, что на всѣхъ подступахъ къ Петрограду бодрствовали наши друзья. Часть ораніенбаумскихъ юнкеровъ пробралась все же ночью черезъ заслонъ, и мы слѣдили по теле-

фону за ихъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Наружный караулъ Смольнаго усилили, вызвавъ новую роту. Связь со всѣми частями гарнизона оставалась непрерывной. Дежурныя роты бодрствовали во всѣхъ полкахъ. Делегаты отъ каждой части находились днемъ и ночью въ распоряженіи Военно-Революціоннаго Комитета. Былъ отданъ приказъ рѣшительно подавлять черносотенную агитацію и при первой попыткѣ уличныхъ погромовъ пустить въ ходъ оружіе и дѣйствовать безпощадно.

Въ теченіе этой рѣшающей ночи всѣ важнѣйшіе пункты города перешли въ наши руки — почти безъ сопротивленія, безъ боя, безъ жертвъ. Государственный банкъ охранялся правительственнымъ карауломъ и броневикомъ. Зданіе было окружено со всѣхъ сторонъ нашимъ отрядомъ, броневикъ былъ захваченъ врасплохъ, и банкъ перешелъ въ руки Военно-Революціоннаго Комитета безъ единаго выстрѣла. На Невѣ, подъ Франко-Русскимъ заводомъ, стоялъ крейсеръ „Аврора“, находившійся въ ремонтѣ. Его экипажъ весь состоялъ изъ беззавѣтно преданныхъ революціи матросовъ. Когда Корниловъ угрожалъ въ концѣ августа Петрограду, матросы „Авроры“ были призваны правительствомъ охранять Зимній дворецъ. И хотя они уже тогда относились съ глубочайшей враждой къ правительству Керенскаго, они поняли свой долгъ — дать отпоръ натиску контръ-революціи — и безъ возраженій заняли посты. Когда опасность прошла, ихъ устранили. Теперь, въ дни октябрьскаго возстанія, они были слишкомъ опасны. „Авроръ“ отданъ былъ изъ Морского министерства приказъ сняться и выйти изъ водъ Петрограда. Экипажъ немедленно сообщилъ намъ объ этомъ. Мы отмѣнили приказъ, и крейсеръ остался на мѣстѣ, готовый въ любой моментъ привести въ

движеніе всѣ свои боевыя силы во имя Совѣтской власти.

Рѣшающій день.

На разсвѣтѣ 25-го октября въ Смольный явились изъ партійной типографіи рабочій и работница и сообщили, что правительство закрыло центральный органъ нашей партіи и новую газету Петроградскаго Совѣта. Типографія была опечатана какими-то агентами власти. Военно-Революціонный Комитетъ немедленно отмѣнилъ приказъ, взялъ подъ свою защиту оба изданія и возложилъ „высокую честь охранять свободное соціалистическое слово отъ контръ-революціонныхъ покушеній на доблестный Волынскій полкъ“. Типографія работала послѣ этого безъ перерыва, и обѣ газеты вышли въ положенный часъ.

Правительство попрежнему засѣдало въ Зимнемъ дворцѣ, но оно уже стало только тѣнью самого себя. Политически оно не существовало. Зимній дворецъ въ теченіе 25-го октября постепенно оцѣплялся нашими войсками со всѣхъ сторонъ. Въ часъ дня я заявилъ на засѣданіи Петроградскаго Совѣта отъ имени Военно-Революціоннаго Комитета, что правительство Керенскаго больше не существуетъ и что, впредь до рѣшенія Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ, власть переходитъ въ руки Военно-Революціоннаго Комитета.

Ленинъ уже нѣсколько дней передъ тѣмъ покинулъ Финляндію и скрывался на окраинахъ города въ рабочихъ квартирахъ. 25-го вечеромъ онъ конспиративно прибылъ въ Смольный. По газетнымъ свѣдѣніямъ положеніе рисовалось ему такъ, какъ-будто между нами и правительствомъ Керенскаго дѣло идетъ къ временному компромиссу. Буржуазная пресса такъ много

кричала о близкомъ возстаніи, о выступленіи вооруженныхъ солдатъ на улицѣ, о разгромахъ, о неизбѣжныхъ рѣкахъ крови, что теперь она не замѣтила того возстанія, которое происходило на дѣлѣ, и принимала переговоры штаба съ нами за чистую монету. Тѣмъ временемъ безъ хаоса, безъ уличныхъ столкновеній, безъ стрѣльбы и кровопролитія одно учрежденіе захватывалось за другимъ стройными и дисциплинированными отрядами солдатъ, матросовъ и красногвардейцевъ по точнымъ телефоннымъ приказамъ, исходившимъ изъ маленькой комнаты въ третьемъ этажѣ Смольнаго института.

Вечеромъ происходило предварительное засѣданіе Второго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ. Докладчикомъ отъ имени Центральнаго Исполнительнаго Комитета выступилъ Данъ. Онъ произнесъ обвинительную рѣчь противъ бунтарей, захватчиковъ, мятежниковъ и пытался запугать Съѣздъ неизбѣжнымъ крахомъ возстанія, которое-де на-дняхъ будетъ подавлено силами фронта. Его рѣчь звучала неубѣдительно и неумѣстно въ стѣнахъ зала, гдѣ подавляющее большинство делегатовъ съ восторгомъ наблюдало за ходомъ побѣдоноснаго петроградскаго возстанія.

Зимній дворецъ былъ къ этому моменту окруженъ, но еще не взятъ. Время отъ времени изъ оконъ его стрѣляли по осаждавшимъ, которые сужали свое кольцо медленно и осторожно. Изъ Петропавловской крѣпости было дано по дворцу два-три орудійныхъ выстрѣла. Отдаленный гулъ ихъ доносился до стѣнъ Смольнаго. Мартовъ съ безпомощнымъ негодованіемъ говорилъ съ трибуны Съѣзда о гражданской войнѣ и, въ частности, объ осадѣ Зимняго, гдѣ въ числѣ министровъ находились — о, ужасъ! — члены партіи меньшевиковъ. Противъ него выступили два матроса, которые явились

для сообщеній съ мѣста борьбы. Они напомнили обличителямъ о наступленіи 18-го іюня, обо всей предательской политикѣ старой власти, о возстановленіи смертной казни для солдатъ, объ арестахъ, разгромахъ революціонныхъ организацій и клялись побѣдить или умереть. Они же принесли вѣсть о первыхъ жертвахъ съ нашей стороны на Дворцовой площади. Всѣ поднялись, точно по невидимому сигналу, и съ единодушіемъ, которое создается только высокимъ нравственнымъ напряженіемъ, пропѣли похоронный маршъ. Кто пережилъ эту минуту, тотъ не забудетъ ея.

Засѣданіе нарушилось. Невозможно было теоретически обсуждать вопросъ о способахъ построенія власти подъ долетавшіе до насъ отзвуки борьбы и стрѣльбы у стѣнъ Зимняго дворца, гдѣ практически рѣшалась судьба этой самой власти. Взятіе дворца, однако, затягивалось, и это вызвало колебанія среды менѣе рѣшительныхъ элементовъ Съѣзда. Правое крыло черезъ своихъ ораторовъ пророчествовало намъ близкую гибель. Всѣ съ напряженіемъ ждали вѣстей съ Дворцовой площади. Черезъ нѣкоторое время явился руководившій операціями Антоновъ. Въ залѣ воцарилась полная тишина. — Зимній дворецъ взятъ, Керенскій бѣжалъ, остальные министры арестованы и препровождены въ Петропавловскую крѣпость. — Первая глава октябрьской революціи закончилась.

Первые соц.-революціонеры и меньшевики, въ общемъ, человѣкъ шестьдесятъ, т.-е. около одной десятой части Съѣзда, съ протестомъ покинули засѣданіе. Такъ какъ имъ не оставалось ничего другого, то они „возлагали всю отвѣтственность“ за дальнѣйшее на большевиковъ и лѣвыхъ соц.-рев. Эти послѣдніе переживали колебанія. Прошлое тѣсно связывало ихъ съ партіей Чернова. Правое крыло этой партіи совершенно

сдвинулось на средне-и мелко-буржуазные элементы, на мѣщанскую интеллигенцію, на зажиточные слои деревни и во всѣхъ рѣшающихъ вопросахъ шло рука объ руку съ либеральной буржуазіей противъ насъ. Наиболѣе революціонные элементы партіи, отражавшіе радикализмъ соціальныхъ требованій бѣднѣйшихъ крестьянскихъ массъ, тяготѣли къ пролетаріату и къ его партіи. Они боялись, однако, разрѣзать пуповину, которая связывала ихъ со старой партіей. Когда мы выходили изъ предпарламента, они отказывались слѣдовать за нами и предупреждали насъ противъ „авантюры“. Но возстаніе поставило ихъ передъ необходимостью выбора: за Совѣты или противъ Совѣтовъ. Не безъ колебаній они собирали свои ряды по ту же сторону баррикады, гдѣ находились мы.

Образованіе Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Въ Петроградѣ была одержана полная побѣда. Власть находилась цѣликомъ въ рукахъ Военно-Революціоннаго Комитета. Мы издали первые декреты — объ отмѣнѣ смертной казни, перевыборахъ армейскихъ комитетовъ и пр. Но тутъ же обнаружилось, что мы отрѣзаны отъ провинціи. Верхи желѣзнодорожныхъ и почтово-телеграфныхъ служащихъ были противъ насъ. Армейскіе комитеты, думы, земства, продолжали бомбардировать Смольный грозными телеграммами, въ которыхъ объявляли намъ прямую войну и обѣщали смести мятежниковъ въ короткій срокъ. Наши телеграммы, декреты и объясненія не достигали провинціи, такъ какъ Петроградское Телеграфное агентство отказывалось намъ служить. Въ этой атмосферѣ изо-

лированности столицы отъ остальной страны легко рождались и распространялись тревожные и чудовищные слухи.

Убѣдившись, что Совѣтъ дѣйствительно оказался у власти, что старое правительство арестовано, а на улицахъ Петрограда господствуютъ вооруженные рабочіе, буржуазная и соглашательская печать подняла кампанію поистинѣ несравненнаго бѣшенства; не было той лжи и клеветы, которой она не мобилизовала бы противъ Военно-Революціоннаго Комитета, его руководителей и его комиссаровъ.

Днемъ 26-го происходило засѣданіе Петроградскаго Совѣта при участіи делегатовъ Всероссійскаго Съѣзда, членовъ гарнизоннаго совѣщанія и многочисленной партійной публики. Здѣсь впервые послѣ почти четырехмѣсячнаго перерыва выступили Ленинъ и Зиновьевъ, встрѣченные бурными овaціями. Къ радости по поводу одержанной побѣды примѣшивалась, однако, тревога по поводу того, какъ откликнется на переворотъ страна и удержатъ ли Совѣты власть...

Вечеромъ происходило рѣшающее засѣданіе Съѣзда Совѣтовъ. Ленинъ внесъ два декрета: о мирѣ и о землѣ. Оба они были приняты послѣ короткихъ преній единогласно. На этомъ же засѣданіи была создана новая центральная власть въ лицѣ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Центральный Комитетъ нашей партіи сдѣлалъ попытку достигнуть соглашенія съ лѣвыми соц.-рев. Имъ было предложено принять участіе въ образованіи Совѣтской власти. Они колебались, ссылаясь на то, что, по ихъ мысли, власть должна имѣть коалиціонный характеръ въ предѣлахъ совѣтскихъ партій. Но меньшевики и правые соц.-рев. порвали связь съ Съѣздомъ Совѣтовъ, считая необходимой коалицію съ

анти-совѣтскими партіями. Намъ ничего не оставалось, какъ предоставить партіи лѣвыхъ соц.-рев. убѣждать своихъ сосѣдей справа вернуться въ лагерь революціи; а пока они занимались этимъ безнадежнымъ дѣломъ, мы считали себя обязанными взять отвѣтственность за власть цѣликомъ на нашу партію. Списокъ народныхъ комиссаровъ былъ составленъ исключительно изъ большевиковъ. Въ этомъ была несомнѣнно извѣстная политическая опасность: поворотъ оказывался слишкомъ крутымъ,—достаточно, въ самомъ дѣлѣ, вспомнить, что вожди этой партіи еще до вчерашняго дня стояли подъ знакомъ обвиненія по 108 статьѣ, т.-е. въ государственной измѣнѣ. Но иного выбора не было. Другія совѣтскія группы колебались и уклонялись, предпочитая занять выжидательную позицію. Въ концѣ-концовъ мы не сомнѣвались въ томъ, что только наша партія способна создать революціонную власть.

Первые дни новаго режима.

Декреты о землѣ и о мирѣ, утвержденные Съѣздомъ, печатались въ огромныхъ количествахъ и черезъ делегатовъ съ фронта, черезъ пріѣзжавшихъ изъ деревень крестьянскихъ ходоковъ, черезъ агитаторовъ, которыхъ мы отправляли въ провинцію и въ окопы, распространялись по всей странѣ. Одновременно шла работа по организаціи и вооруженію красной гвардіи. Вмѣстѣ съ старымъ гарнизономъ и матросами она несла тяжелую караульную службу. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ завладѣвалъ однимъ правительственнымъ учрежденіемъ за другимъ, но всюду наталкивался на массивное сопротивленіе высшаго и средняго чиновничества. Прежнія совѣтскія партіи прилагали всѣ усилія

къ тому, чтобы найти въ этомъ слоѣ опору и организовать саботажъ новой власти. Наши враги были увѣрены, что дѣло идетъ объ эпизодѣ, что завтра-послѣзавтра, черезъ недѣлю Совѣтская власть будетъ сброшена... Въ Смольномъ появились первые иностранные консулы и члены посольствъ, движимые столько же текущими дѣловыми потребностями, сколько любопытствомъ. Корреспонденты спѣшили туда со своими записными книжками и фотографическими аппаратами. Всѣ торопились посмотрѣть, какъ выглядитъ новая власть, ибо были увѣрены, что черезъ день-два будетъ уже поздно.

Въ городѣ царилъ полный порядокъ. Матросы, солдаты, красногвардейцы держали себя въ эти первые дни съ превосходной дисциплиной и поддерживали режимъ суроваго революціоннаго порядка.

Въ лагерѣ враговъ начинались опасенія, какъ бы „эпизодъ“ не затянулся слишкомъ долго, и вмѣстѣ съ тѣмъ наспѣхъ создавалась первая организація наступленія на новую власть. Инициатива принадлежала соц.-рев. и меньшевикамъ. Въ прошлый періодъ они не хотѣли и не смѣли брать въ свои руки всю власть. Въ соотвѣтствіи со своимъ промежуточнымъ политическимъ положеніемъ они удовлетворялись тѣмъ, что состояли въ составѣ коалиціонной власти въ качествѣ помощниковъ, критиковъ, доброжелательныхъ обличителей и защитниковъ буржуазіи. Во время всѣхъ выборовъ они добросовѣстно предавали либеральную буржуазію анаѳемѣ, а въ правительствѣ столь же исправно объединялись съ нею. За первые шесть мѣсяцевъ революціи они успѣли въ результатѣ этой политики окончательно утерять довѣріе народныхъ массъ и арміи, а теперь ударомъ октябрьскаго возстанія они отбрасывались отъ государственнаго аппарата. Между

тѣмъ еще вчера они считали себя хозяевами положенія. Преслѣдуемые ими вожди большевиковъ жили нелегально, скрываясь какъ при царизмѣ. Сегодня большевики завладѣли властью. А вчерашніе министры-соглашатели и ихъ сотрудники оказались отброшенными въ сторону и сразу лишились какого бы то ни было вліянія на дальнѣйшее теченіе событій. Они не хотѣли и не могли вѣрить въ то, что этотъ крутой поворотъ означаетъ начало новой эпохи. Они хотѣли и заставляли себя думать, что тутъ—случайность, недоразумѣніе, которое можно устранить нѣсколькими энергичными рѣчами и обличительными статьями. Но съ каждымъ часомъ они наталкивались на все болѣе непреодолимыя препятствія. Отсюда ихъ слѣпая, поистинѣ бѣшеная ненависть.

Буржуазные политики, разумѣется, не рѣшались идти въ огонь. Они проталкивали впередъ соц.-рев. и меньшевиковъ, которые въ борьбѣ противъ насъ обрѣли всю ту энергію, какой имъ не хватало въ тотъ періодъ, когда они были партіей полувласти. Въ ихъ органахъ распространялись наиболѣе чудовищные слухи и клеветы. Отъ ихъ имени исходили прокламаціи, заключавшія въ себѣ прямые призывы къ разгрому новой власти. Они же организовывали чиновниковъ для саботажа, юнкеровъ—для военныхъ выступленій.

27-го и 28-го мы продолжали получать отъ армейскихъ комитетовъ, городскихъ думъ, земствъ, отъ организацій Викжеля (руководящаго учрежденія желѣзнодорожнаго союза) непрерывныя угрозы по телеграфу. На Невскомъ, главной артеріи столичной буржуазіи, становилось все болѣе оживленно. Буржуазная молодежь выходила изъ оцѣпененія и, подталкиваемая прессой, развертывала на Невскомъ все болѣе широкую агитацію противъ Совѣтской власти. При помощи бур-

жуазной толпы юнкера разоружали отдѣльныхъ красногвардейцевъ. На болѣе глухихъ улицахъ красногвардейцевъ и матросовъ пристрѣливали. Группа юнкеровъ захватила телефонную станцію, были сдѣланы, съ той же стороны попытки захватить телеграфъ, почту; наконецъ, намъ донесли о томъ, что три броневика попали въ руки какой-то враждебной намъ военной организаціи. Буржуазные элементы явно поднимали голову. Въ газетахъ провозвѣщалось, что мы доживаемъ послѣдніе часы. Наши люди перехватили нѣсколько секретныхъ приказовъ, изъ которыхъ было ясно, что противъ Петроградскаго Совѣта создана боевая организація, въ центрѣ которой стоялъ такъ называемый Комитетъ защиты революціи, созданный Городской думой и Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ стараго состава. И тамъ, и здѣсь господствовали правые соц.-рев. и меньшевики. Въ распоряженіе этого Комитета поставляли себя юнкера, студенты и многіе контръ-революціонные офицеры, стремившіеся изъ-за спины соглашателей нанести Совѣтамъ смертельный ударъ.

Возстаніе юнкеровъ 29-го октября.

Опорными пунктами контръ-революціонной организаціи служили юнкерскія училища и Инженерный замокъ, гдѣ было сосредоточено довольно много оружія и боевыхъ запасовъ и откуда дѣлались налеты на учрежденія революціонной власти.

Отряды красногвардейцевъ и матросовъ окружали юнкерскія училища, посылая туда парламентеровъ, предлагали выдать оружіе. Оттуда отвѣчали выстрѣлами. Осаждавшіе топтались на мѣстѣ, вокругъ нихъ со-

бирался публика, и нерѣдко шальныя пули изъ оконъ ранили прохожихъ. Стычки получали неопредѣленно-затяжной характеръ, и это грозило деморализаціей революціонныхъ отрядовъ. Необходимо было принять самыя рѣшительныя мѣры. Задача разоруженія юнкеровъ была возложена на коменданта Петропавловской крѣпости, прапорщика Б. Онъ плотно окружилъ юнкерскія училища, подтянулъ къ нимъ броневики и артиллерію и, предъявивъ юнкерамъ ультиматумъ: сдаться, далъ имъ десять минутъ на размышленіе. Изъ оконъ отвѣчали новыми выстрѣлами. По истеченіи 10 минутъ Б. приказалъ открыть артиллерійскій огонь. Первые же выстрѣлы открыли въ стѣнахъ училища зіяющую брешь. Юнкера сдались, хотя многіе пытались спастись бѣгствомъ и, убѣгая, отстрѣливались. Создалось ожесточеніе, всегда сопровождающее гражданскую войну. Матросы учинялн, несомнѣнно, жестокости надъ отдѣльными юнкерами. Буржуазная печать потомъ обвиняла матросовъ и Совѣтскую власть въ безчеловѣчности и звѣрствѣ. Она молчала объ одномъ: что переворотъ 25—26-го октября произошелъ почти безъ выстрѣловъ и безъ жертвъ и что только контръ-революціонный заговоръ, организованный буржуазіей и бросившій ея молодое поколѣніе въ огонь гражданской войны противъ рабочихъ, солдатъ и матросовъ, привелъ къ неизбѣжнымъ жестокостямъ и жертвамъ. День 29-го октября создалъ рѣзкій переломъ въ настроеніи петроградскаго населенія. Событія приняли болѣе трагическій характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши враги поняли, что дѣло обстоитъ гораздо серьезнѣе, чѣмъ они думали, и что Совѣтъ отнюдь не собирается отдавать завоеванную имъ власть по требованію капиталистическихъ газетъ и юнкеровъ.

Очищеніе Петрограда отъ контръ-революціонныхъ

очаговъ шло очень напряженно. Юнкера были почти поголовно разоружены, участники возстанія арестованы, заключены въ Петропавловскую крѣпость или вывезены въ Кронштадтъ. Изданія, открыто призывающія къ возстанію противъ Совѣтской власти, были закрыты. Противъ нѣкоторыхъ изъ вождей прежнихъ совѣтскихъ партій, имена которыхъ значились подъ перехваченными контръ-революціонными приказами, были изданы распоряженія объ арестѣ. Военное сопротивленіе въ столицѣ было окончательно сломлено.

На очередь встала длительная и изнурительная борьба съ итальянской забастовкой чиновниковъ, техниковъ, служащихъ и пр. Эти элементы, принадлежащіе въ значительной своей части по оплатѣ труда къ угнетеннымъ классамъ народа, по условіямъ существованія и по психологіи примыкаютъ къ буржуазному обществу. Они вѣрой и правдой служили государству и его учрежденіямъ, когда во главѣ этого государства стоялъ царизмъ. Они продолжали служить государству, когда власть перешла въ руки имперіалистической буржуазіи. Они перешли въ наслѣдство со своими знаніями и техническими навыками къ коалиціонной власти въ слѣдующій періодъ революціи. Но когда возставшіе рабочіе, солдаты, крестьяне отбросили отъ государственнаго руля партіи эксплоатирующихъ классовъ и попытались взять управленіе дѣлами въ свои собственныя руки, тогда чиновники и служащіе встали на дыбы и рѣшительно отказали новой власти въ какой бы то ни было поддержкѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ шире развертывался этотъ саботажъ, организаторами котораго выступали преимущественно соц.-рев. и меньшевики и который питался за счетъ финансовыхъ средствъ, доставлявшихся банками и союзными посольствами.

Движеніе Керенскаго на Петроградъ.

Чѣмъ прочнѣе стояла Совѣтская власть въ Петроградѣ, тѣмъ больше буржуазныя группы переносили свои надежды на военную помощь извнѣ. Петроградское Телефонное агентство, желѣзнодорожный телеграфъ, радіо-телеграфная станція Царскаго Села приносили со всѣхъ концовъ вѣсти о грандіозныхъ силахъ, которыя движутся на Петроградъ для того, чтобы покорить тамъ мятежниковъ и утвердить порядокъ. Керенскій бѣжалъ на фронтъ, и буржуазныя газеты сообщали, что онъ ведетъ оттуда противъ большевиковъ несмѣтныя войска. Мы были оторваны отъ страны, телеграфъ не хотѣлъ намъ служить. Но солдаты, десятками, сотнями приходившіе ежедневно по порученію своихъ полковъ, дивизій и корпусовъ, неизмѣнно говорили намъ: „не бойтесь фронта, онъ цѣликомъ за васъ, отдайте только распоряженіе—и мы отправимъ на помощь вамъ хоть сегодня же дивизію или корпусъ“. Въ арміи было то же, что и всюду: низы были за насъ, верхи противъ насъ. Въ рукахъ у этихъ верховъ былъ военно-техническій аппаратъ. Отдѣльныя части многомилліонной арміи оказывались изолированными другъ отъ друга. Мы были изолированы отъ арміи и отъ всей страны. Тѣмъ не менѣе вѣсть о Совѣтской власти въ Петроградѣ и объ ея декретахъ неудержимо расходилась по странѣ и будила Совѣты къ возстанію противъ старой власти.

Вѣсти о движеніи Керенскаго во главѣ какихъ-то войскъ на Петроградъ вскорѣ уплотнились и приняли болѣе опредѣленныя очертанія. Изъ Царскаго Села намъ сообщали о томъ, что черезъ Лугу туда подошли казачьи эшелоны. По Петрограду распространилось воззваніе, подписанное Керенскимъ и генераломъ Крас-

новымъ и призывавшее весь гарнизонъ присоединиться къ правительственнымъ войскамъ, которыя въ ближайшіе часы вступятъ въ Петроградъ. Возстаніе юнкеровъ, 29-го октября находилось въ несомнѣнной связи съ предпріятіемъ Керенскаго, но только слишкомъ рано прорвалось наружу, вслѣдствіе рѣшительныхъ дѣйствій съ нашей стороны. Царскосельскому гарнизону былъ отданъ приказъ: потребовать отъ подступающихъ казачьихъ частей признанія Совѣтской власти, а въ случаѣ отказа — разоружить ихъ. Но гарнизонъ Царскаго Села оказался неприспособленнымъ для боевыхъ операцій. У него не было артиллеріи и не было руководителей: офицерство враждебно относилось къ Совѣтской власти. Казаки завладѣли радіо-телеграфной станціей Царскаго Села, самой могущественной въ странѣ, и продвигались дальше. Гарнизоны Петергофа, Краснаго Села, Гатчины не проявляли ни иниціативы, ни рѣшимости.

Послѣ почти безкровной побѣды въ Петроградѣ у солдатъ создалась увѣренность, что дѣло и дальше пойдетъ тѣмъ же путемъ: достаточно-де послать къ казакамъ агитатора, который объяснитъ имъ цѣли рабочей революціи, и они сложатъ оружіе. Путемъ рѣчей и братанія было преодолѣно контръ-революціонное возстаніе Корнилова. Путемъ агитаціи и планомѣрнаго захвата учрежденій — безъ боя — было сброшено правительство Керенскаго. Тѣ же методы примѣнялись руководителями Царскосельскаго, Красносельскаго и Гатчинскаго Совѣтовъ противъ казаковъ генерала Краснова. Но здѣсь успѣха не было. Безъ рѣшительности и энтузіазма казаки продвигались, однако, впередъ. Отдѣльные отряды проходили къ Гатчинѣ, къ Красному Селу, вступали въ стычку съ немногочисленными отрядами мѣстныхъ гарнизоновъ, иногда разоружали

ихъ. О численности отрядовъ Керенскаго мы не имѣли сперва никакого представленія. Одни говорили, что генералъ Красновъ ведетъ за собой десять тысячъ человѣкъ, другіе утверждали, что не больше тысячи, наконецъ, враждебныя намъ газеты и воззванія вершковыми буквами сообщили, что подъ Царскимъ Селомъ сосредоточилось два корпуса.

Въ Петроградскомъ гарнизонѣ также царила атмосфера неувѣренности; едва успѣли одержать безкровную побѣду, какъ приходилось выступать противъ врага неизвѣстной численности для боевъ съ неизвѣстнымъ исходомъ. На гарнизонныхъ совѣщаніяхъ говорилось главнымъ образомъ о необходимости послать новыхъ и новыхъ агитаторовъ и выпустить воззванія къ казакамъ: солдатамъ казалось невозможнымъ, чтобы казаки отказались встать на ту точку зрѣнія, которую защищалъ въ своей борьбѣ петроградскій гарнизонъ. Между тѣмъ передовыя казачьи группы продвинулись совсѣмъ близко къ Петрограду, и мы готовились къ тому, что главная борьба произойдетъ на улицахъ города.

Наибольшую рѣшительность проявили красногвардейцы. Они требовали оружія, боевыхъ припасовъ, руководства. Но въ военномъ аппаратѣ все было разстроено, разлажено, отчасти — отъ запустѣнія, отчасти — злонамѣренно. Офицеры отстранились, многіе бѣжали, винтовки были въ одномъ мѣстѣ, патроны—въ другомъ. Еще хуже обстояло дѣло съ артиллеріей. Орудія, лафеты, снаряды—все это находилось въ разныхъ мѣстахъ и все это приходилось разыскивать ощупью. У полковъ не оказалось въ наличности ни саперныхъ инструментовъ, ни полевыхъ телефоновъ. Революціонный штабъ, который пытался наладить все это сверху, наталкивался на непреодолимыя препятствія, прежде всего въ видѣ саботажа военно-техническаго персонала.

Тогда мы рѣшили обратиться непосредственно къ рабочимъ массамъ. Мы изложили имъ, что завоеванія революціи находятся въ величайшей опасности и что отъ нихъ, отъ ихъ энергіи, иниціативы и самоотверженія, зависитъ спасти и укрѣпить режимъ рабочей и крестьянской власти. Это обращеніе почти сейчасъ же увѣнчалось огромнымъ практическимъ успѣхомъ. Тысячи рабочихъ двинулись по направленію къ войскамъ Керенскаго и занялись рытьемъ окоповъ. Рабочіе орудійныхъ заводовъ снаряжали пушки, сами добывали для нихъ на складахъ снаряды, реквизировали лошадей, вывозили орудія на позиціи, устанавливали ихъ, организовали интендантскую часть, добывали бензинъ, моторы, автомобили, реквизировали продовольственные запасы и фуражъ, поставили на ноги санитарный обозъ, — словомъ, создали весь тотъ боевой аппаратъ, который мы тщетно пытались создать сверху изъ революціоннаго штаба.

Когда на позиціяхъ появились десятки орудій, настроеніе нашихъ солдатъ сразу измѣнилось: подъ защитой артиллеріи они готовы были дать отпоръ натиску казаковъ. Въ первыхъ линіяхъ стояли матросы и красногвардейцы. Нѣсколько офицеровъ, политически чуждыхъ намъ, но честно связанныхъ со своими полками, сопровождали своихъ солдатъ на позиціи и руководили ихъ дѣйствіями противъ казаковъ Краснова.

Крушеніе авантюры Керенскаго.

Тѣмъ временемъ телеграммы разносили по всей странѣ и за границей вѣсть о томъ, что „авантюра“ большевиковъ ликвидирована, Керенскій вступилъ въ Петроградъ и возстановляетъ желѣзной рукой порядокъ. Съ другой стороны, въ самомъ Петроградѣ бур-

жуазная печать, ободренная близостью войскъ Керенскаго, писала о полномъ разложеніи въ средѣ Петроградскаго гарнизона, о неудержимомъ наступленіи казаковъ, снабженныхъ большимъ количествомъ артиллеріи, и предрекала гибель Смольнаго. Главное наше затрудненіе состояло, какъ уже сказано, въ отсутствіи налаженнаго техническаго аппарата и людей, способныхъ руководить военными дѣйствіями. Даже тѣ офицеры, которые добросовѣстно сопровождали своихъ солдатъ на позиціи, отказывались отъ поста главнокомандующаго.

Послѣ продолжительныхъ поисковъ мы остановились на слѣдующей комбинаціи. Гарнизонное совѣщаніе избрало комиссію изъ пяти лицъ, которой былъ порученъ верховный контроль надъ всѣми операціями противъ контръ-революціонныхъ войскъ, двигавшихся на Петроградъ. Эта комиссія вошла затѣмъ въ соглашеніе съ полковникомъ генеральнаго штаба Муравьевымъ, который находился въ оппозиціи во время режима Керенскаго, и теперь, по собственной иниціативѣ, предложилъ свои услуги Совѣтскому Правительству.

Съ Муравьевымъ мы выѣзжали холодной ночью 30-го октября въ автомобилѣ на позиціи. По дорогѣ тянулись обозы съ провіантомъ, фуражомъ, боевыми припасами, артиллеріей. Все это сдѣлали рабочіе разныхъ заводовъ. Заставы изъ красногвардейцевъ нѣсколько разъ на пути останавливали нашъ автомобиль и провѣряли пропускное свидѣтельство. Съ первыхъ дней октябрьской революціи всѣ автомобили въ городѣ были реквизированы и безъ свидѣтельства изъ Смольнаго ни одинъ автомобиль не могъ двигаться по улицамъ города или въ окрестностяхъ столицы. Бдительность красногвардейцевъ была выше всякой похвалы. Они выстаивали вокругъ небольшихъ костровъ часами

съ винтовками въ рукахъ, и видъ этихъ молодыхъ вооруженныхъ рабочихъ у костровъ на снѣгу былъ лучшимъ символомъ пролетарской революціи.

На позиціи было установлено много орудій, не было недостатка въ снарядахъ. Рѣшающее столкновеніе разыгралось въ этотъ именно день между Краснымъ и Царскимъ Селами. Послѣ жестокаго артиллерійскаго боя казаки, которые подвигались впередъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣчали препятствій, поспѣшно отступили. Ихъ обманывали все время, разсказывая имъ о жестокостяхъ и звѣрствахъ большевиковъ, которые-де хотятъ продать Россію германскому кайзеру. Ихъ убѣдили, что чуть ли не весь гарнизонъ въ Петроградѣ съ нетерпѣніемъ дожидается ихъ, какъ избавителей. Первое серьезное сопротивленіе совершенно разстроило ихъ ряды и обрекло на крушеніе все предпріятіе Керенскаго. Отступленіе казаковъ Краснова дало намъ возможность взять въ свои руки радіостанцію Царскаго Села. Мы сейчасъ же дали радіо о побѣдѣ надъ войсками Керенскаго *).

---

*) Приводимъ здѣсь текстъ радіотелеграммы:

Село Пулково. Штабъ. 2 часа 10 мин. пополуночи.

Ночь съ 30-го на 31-е октября войдетъ въ исторію. Попытка Керенскаго двинуть контръ-революціонныя войска на столицу революціи получила рѣшающій отпоръ. Керенскій отступаетъ, мы наступаемъ. Солдаты, матросы и рабочіе Петрограда показали, что умѣютъ и хотятъ съ оружіемъ въ рукахъ утвердить волю и власть рабочей демократіи. Буржуазія стремилась изолировать армію революціи, Керенскій пытался сломить ее силой казачества. И то, и другое потерпѣло жалкое крушеніе.

Великая идея господства рабочей и крестьянской демократіи сплотила ряды арміи и закалила ея волю. Вся страна отнынѣ убѣдится, что Совѣтская власть—не преходящее явленіе, а несокрушимый фактъ господства рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. Отпоръ Керенскому есть отпоръ помѣщикамъ, буржуазіи, корниловцамъ. Отпоръ Керенскму есть утвержденіе права народа на мирную свободную жизнь, землю, хлѣбъ и власть. Пулковскій отрядъ своимъ доблестнымъ ударомъ закрѣпляетъ дѣло

Наши заграничные друзья сообщили намъ впослѣдствіи, что германская радіо-телеграфная станція, по приказу свыше, не приняла этой радіо-телеграммы.

Первая реакція германскихъ властей на октябрьскія событія выразилась, такимъ образомъ, въ страхѣ, какъ бы эти событія не вызвали броженія въ самой Германіи. Въ Австро-Венгріи приняли часть нашей телеграммы, и, насколько намъ извѣстно, она стала источникомъ освѣдомленія всей остальной Европы о томъ, что злосчастная попытка Керенскаго вернуть себѣ власть закончилась жалкимъ крушеніемъ.

Среди казаковъ Краснова шло броженіе. Они стали посылать своихъ лазутчиковъ въ Петроградъ и даже своихъ офиціальныхъ делегатовъ въ Смольный. Тамъ они имѣли возможность убѣдиться, что въ столицѣ царитъ полный порядокъ, поддерживаемый гарнизономъ, который единодушно стоитъ за Совѣтскую власть. Разложеніе въ средѣ казаковъ приняло тѣмъ болѣе острый характеръ, что имъ ясна стала вся нелѣпость затѣи взять Петроградъ при помощи тысячи съ небольшимъ кавалеристовъ, — обѣщанныя имъ подкрѣпленія съ фронта совершенно не поступали...

Отрядъ Краснова отступилъ на Гатчину, и, когда мы на другой день выѣхали туда, красновскій штабъ былъ уже, въ сущности, въ плѣну у самихъ казаковъ. Нашъ Гатчинскій гарнизонъ занималъ всѣ важнѣйшія

рабочей и крестьянской революціи. Возврата къ прошлому нѣтъ. Впереди еще борьба, препятствія и жертвы. Но путь открытъ и побѣда обезпечена.

Революціонная Россія и Совѣтская власть въ правѣ гордиться своимъ Пулковскимъ отрядомъ, дѣйствующимъ подъ командой полковника Вальдена. Вѣчная память павшимъ! Слава борцамъ революціи, солдатамъ и вѣрнымъ народу офицерамъ!

Да здравствуетъ революціонная, народная, соціалистическая Россія.

Именемъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ *Л. Троцкій.*

31-го октября 1917 г.

позиціи. Казаки же, хотя и не были разоружены, но по состоянію своему были совершенно неспособны на дальнѣйшее сопротивленіе. Они хотѣли только одного: чтобы ихъ какъ можно скорѣе отпустили на Донъ или, по крайней мѣрѣ, на фронтъ.

Гатчинскій дворецъ представлялъ собою любопытное зрѣлище. У всѣхъ входовъ стоялъ усиленный караулъ. У воротъ — артиллерія, броневики. Въ дворцовыхъ помѣщеніяхъ, украшенныхъ цѣнной живописью, размѣстились матросы, солдаты, красногвардейцы. На столахъ изъ дорогого дерева лежали части солдатской одежды, трубки, коробки изъ-подъ сардинъ. Въ одной изъ комнатъ помѣщался штабъ генерала Краснова. На полу лежали матрацы, шапки, шинели. Сопровождавшій насъ представитель Военно-Революціоннаго Комитета вошелъ въ помѣщеніе штаба, со стукомъ опустилъ винтовку прикладомъ внизъ и, опершись на нее, заявилъ: „Генералъ Красновъ, вы и вашъ штабъ арестованы Совѣтской властью“. У обѣихъ дверей немедленно же размѣстились вооруженные красногвардейцы. Керенскаго не было: онъ снова бѣжалъ, какъ раньше изъ Зимняго дворца. Объ обстоятельствахъ этого побѣга генералъ Красновъ разсказалъ въ письменномъ показаніи, которое онъ далъ перваго ноября. Мы приводимъ здѣсь цѣликомъ этотъ любопытный документъ.

„1917 года, 1 дня ноября мѣсяца, 19 часовъ.

Около 15 часовъ сегодня меня потребовалъ къ себѣ Верховный Главнокомандующій (Керенскій). Онъ былъ очень взволнованъ и нервенъ.

— Генералъ,— сказалъ онъ,— вы меня предали... Тутъ ваши казаки опредѣленно говорятъ, что они меня арестуютъ и выдадутъ матросамъ...

— Да,— отвѣчалъ я,— разговоры объ этомъ идутъ, и я знаю, что сочувствія къ вамъ нигдѣ нѣтъ.

— Но и офицеры говорятъ то же.

— Да, офицеры особенно недовольны вами.

— Что же мнѣ дѣлать? Приходится покончить съ собой.

— Если вы честный человѣкъ, вы поѣдете сейчасъ въ Петроградъ съ бѣлымъ флагомъ и явитесь въ Революціонный Комитетъ, гдѣ переговорите, какъ глава правительства.

— Да, я это сдѣлаю, генералъ.

— Я дамъ вамъ охрану и попрошу, чтобы съ вами поѣхалъ матросъ.

— Нѣтъ, только не матросъ. Вы знаете, что здѣсь Дыбенко?

— Я не знаю, кто такой Дыбенко.

— Это мой врагъ.

— Ну, что же дѣлать. Разъ ведете большую игру, то надо и отвѣтъ дать.

— Да, только я уѣду ночью.

— Зачѣмъ? Это будетъ бѣгство. Поѣзжайте спокойно и открыто, чтобы всѣ видѣли, что вы не бѣжите.

— Да, хорошо. Только дайте мнѣ конвой надежный.

— Хорошо.

Я пошелъ, вызвалъ казака 10-го Донского казачьяго полка Русскова и приказалъ назначить 8 казаковъ для окарауливанія Верховнаго Главнокомандующаго.

Черезъ полчаса пришли казаки и сказали, что Керенскаго нѣтъ, что онъ бѣжалъ. Я поднялъ тревогу и приказалъ его отыскать; полагаю, что онъ не могъ бѣжать изъ Гатчины и скрывается гдѣ-либо здѣсь же.

Командующій III Корпусомъ

Генералъ-маіоръ *Красновъ*".

Такъ закончилось это предпріятіе.

Наши противники тѣмъ не менѣе не сдавались и не соглашались признать, что вопросъ о власти рѣ-

шенъ. Они продолжали возлагать свои надежды на фронтъ. Цѣлый рядъ лидеровъ бывшихъ совѣтскихъ партій — Черновъ, Церетели, Авксентьевъ, Гоцъ и другіе — направлялись, на фронтъ, вели тамъ переговоры со старыми армейскими комитетами, собирались въ ставкѣ у Духонина, подбивали его на сопротивленіе и, по газетнымъ сообщеніямъ, пытались даже въ ставкѣ организовать новое министерство. Изъ всего этого ничего не вышло. Старые армейскіе комитеты потеряли всякое значеніе, и на фронтѣ происходила интенсивная работа по созыву конференцій и съѣздовъ, имѣвшихъ своей задачей переизбраніе всѣхъ фронтовыхъ организацій. На этихъ перевыборахъ Совѣтская власть побѣждала всюду.

Изъ Гатчины наши отряды продвигались по желѣзной дорогѣ дальше въ сторону Луги и Пскова. Оттуда подошло имъ навстрѣчу еще нѣсколько поѣздовъ съ ударниками и казаками, которыхъ вызывалъ Керенскій или отправляли отдѣльные генералы. Съ однимъ изъ эшелоновъ было даже вооруженное столкновеніе. Но большинство солдатъ, которыхъ направляли къ Петрограду, при первой же встрѣчѣ съ представителями совѣтскихъ войскъ заявляли, что ихъ обманули и что они не поднимутъ руки противъ власти рабочихъ и солдатъ.

Внутреннія тренія.

Тѣмъ временемъ борьба за власть Совѣтовъ распространялась по всей странѣ. Въ Москвѣ борьба пріобрѣла крайне затяжной и кровавый характеръ. Можетъ быть, не послѣдней причиной этого явился тотъ фактъ, что руководители возстанія не проявили сразу всей необходимой рѣшительности наступленія. Въ гражданской войнѣ болѣе, чѣмъ во всякой другой, по-

бѣда можетъ быть обезпечена только рѣшительнымъ и непрерывнымъ наступленіемъ. Колебаться — нельзя, вести переговоры — опасно, топтаться выжидательно на мѣстѣ — гибельно. Дѣло идетъ о народныхъ массахъ, которыя еще не держали въ рукахъ власти, которыя находились всегда подъ ярмомъ другого класса и которымъ больше всего не хватаетъ поэтому политической самоувѣренности. Колебаніе въ руководящемъ центрѣ революціи сейчасъ же разлагаетъ ихъ. Только въ томъ случаѣ, если революціонная партія твердо, неуклонно идетъ къ своей цѣли, она можетъ помочь трудящимся преодолѣть привитые столѣтіями инстинкты рабства и привести рабочія массы къ побѣдѣ. И только на пути рѣшительнаго наступленія побѣда можетъ быть достигнута съ наименьшей затратой силъ и жертвъ.

Но вся трудность состоитъ именно въ томъ, чтобы достигнуть рѣшительной и твердой тактики. Неувѣренность массы въ своихъ собственныхъ силахъ, отсутствіе у нея опыта власти отражается и на вождяхъ, которые въ свою очередь находятся, кромѣ того, подъ могущественнымъ давленіемъ буржуазнаго общественнаго мнѣнія сверху.

Либеральная буржуазія съ ненавистью и ожесточеніемъ воспринимала мысль о самой возможности установленія господства трудящихся массъ. Она давала этимъ своимъ чувствамъ выраженіе посредствомъ всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ органовъ, какими она располагаетъ. За ней тянулась интеллигенція, которая, при всемъ своемъ словесномъ радикализмѣ и соціалистической окраскѣ своего міросозерцанія, въ самыхъ глубинахъ своего сознанія насквозь пропитана рабскимъ преклоненіемъ предъ могуществомъ буржуазіи и ея правительственнымъ искусствомъ. Вся эта „соціалистическая“ интеллигенція шарахнулась вправо и глядѣла на укрѣпляющуюся Совѣтскую власть, какъ на начало

конца. За представителями „свободныхъ“ профессій тянулось чиновничество, административно-технический персоналъ, всѣ тѣ элементы, которые духовно и матеріально живутъ крохами со стола буржуазіи. Оппозиція этихъ слоевъ имѣла преимущественно пассивный характеръ, особенно послѣ разгрома юнкерскаго возстанія, но тѣмъ болѣе она могла казаться непреодолимой. Намъ на каждомъ шагу отказывали въ содѣйствіи. Чиновники либо уходили изъ министерства, либо, оставаясь тамъ, отказывались работать. Они не сдавали ни дѣлъ, ни денежныхъ суммъ. На телефонной станціи насъ не соединяли. На телеграфѣ искажали или задерживали наши телеграммы. Мы не находили переводчиковъ, стенографовъ, даже переписчицъ. Все это не могло не создавать такой атмосферы, въ которой отдѣльные элементы на верхахъ нашей собственной партіи должны были усомниться въ томъ, удастся ли трудящимся массамъ при такомъ отпорѣ буржуазнаго общества наладить правительственный аппаратъ и удержаться у власти. Стали раздаваться голоса о необходимости соглашенія. Съ кѣмъ? Съ либеральной буржуазіей? Но опытъ коалиціи съ ней загналъ революцію въ ужасающую трясину. Возстаніе 25-го октября явилось актомъ самосохраненія народныхъ массъ послѣ періода безсилія и предательства коалиціонной власти. Оставалась коалиція въ рядахъ такъ называемой революціонной демократіи, т.-е. всѣхъ совѣтскихъ партій. Такую коалицію мы, въ сущности, предложили съ самаго начала, на засѣданіи Второго Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ 25-го октября. Правительство Керенскаго было опрокинуто, мы предложили Съѣзду Совѣтовъ взять въ свои руки власть. Но правыя партіи ушли, хлопнувъ дверью. И это было лучшее изъ того, что онѣ могли сдѣлать. Онѣ представляли собою ничтожный секторъ

съѣзда. За ними уже не было массъ, а тѣ слои, которые еще по инерціи поддерживали ихъ, все болѣе переходили на нашу сторону. Коалиція съ правыми соц.-рев. и меньшевиками неспособна была бы расширить соціальную основу Совѣтской власти; въ то же время она вводила бы въ составъ этой власти элементы, насквозь разъѣденные политическимъ скептицизмомъ и идолопоклонствомъ передъ либеральной буржуазіей. Вся сила новой власти была въ радикализмѣ ея программы, въ рѣшительности ея дѣйствій. Связать себя съ группами Чернова и Церетели значило опутать новую власть по рукамъ и по ногамъ, лишить ее свободы дѣйствій и тѣмъ самымъ подорвать къ ней довѣріе рабочихъ массъ въ самый короткій срокъ.

Ближайшими нашими сосѣдями справа были такъ называемые „лѣвые соціалисты-революціонеры“. Они въ общемъ и въ цѣломъ готовы были поддерживать насъ, но въ то же время стремились создать коалиціонное соціалистическое правительство. Правленіе желѣзнодорожнаго союза (такъ называемый Викжель), центральный комитетъ почтово-телеграфныхъ служащихъ, союзъ чиновниковъ правительственныхъ учрежденій, — всѣ эти организаціи были противъ насъ. И на верхахъ нашей собственной партіи раздавались голоса въ пользу необходимости такъ или иначе придти съ ними къ соглашенію. Но на какой основѣ? Всѣ перечисленныя руководящія учрежденія прошлаго періода внутренне изжили себя. Они находились приблизительно въ такомъ же отношеніи ко всему низшему персоналу, какъ старые армейскіе комитеты — къ окопной солдатской массѣ. Исторія провела глубокую трещину между верхами и низами. Безпринципныя комбинаціи изъ этихъ изжитыхъ революціей руководителей вчерашняго дня были обречены на неизбѣжное крушеніе. Нужно было

твердо и рѣшительно опереться на низы, чтобы вмѣстѣ съ ними преодолѣть саботажничество и аристократическія претензіи верховъ. Мы предоставили лѣвымъ соц.-рев. продолжать безнадежныя попытки соглашенія. Наша политика состояла, наоборотъ, въ противопоставленіи трудящихся низовъ всѣмъ тѣмъ представительнымъ организаціямъ, которыя поддерживали режимъ Керенскаго. Эта непримиримая политика вызвала тренія и даже нѣкоторый расколъ на верхахъ нашей собственной партіи. Въ Центральномъ Исполнительномъ Комитетѣ лѣвые соціалисты-революціонеры протестовали противъ суровости мѣръ новой власти и настаивали на необходимости компромиссовъ. Они встрѣтили поддержку со стороны части большевиковъ. Три народныхъ комиссара сложили свои полномочія и вышли изъ состава правительства. Нѣкоторые другіе партійные дѣятели принципіально солидаризировались съ ними. Это произвело огромное впечатлѣніе въ интеллигентскихъ и буржуазныхъ кругахъ: если большевиковъ не побѣдили юнкера и казаки Краснова, то, теперь совершенно ясно, Совѣтская власть должна погибнуть въ результатѣ внутренняго разложенія... Однако массы совершенно не замѣтили этого раскола. Онѣ единодушно поддерживали Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ—не только противъ контръ-революціонныхъ заговорщиковъ и саботажниковъ, но и противъ соглашателей и скептиковъ.

Судьба Учредительнаго Собранія.

Когда послѣ корниловской авантюры господствовавшія совѣтскія партіи сдѣлали попытку загладить свое попустительство въ отношеніи контръ-революціонной буржуазіи, онѣ потребовали ускоренія созыва Учредительнаго Собранія. Керенскій, котораго Совѣты только-что спасли отъ слишкомъ тѣсныхъ объятій его

союзника Корнилова, оказался вынужденнымъ пойти на уступки. Созывъ Учредительнаго Собранія былъ назначенъ на конецъ ноября. Условія складывались, однако, къ этому времени такимъ образомъ, что не было никакой гарантіи того, что Учредительное Собраніе будетъ дѣйствительно созвано. На фронтѣ шла глубочайшая разруха, дезертирство возрастало со дня на день, солдатскія массы угрожали цѣлыми полками и корпусами покинуть окопы и двинуться въ тылъ, опустошая все на своемъ пути. Въ деревнѣ происходилъ стихійный захватъ земель и помѣщичьяго инвентаря. Нѣсколько уѣздовъ были объявлены на военномъ положеніи. Нѣмцы продолжали наступательныя дѣйствія, взяли Ригу и угрожали Петрограду. Правое крыло буржуазіи открыто злорадствовало по поводу опасности, угрожавшей революціонной столицѣ. Изъ Петрограда эвакуировали правительственныя учрежденія, правительство Керенскаго собиралось переселиться въ Москву. Все это дѣлало созывъ Учредительнаго Собранія не только гадательнымъ, но и мало вѣроятнымъ. Съ этой точки зрѣнія октябрьскій переворотъ представлялся спасеніемъ Учредительнаго Собранія, какъ и вообще спасеніемъ революціи. И когда мы говорили, что дверь къ Учредительному Собранію ведетъ не чрезъ предпарламентъ Церетели, а чрезъ захватъ власти Совѣтами, мы были вполнѣ искренни.

Но безконечное отсрочиваніе созыва Учредительнаго Собранія не прошло безслѣдно для этого учрежденія. Провозглашенное въ первые дни революціи, оно появилось на свѣтъ по истеченіи 8 — 9-мѣсячной ожесточенной борьбы классовъ и партій. Оно явилось слишкомъ поздно, чтобы имѣть возможность играть творческую роль. Его внутренняя несостоятельность предопредѣлялась однимъ фактомъ, который сперва могъ казаться незначительнымъ, но который въ даль-

нѣмцемъ получилъ огромное значеніе для судьбы Учредительнаго Собранія. Главной по численности партіей революціи въ первую эпоху была партія соціалистовъ-революціонеровъ. Мы уже говорили выше объ ея безформенности и пестромъ соціальномъ составѣ. Революція неизбѣжно вела къ внутреннему расчлененію тѣхъ рядовъ, которые выступали подъ народническимъ знаменемъ. Все больше отдѣлялось лѣвое крыло, ведшее за собой часть рабочихъ и широкіе слои крестьянской бѣдноты. Это крыло попадало въ непримиримую оппозицію къ мелко- и средне-буржуазнымъ верхамъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Но косность партійной организаціи и партійныхъ традицій задерживала неизбѣжный процессъ раскола. Пропорціональная система выборовъ покоится, какъ извѣстно, цѣликомъ на партійныхъ спискахъ. Такъ какъ списки были составлены за 2 и за 3 мѣсяца до октябрьскаго переворота и не подлежали измѣненію, то лѣвые и правые соціалисты-революціонеры фигурировали вперемежку подъ знаменемъ одной и той же партіи. Такимъ образомъ къ моменту октябрьскаго переворота, то-есть въ тотъ періодъ, когда правые соціалисты-революціонеры арестовывали лѣвыхъ, а лѣвые примыкали къ большевикамъ для ниспроверженія министерства соц.-рев. Керенскаго, старые списки сохраняли всю свою обязательность, и на выборахъ въ Учредительное Собраніе крестьянскія массы вынуждались отдавать свои голоса за списки, гдѣ въ первыхъ рядахъ стояло имя Керенскаго, а далѣе имена лѣвыхъ, участвовавшихъ въ заговорѣ противъ Керенскаго. Если мѣсяцы, предшествовавшіе октябрьскому перевороту, были временемъ непрерывнаго полѣвѣнія массъ, стихійнаго прилива рабочихъ, солдатъ и крестьянъ къ большевикамъ, то внутри партіи соціалистовъ-революціонеровъ этотъ процессъ выражался въ усиленіи лѣваго крыла

за счетъ праваго. Между тѣмъ, въ партійныхъ спискахъ соціалистовъ-революціонеровъ на три четверти господствовали старые дѣятели праваго крыла, успѣвшіе совершенно израсходовать всю революціонную репутацію въ эпоху коалиціи съ либеральной буржуазіей. Къ этому надо прибавить еще то обстоятельство, что самые выборы происходили въ теченіе первыхъ недѣль, слѣдовавшихъ за октябрьскимъ переворотомъ. Вѣсть о перемѣнѣ сравнительно медленно расходилась кругами изъ столицъ въ провинцію, изъ городовъ по деревнямъ. Крестьянскія массы отдавали себѣ во многихъ мѣстахъ крайне смутный отчетъ въ томъ, что происходило въ Петроградѣ и въ Москвѣ. Они голосовали за „землю и волю“, за своихъ представителей въ земельныхъ комитетахъ, въ большинствѣ случаевъ стоявшихъ подъ народническимъ знаменемъ, но тѣмъ самымъ они голосовали за Керенскаго и Авксентьева, которые распускали земельные комитеты и арестовывали ихъ членовъ. Въ результатѣ этого получился тотъ невѣроятный политическій парадоксъ, что одна изъ двухъ партій, распускавшихъ Учредительное Собраніе, именно лѣвые соціалисты-революціонеры, прошла по общимъ спискамъ съ той партіей, которая дала большинство Учредительному Собранію. Эта фактическая сторона дѣла дастъ совершенно ясное представленіе о томъ, въ какой мѣрѣ Учредительное Собраніе отстало отъ развитія политической борьбы и партійныхъ группировокъ. Остается разсмотрѣть принципіальную сторону вопроса.

Принципы демократіи и диктатура пролетаріата.

Какъ марксисты, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократіи. Въ классовомъ обще-

ствѣ демократическія учрежденія не только не устраняютъ классовой борьбы, но и даютъ классовымъ интересамъ крайне несовершенное выраженіе. У имущихъ классовъ всегда остаются въ распоряженіи десятки и сотни средствъ фальсифицировать, подтасовывать и изнасиловать волю трудящихся народныхъ массъ. Еще менѣе совершеннымъ аппаратомъ для выраженія классовой борьбы являются учрежденія демократіи въ условіяхъ революціи. Марксъ назвалъ революцію „локомотивомъ исторіи“. Благодаря открытой непосредственной борьбѣ за власть, трудящіяся массы въ короткій періодъ накопляютъ много политическаго опыта и быстро переходятъ въ своемъ развитіи съ одной ступени на другую. Тяжеловѣсный механизмъ демократическихъ учрежденій тѣмъ меньше поспѣваетъ за этой эволюціей, чѣмъ огромнѣе страна, и чѣмъ менѣе совершенъ ея технический аппаратъ.

Большинство въ Учредительномъ Собраніи оказалось за правыми соціалистами-революціонерами. Согласно парламентарной механикѣ, имъ должна была бы принадлежать государственная власть. Но партія правыхъ соціалистовъ-революціонеровъ имѣла возможность получить эту власть въ теченіе всего дооктябрьскаго періода революціи. Однако она уклонялась отъ власти, передавая львиную долю ея либеральной буржуазіи, и именно вслѣдствіе этого она — къ тому моменту, когда численный составъ Учредительнаго Собранія формально обязывалъ ее образовать правительство, — утратила послѣдніе остатки своего кредита въ самыхъ революціонныхъ частяхъ народа. Рабочій классъ, а вмѣстѣ съ нимъ красная гвардія былъ глубоко враждебенъ партіи правыхъ соціалистовъ-революціонеровъ. Подавляющее большинство арміи поддерживало большевиковъ. Революціонный элементъ де-

ревни раздѣлялъ свои симпатіи между лѣвыми соціалистами-революціонерами и большевиками. Матросы, игравшіе такую крупную роль въ событіяхъ революціи, шли почти безраздѣльно за нашей партіей. Изъ Совѣтовъ, которые въ октябрѣ, т.-е. до созыва Учредительнаго Собранія, взяли въ свои руки власть, правые соціалисты-революціонеры оказались вынужденными уйти. На кого могло бы опираться министерство, выдвинутое большинствомъ Учредительнаго Собранія? За нимъ стояли бы верхи деревни, интеллигенція, чиновничество; справа оно находило бы до поры до времени поддержку со стороны буржуазіи. Но у такого правительства не было бы совершенно матеріальнаго аппарата власти. Въ средоточіяхъ политической жизни, какъ Петроградъ, оно съ первыхъ же шаговъ наткнулось бы на непримиримое сопротивленіе. Если бы при этихъ условіяхъ Совѣты, подчиняясь формальной логикѣ демократическихъ учрежденій, предоставили власть партіи Керенскаго и Чернова, эта власть, скомпрометированная и безсильная, внесла бы только временное замѣшательство въ политическую жизнь страны, чтобы быть низвергнутой новымъ возстаніемъ черезъ нѣсколько недѣль. Совѣты рѣшили свести этотъ запоздалый историческій экспериментъ къ минимуму и распустили Учредительное Собраніе въ тотъ самый день, какъ оно собралось.

По этому поводу наша партія подвергалась жесточайшимъ обвиненіямъ. Разгонъ Учредительнаго Собранія произвелъ несомнѣнно неблагопріятное впечатлѣніе и на руководящіе круги соціалистическихъ партій Запада. Тамъ въ этомъ политически неизбѣжномъ и необходимомъ актѣ увидѣли партійный произволъ, кружковое самоуправство. Каутскій въ рядѣ статей, со свойственнымъ ему педантизмомъ, разъяснялъ взаимоот-

ношеніе между соціально-революціонными задачами пролетаріата и режимомъ политической демократіи. Онъ доказывалъ, что для рабочаго класса соблюденіе основъ демократическаго строя въ послѣднемъ счетѣ всегда оказывается выгоднымъ. Это, разумѣется, въ общемъ и цѣломъ совершенно правильно. Но Каутскій свелъ эту историческую истину къ профессорской банальности. Если для пролетаріата въ послѣднемъ счетѣ выгодно вводить свою классовую борьбу и даже свою диктатуру въ рамки учрежденій демократіи, то это вовсе не значитъ, что исторія всегда предоставляетъ ему возможность достигнуть такого сочетанія. Изъ теоріи марксизма отнюдь не вытекаетъ, будто исторія всегда создаетъ такія условія, которыя наиболѣе „выгодны“ для пролетаріата. Трудно сейчасъ предсказать, какъ сложилось бы развитіе революціи, если бы Учредительное Собраніе было созвано на 2-мъ или на 3-мъ мѣсяцѣ ея. Весьма вѣроятно, что господствовавшія тогда партіи соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ скомпрометировали бы себя вмѣстѣ съ Учредительнымъ Собраніемъ въ глазахъ не только наиболѣе активныхъ слоевъ, поддерживавшихъ Совѣты, но и въ глазахъ болѣе отсталыхъ демократическихъ массъ, которыя своими надеждами оказались бы связанными не съ Совѣтами, а съ Учредительнымъ Собраніемъ. Въ этихъ условіяхъ роспускъ Учредительнаго Собранія могъ бы привести къ новымъ выборамъ, въ которыхъ партіи лѣваго крыла могли бы оказаться въ большинствѣ. Но развитіе пошло другими путями. Выборы въ Учредительное Собраніе происходили на девятомъ мѣсяцѣ революціи. Къ этому моменту классовая борьба достигла такого напряженія, что внутреннимъ напоромъ она разорвала формальныя рамки демократіи. Пролетаріатъ велъ за собою армію и крестьянскіе низы. Эти

классы находились въ состояніи прямой и ожесточенной борьбы съ правыми соціалистами-революціонерами. А эта партія, благодаря тяжеловѣсной механикѣ демократическихъ выборовъ, оказалась въ Учредительномъ Собраніи въ большинствѣ, отражая дооктябрьскую эпоху революціи. Получилось противорѣчіе, совершенно не разрѣшимое въ рамкахъ формальной демократіи. И только политическіе педанты, которые не отдаютъ себѣ отчета въ революціонной логикѣ классовыхъ отношеній, могутъ предъ лицомъ послѣ-октябрьской ситуаціи читать пролетаріату банальныя наставленія о выгодахъ и преимуществахъ демократіи для дѣла классовой борьбы.

Вопросъ былъ поставленъ исторіей гораздо болѣе конкретно и остро. Учредительное Собраніе по составу своего большинства должно было передать власть группѣ Чернова, Керенскаго, Церетели. Могла ли эта группа руководить революціей? Могла ли она найти опору въ томъ классѣ, который является становымъ хребтомъ революціи? Нѣтъ. Реальное классовое содержаніе революціи непримиримо столкнулось съ ея демократической скорлупой. Этимъ самымъ судьба Учредительнаго Собранія была предопредѣлена. Роспускъ его представлялся единственнымъ мыслимымъ хирургическимъ выходомъ изъ противорѣчія, которое было создано не нами, а всѣмъ предшествовавшимъ развитіемъ событій.

Мирные переговоры.

Въ историческомъ ночномъ засѣданіи 2-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ былъ принятъ напечатанный въ приложеніи декретъ о мирѣ. Въ тотъ моментъ Совѣтская власть только утверждалась въ важнѣйшихъ пунктахъ страны, а число вѣрившихъ въ ея силу за

границей было совершенно ничтожно. Мы приняли на Съѣздѣ декретъ единогласно, но это казалось многимъ лишь политической демонстраціей. Соглашатели твердили на всѣхъ перекресткахъ, что практическихъ результатовъ наша революція не дастъ, ибо, съ одной стороны, насъ не признаютъ и съ нами не захотятъ говорить германскіе имперіалисты, а съ другой—намъ объявятъ войну за вступленіе въ сепаратные переговоры о мирѣ наши союзники. Подъ знакомъ этихъ предсказаній совершались наши первые шаги въ пользу всеобщаго демократическаго мира. Декретъ былъ принятъ 26-го октября, когда Керенскій и Красновъ были у самыхъ воротъ Петрограда, а 7-го ноября мы по радіотелеграфу уже обратились къ нашимъ союзникамъ и противникамъ съ предложеніемъ заключить всеобщій миръ. Въ отвѣтъ на это союзныя правительства черезъ своихъ военныхъ агентовъ обратились къ тогдашнему главнокомандующему генералу Духонину съ заявленіемъ, что дальнѣйшіе шаги по пути веденія сепаратныхъ переговоровъ о мирѣ поведутъ за собою тягчайшія послѣдствія. Мы отвѣтили на этотъ протестъ 11-го ноября воззваніемъ ко всѣмъ рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ, и въ этомъ воззваніи мы заявили, что ни въ коемъ случаѣ не допустимъ, чтобы наша армія проливала свою кровь изъ-подъ палки иностранной буржуазіи. Мы отмели угрозы западныхъ имперіалистовъ и приняли на себя всю отвѣтственность за политику мира передъ лицомъ международнаго рабочаго класса. Прежде всего мы, во исполненіе нашихъ принципіальныхъ обѣщаній, опубликовали тайные договоры и заявили, что отметаемъ въ нихъ все, что противорѣчитъ интересамъ народныхъ массъ всѣхъ странъ. Капиталистическія правительства попытались использовать наши разоблаченія другъ противъ друга. Но народныя массы

поняли насъ и признали. Ни одна соціалъ-патріотическая газета не осмѣлилась, насколько мы знаемъ, протестовать противъ факта коренного измѣненія рабочимъ и крестьянскимъ правительствомъ всѣхъ методовъ дипломатіи, противъ того, что мы отказались отъ всѣхъ ея подлостей и безчестныхъ шашней. Мы поставили задачей нашей дипломатіи—просвѣтить народныя массы, открыть имъ глаза на сущность политики ихъ правительствъ и спаять ихъ въ борьбѣ и въ ненависти къ буржуазно-капиталистическому строю. Нѣмецкая буржуазная печать обвиняла насъ въ томъ, что мы „затягиваемъ“ переговоры; но всѣ народы съ жаднымъ вниманіемъ прислушивались къ брестъ-литовскому діалогу, и этимъ была въ теченіе двухъ съ половиною мѣсяцевъ мирныхъ переговоровъ оказана дѣлу мира услуга, которая была признана и болѣе честными изъ нашихъ враговъ. Впервые былъ поставленъ вопросъ о мирѣ въ такую плоскость, когда онъ уже не могъ быть смазанъ какими бы то ни было закулисными махинаціями. 22-го ноября нами было подписано соглашеніе о пріостановленіи военныхъ дѣйствій на всемъ фронтѣ, отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Мы снова обратились къ союзникамъ съ предложеніемъ присоединиться къ намъ и вмѣстѣ съ нами вести мирные переговоры. Отвѣта мы не дождались, хотя союзники уже не пытались на этотъ разъ пугать насъ угрозами. Мирные переговоры начались 9-го декабря—черезъ полтора мѣсяца послѣ принятія декрета о мирѣ, и потому лживыми являются обвиненія противъ насъ продажной и соціалъ-предательской печати въ томъ, что мы не пытались сговориться съ союзниками. Мы въ теченіе полутора мѣсяцевъ оповѣщали ихъ о каждомъ нашемъ шагѣ и неизмѣнно призывали ихъ присоединиться къ мирнымъ переговорамъ. Наша совѣсть чиста передъ

народами Франціи, Италіи, Англіи... Мы сдѣлали все, что было въ нашихъ силахъ, для привлеченія къ мирнымъ переговорамъ всѣхъ воюющихъ странъ. Вина за то, что мы вынуждены были вступить въ сепаратные переговоры о мирѣ, падаетъ не на насъ, а на западныхъ имперіалистовъ, а также на тѣ русскія партіи, которыя все время предсказывали рабочему и крестьянскому правительству Россіи скорую смерть и уговаривали союзниковъ не брать въ серьезъ нашей мирной инпціативы. Такъ или иначе, 9-го декабря начались мирные переговоры. Наша делегація внесла принципіальное заявленіе, которое характеризовало основы всеобщаго демократическаго мира въ точныхъ выраженіяхъ декрета 26-го октября—8-го ноября. Противная сторона потребовала перерыва засѣданія, при чемъ возобновленіе работъ, по предложенію Кюльмана, откладывалось все далѣе и далѣе. Было ясно, что делегаціи четверного союза испытываютъ немалыя затрудненія при формулировкѣ отвѣта на нашу декларацію. 25-го декабря этотъ отвѣтъ былъ данъ. Дипломаты четверного союза присоединились къ демократической формулѣ мира—безъ аннексій и контрибуцій на началахъ самоопредѣленія народовъ. Для насъ было совершенно ясно, что это—лишь лицемѣріе. Но мы даже не ожидали отъ нихъ проявленія лицемѣрія, потому что, какъ сказалъ одинъ французскій писатель, лицемѣріе является той данью, которую порокъ платитъ добродѣтели. И то, что германскій имперіализмъ счелъ необходимымъ принести эту дань демократическимъ принципамъ, свидѣтельствовало въ нашихъ глазахъ о томъ, что положеніе внутри Германіи достаточно серьезно... Но если мы, вообще говоря, не дѣлали себѣ иллюзій насчетъ демократизма гг. Кюльмана и Чернова,—для этого мы достаточно хорошо знали природу германскихъ и австро-венгерскихъ правящихъ

классовъ,—то нужно все же признать, что мы не допускали той пропасти, которая, какъ выяснилось черезъ нѣсколько дней, отдѣляла дѣйствительныя предложенія германскаго имперіализма отъ тѣхъ формулъ, которыя были предъявлены на 25-ое декабря г. фонъ-Кюльманомъ, въ качествѣ плагіата у русской революціи. Такого безстыдства мы не ожидали...

На рабочія массы Россіи отвѣтъ Кюльмана произвелъ огромное впечатлѣніе. Онъ истолковывался какъ результатъ страха командующихъ классовъ центральныхъ имперій передъ недовольствомъ и возрастающимъ нетерпѣніемъ рабочихъ массъ Германіи. 28-го декабря въ Петроградѣ произошла колоссальная рабочая и солдатская демонстрація въ честь демократическаго мира. А на другое утро вернулась изъ Брестъ-Литовска наша делегація и привезла намъ тѣ грабительскія требованія, которыя г. фонъ-Кюльманъ предъявилъ намъ отъ имени центральныхъ имперій, въ истолкованіе своихъ „демократическихъ“ формулъ. Можетъ показаться, на первый взглядъ, непонятнымъ, на что собственно разсчитывала германская дипломатія, предъявляя свои демократическія формулы только за тѣмъ, чтобы черезъ 2—3 дня проявить свои волчьи аппетиты. По меньшей мѣрѣ рискованными представляются тѣ теоретическія пренія, которыя развернулись вокругъ демократическихъ формулъ, въ значительной мѣрѣ по иниціативѣ самого Кюльмана. Что на этомъ пути дипломатія центральныхъ имперій не можетъ пожать большихъ лавровъ, это должно было быть заранѣе яснымъ прежде всего для нея самой. Но секретъ поведенія дипломатіи Кюльмана состоялъ въ томъ, что этотъ господинъ былъ искренне убѣжденъ въ нашей готовности играть съ нимъ въ четыре руки. Онъ разсуждалъ при этомъ приблизительно такъ: Россіи миръ необходимъ. Большевики получили

власть благодаря своей борьбѣ за миръ. Большевики хотятъ удержаться у власти. Это для нихъ осуществимо только при условіи заключенія мира. Правда, они связали себя опредѣленной демократической программой мира. Но зачѣмъ же существуютъ на свѣтѣ дипломаты, какъ не для того, чтобы выдавать черное за бѣлое? Мы, нѣмцы, облегчимъ большевикамъ положеніе, прикрывши наши хищенія декоративными формулами. У большевистской дипломатіи будетъ достаточно основаній не докапываться до политической сути дѣла или, вѣрнѣе, не раскрывать содержанія заманчивыхъ формулъ передъ глазами всего міра...—Кюльманъ надѣялся, другими словами, на молчаливое соглашеніе съ нами: онъ возвратитъ намъ наши хорошія формулы, мы дадимъ ему возможность безъ протеста заполучить въ распоряженіе Германіи провинціи и народы. Въ глазахъ нѣмецкихъ рабочихъ насильственный захватъ получитъ, такимъ образомъ, санкцію русской революціи. Когда мы показали во время преній, что для насъ дѣло идетъ не о пустыхъ словахъ и не о декоративномъ прикрытіи закулисной сдѣлки, а о демократическихъ принципахъ сожительства народовъ, Кюльманъ воспринялъ это, какъ злонамѣренное нарушеніе молчаливаго договора. Онъ ни за что не хотѣлъ сходить съ позиціи формулы 25-го декабря, полагаясь на свою изощренную бюрократически-юридическую логику, старался на глазахъ всего міра показать, что бѣлое ничѣмъ не отличается отъ чернаго и что только наша злая воля заставляетъ насъ настаивать на этомъ различіи. Графъ Черинъ, представитель Австро-Венгріи, игралъ въ этихъ переговорахъ роль, которую никто не назоветъ внушительной или достойной. Онъ неуклюже секундировалъ и по порученію Кюльмана бралъ на себя во всѣ критическіе моменты внесенія наиболѣе рѣзкихъ и циническихъ за-

явленіи. Генералъ Гофманъ вносилъ въ переговоры освѣжающую ноту. Не обнаруживая большой симпатіи къ дипломатическимъ конструкціямъ Кюльмана, генералъ нѣсколько разъ клалъ свой солдатскій сапогъ на столъ, вокругъ котораго развертывались сложныя юридическія пренія. Мы, съ своей стороны, ни на минуту не сомнѣвались, что именно сапогъ генерала Гофмана является единственно серьезной реальностью въ этихъ переговорахъ.

Великимъ козыремъ въ рукахъ г. Кюльмана являлось участіе въ переговорахъ делегаціи кіевской рады. Для ставшихъ у власти украинскихъ мѣщанъ дѣломъ рѣшающей важности казалось „признаніе“ ихъ капиталистическими правительствами Европы. Сперва рада предлагала себя въ распоряженіе союзныхъ имперіалистовъ, получила отъ нихъ нѣкоторыя суммы на карманные расходы, а затѣмъ отправила своихъ представителей въ Брестъ-Литовскъ для того, чтобы за спиной народовъ Россіи выторговать у австро-германскаго правительства признаніе своей государственной законнорожденности. Едва ступивъ на путь „международнаго“ существованія, кіевская дипломатія обнаружила тотъ же кругозоръ и тотъ же нравственный уровень, какіе всегда характеризовали мелкотравчатыхъ политиковъ Балканскаго полуострова. Господа Кюльманы и Черники не дѣлали себѣ, конечно, никакихъ иллюзій насчетъ солидности новаго участника переговоровъ. Но они правильно учитывали, что при участіи кіевской делегаціи игра осложняется не безъ выгоды для нихъ.

При первомъ своемъ появленіи въ Брестъ-Литовскѣ кіевская делегація характеризовала Украину, какъ составную часть формирующейся Россійской Федеративной Республики. Это явно затрудняло работу центральныхъ дипломатовъ, которые увидѣли свою главную

задачу въ томъ, чтобы превратить Россійскую Республику въ новый Балканскій полуостровъ. При своемъ вторичномъ появленіи делегаты рады заявили подъ диктовку австро-германской дипломатіи, что отнынѣ Украина отказывается входить въ Россійскую федерацію и становится совершенно независимой республикой.

Чтобы дать возможность читателямъ яснѣе и нагляднѣе понять то положеніе, которое создалось для Совѣтской власти въ послѣдній моментъ мирныхъ переговоровъ, я считаю цѣлесообразнымъ воспроизвести здѣсь въ основныхъ частяхъ ту рѣчь, которую авторъ настоящихъ строкъ, въ качествѣ Народнаго Комиссара по Иностраннымъ Дѣламъ, произнесъ въ засѣданіи Центральнаго Исполнительнаго Комитета 14-го февраля 1918 г.

Рѣчь Народнаго Комиссара по Иностраннымъ Дѣламъ.

Товарищи! Совѣтской Россіи приходится не только строить новое, но и подводить итоги стараго, до извѣстной степени,—и при томъ до очень высокой—расплачиваться по старымъ счетамъ, прежде всего по счетамъ войны, которая длилась $3^1/_2$ года. Война явилась испытаніемъ экономическаго могущества воюющихъ странъ. Для Россіи, какъ страны болѣе бѣдной, болѣе отсталой, участь при затяжной войнѣ была предрѣшена. Въ могущественномъ столкновеніи военныхъ аппаратовъ въ послѣднемъ счетѣ рѣшала способность страны приспособить свою промышленность къ военнымъ потребностямъ, перестроить ее въ кратчайшій срокъ и въ возрастающемъ количествѣ воспроизводить орудія истребленія, которыя изнашивались съ такой быстротой въ теченіе этой бойни народовъ. Каждая, или почти каждая, страна, въ томъ числѣ и очень отсталая, могла въ

началѣ войны имѣть могущественныя орудія истребленія, то-есть могла получить ихъ на внѣшнемъ рынкѣ. Такъ и дѣлали всѣ отсталыя страны, такъ же поступала и Россія. Но война быстро изнашиваетъ свой мертвый капиталъ и требуетъ его постояннаго воспроизведенія. Военное могущество каждой отдѣльной страны, вовлеченной въ круговороть міровой войни, измѣрялось на дѣлѣ ея способностью самостоятельно воспроизводить во время самой войны пушки и снаряды и другія орудія истребленія.

Если бы война разрѣшила проблему соотношенія силъ въ кратчайшій срокъ, то и для Россіи оставалась бы теоретическая возможность оказаться по ту сторону траншей, гдѣ оказалась бы побѣда. Но война затянулась надолго и затянулась не случайно. Уже одно то, что вся международная политика за послѣднее полустолѣтіе сводилась къ построенію такъ называемаго европейскаго „равновѣсія“, то-есть къ тому, чтобы враждебныя силы приблизительно уравновѣшивались, должно было, при могуществѣ и богатствѣ современныхъ буржуазныхъ націй, придать войнѣ крайне затяжной характеръ. Это въ первую очередь обозначало истощеніе болѣе слабыхъ, менѣе развитыхъ въ экономическомъ отношеніи странъ.

Самой могущественной въ военномъ отношеніи оказалась Германія, благодаря могуществу своей индустріи, благодаря современному, новому, раціональному строю этой индустріи при архаическомъ строѣ государства. Франція со своимъ мелкобуржуазнымъ, въ значительной мѣрѣ, хозяйственнымъ укладомъ оказалась далеко отстоящей отъ Германіи, и даже могущественная колоніальная держава, какъ Англія, благодаря болѣе консервативному, рутинному характеру своей промышленности, оказалась болѣе слабой по сравненію съ Германіей. Когда исторія поставила передъ Русской

революціей вопросъ о мирныхъ переговорахъ, для насъ было несомнѣнно, что въ этихъ переговорахъ, докомъ въ нихъ не вмѣшалась рѣшающая сила мірового революціоннаго пролетаріата, мы должны будемъ расплачиваться по счетамъ $3^1/_2$-лѣтней войны. Для насъ было несомнѣнно, что въ лицѣ германскаго имперіализма мы имѣемъ противника, который пропитанъ сознаніемъ своей колоссальной силы, столь ярко обнаружившейся во время настоящей войны.

Всѣ тѣ соображенія, развиваемыя буржуазными кликами, будто мы были несравненно сильнѣе, если бы вели эти переговоры совмѣстно съ нашими союзниками, являются въ корнѣ несостоятельными. Для того, чтобы въ неопредѣленномъ будущемъ вести переговоры совмѣстно съ нашими союзниками, мы должны были бы прежде всего продолжать войну совмѣстно съ союзниками, а если страна наша истощена и ослаблена, то именно продолженіе войны, а не ея прекращеніе еще болѣе ослабляло бы и истощало страну. Намъ пришлось бы подводить итоги войны въ условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ для насъ. Если бы даже оказалось, что тотъ лагерь, въ составъ котораго Россія введена международными комбинаціями царизма и буржуазіи,—лагерь, во главѣ котораго стоитъ Великобританія; если бы оказалось, что этотъ лагерь вышелъ изъ войны вполнѣ побѣдоноснымъ—допустимъ на минуту этотъ маловѣроятный исходъ—это вовсе не значило бы, товарищи, что наша страна вышла бы побѣдоносной. Ибо при дальнѣйшей затяжной войнѣ Россія внутри побѣдоноснаго лагеря оказалась бы еще болѣе истощена и разорена, чѣмъ сейчасъ. Хозяева этого лагеря, которые сосредоточили бы въ своихъ рукахъ плоды побѣды, т.-е. Англія и Америка, обнаружили бы по отношенію къ нашей странѣ тѣ самые пріемы, которые обнаружила

въ мирныхъ переговорахъ Германія. Было бы нелѣпымъ и жалкимъ ребячествомъ исходить въ оцѣнкѣ политики имперіалистическихъ странъ изъ другихъ соображеній, кромѣ соображеній голаго интереса и матеріальной силы. Стало-быть, если мы сейчасъ, какъ страна, передъ лицомъ мірового имперіализма ослаблены, то ослаблены не тѣмъ, что вырвали себя изъ огненнаго кольца войны, предварительно вырвавъ себя изъ тисковъ международныхъ военныхъ обязательствъ,—нѣтъ, мы обезсилены той самой политикой царизма и буржуазныхъ классовъ, противъ которой мы боролись, въ качествѣ революціонной партіи, до настоящей войны и во время войны.

Вы помните, товарищи, при какихъ условіяхъ ваша делегація выѣзжала въ Брестъ-Литовскъ въ послѣдній разъ непосредственно съ одного изъ засѣданій 3-го Всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ. Тогда мы докладывали вамъ о состояніи переговоровъ и требованіяхъ противной стороны. Эти требованія, какъ вы помните, сводились къ замаскированнымъ, вѣрнѣе, полузамаскированнымъ аннексіонистскимъ вожделѣніямъ на Литву, Курляндію, часть Лифляндіи, Моозундскіе острова и къ полузамаскированной контрибуціи, которую мы тогда исчисляли въ 6—8, даже въ 10 милліардовъ рублей. Во время перерыва, который длился около 10 дней, въ Австро-Венгріи разыгралось крупное броженіе, вспыхнули стачки рабочихъ массъ, и эти стачки были тѣмъ первымъ признаніемъ нашего метода вести мирные переговоры, которые мы встрѣтили со стороны пролетаріата центральныхъ имперій передъ лицомъ аннексіонистскихъ требованій германскаго милитаризма. Какими жалкими являются утвержденія буржуазной печати, когда она говоритъ, что намъ необходимо было два мѣсяца разговаривать съ

Кюльманомъ, чтобъ узнать, что германскій имперіализмъ предъявитъ грабительскія условія. Нѣтъ, это мы знали заранѣе. Но изъ „разговоровъ“ съ представителями германскаго имперіализма мы старались сдѣлать средство для увеличенія тѣхъ силъ, которыя борются съ германскимъ милитаризмомъ. Мы здѣсь не обѣщали никакихъ чудесъ, но мы утверждали, что тотъ путь, по которому мы идемъ, есть единственный путь, который остается у революціонной демократіи для того, чтобы обезпечить за собою возможность дальнѣйшаго своего развитія.

Можно жаловаться, что пролетаріатъ другихъ странъ, и, въ частности, центральныхъ имперій, слишкомъ медленно переходитъ на путь открытой революціонной борьбы—да, темпъ его развитія долженъ быть признанъ слишкомъ медленнымъ,—но все-таки въ Австро-Венгріи наблюдалось движеніе, которое получило общегосударственный размахъ и которое явилось прямымъ и непосредственнымъ откликомъ на брестскіе переговоры.

Уѣзжая отсюда, мы говорили вмѣстѣ съ вами, что у насъ нѣтъ основаній утверждать, что именно эта волна снесетъ австро-германскій милитаризмъ. Если бы мы въ этомъ были убѣждены, мы, разумѣется, очень охотно дали бы то обѣщаніе, котораго отъ насъ требовали нѣкоторыя лица,—что мы ни въ коемъ случаѣ не подпишемъ сепаратнаго договора съ Германіей. Я сказалъ тогда же, что такого обѣщанія мы дать не можемъ, ибо это значило бы взять на себя обязательство побѣдить германскій милитаризмъ. Секрета такой побѣды у насъ не было въ рукахъ. И поскольку мы не могли обязаться измѣнить соотношеніе міровыхъ силъ въ кратчайшій срокъ, мы открыто и честно заявили, что революціонная власть можетъ оказаться

при извѣстныхъ условіяхъ вынужденной принять аннексіонистскій миръ. Ея паденіе начиналось бы тамъ, гдѣ она пыталась бы скрыть отъ собственнаго народа хищническій характеръ мира, а не тамъ, гдѣ она оказалась бы по ходу борьбы вынужденной его принять.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы указывали, что мы уѣзжали для продолженія переговоровъ въ условіяхъ, которыя какъ бы улучшаются для насъ и ухудшаются для нашихъ враговъ. Мы наблюдали движеніе въ Австро-Венгріи, и многое говорило за то,—на это ссылались и представители германской соціалъ-демократіи въ рейхстагѣ,—что Германія находилась у преддверія подобныхъ же событій. Мы ѣхали съ этой надеждой. И въ первые же дни нашего новаго пребыванія въ Брестѣ радіотелеграфъ принесъ намъ черезъ Вильну первыя вѣсти о томъ, что въ Берлинѣ развернулось огромное стачечное движеніе, которое, какъ и въ Австро-Венгріи, прямо и непосредственно было связано съ ходомъ переговоровъ въ Брестѣ. Однако, какъ это часто бываетъ въ силу діалектики классовой борьбы, именно широкій размахъ пролетарскаго выступленія, какого Германія еще никогда не видала, долженъ былъ толкнуть имущіе классы къ болѣе тѣсному сплоченію и къ большей непримиримости. Германскіе правящіе классы пропитаны достаточно твердымъ инстинктомъ самохраненія, чтобы отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что уступки въ томъ положеніи, въ какомъ они находились, тѣснимые собственными народными массами, уступки, хотя бы частичныя, означали бы капитуляцію передъ идеей революціи. И вотъ почему послѣ перваго періода растерянности, когда Кюльманъ сознательно оттягивалъ переговоры, не назначая засѣданій или расходуя ихъ на второстепенные формальные вопросы, какъ только стачка была ликвидирована, какъ только онъ убѣдился,

что въ данный моментъ его хозяевамъ не грозитъ смертельная опасность, онъ вернулся къ тону полной самоувѣренности и удвоенной агрессивности.

Переговоры наши осложнились участіемъ Кіевской рады. Мы докладывали объ этомъ и въ прошлый разъ, что делегація Кіевской рады явилась въ тотъ моментъ, когда рада представляла собою довольно сильную организацію на Украинѣ и когда исходъ борьбы не былъ предопредѣленъ. Какъ разъ въ тотъ моментъ мы сдѣлали радѣ официальное предложеніе заключить съ нами опредѣленный договоръ, при чемъ въ качествѣ условій такого договора мы выдвигали одно требованіе: чтобы рада признала Каледина и Корнилова контръ-революціонерами и не мѣшала намъ вести съ ними борьбу. Делегація Кіевской рады пріѣхала въ тотъ моментъ, когда мы надѣялись достигнуть съ нею соглашенія и тамъ и здѣсь. И тамъ мы заявили, что до тѣхъ поръ, пока украинскій народъ ее признаетъ, мы ее считаемъ возможнымъ допустить въ качествѣ самостоятельнаго участника въ этихъ переговорахъ. Но чѣмъ больше развивались событія на территоріи Россіи и Украины, чѣмъ глубже становился антагонизмъ между украинскими низами и радой, тѣмъ больше становилась готовность рады заключить съ правительствами центральныхъ имперій любой миръ и, если нужно, привлечь къ участію во внутреннихъ дѣлахъ Россійской Республики германскій имперіализмъ, чтобы поддержать раду противъ россійской революціи. 9-го февраля новаго стиля мы узнали, что ведшіеся за нашей спиной мирные переговоры между радой и центральными державами подписаны. 9-ое февраля, это—день рожденія Леопольда Баварскаго, и, какъ это принято въ монархическихъ странахъ, торжественный историческій актъ былъ пріуроченъ—не знаю, съ согласія ли Кіевской рады—къ

этому торжественному дню. Генералъ Гофманъ салютовалъ въ честь Леопольда Баварскаго, при чемъ предварительно спрашивалъ разрѣшенія на эти салюты у кіевской делегаціи, такъ какъ, согласно мирному договору, Брестъ-Литовскъ отошелъ къ Украинѣ. События сложились, однако, такъ, что въ тотъ моментъ, когда генералъ Гофманъ спрашивалъ разрѣшенія на пушечный салютъ, у Кіевской рады, за вычетомъ Брестъ-Литовска, оставалось уже очень не много территоріи. На основаніи тѣхъ телеграммъ, которыя мы получили изъ Петрограда, мы официально поставили делегаціи центральныхъ имперій въ извѣстность о томъ, что Кіевской рады больше не существуетъ, каковое обстоятельство отнюдь не безразлично для хода мирныхъ переговоровъ. Мы предлагали графу Чернину послать въ сопровожденіи нашихъ офицеровъ своихъ представителей на территорію Украины посмотрѣть, существуетъ или не существуетъ его контръ-агентъ, Кіевская рада. Черинъ ухватился за это какъ будто бы, но когда мы поставили ему вопросъ, означаетъ ли это, что договоръ съ кіевской делегаціей не будетъ подписанъ до возвращенія его собственныхъ посланцевъ, то тутъ онъ усомнился и обѣщалъ запросить объ этомъ Кюльмана, а запросивъ, прислалъ намъ отрицательный отвѣтъ. Это было 8-го февраля,—къ 9-му имъ необходимо было подписать договоръ, это не терпѣло никакого отлагательства, не только изъ-за дня рожденія Леопольда Баварскаго, но по болѣе серьезной причинѣ, которую Кюльманъ несомнѣнно разъяснилъ Чернину: „Если мы сейчасъ пошлемъ нашихъ представителей на Украину, то они могутъ и впрямь убѣдиться, что рады не существуетъ, и тогда мы окажемся предъ лицомъ одной всероссійской делегаціи, а это ухудшитъ наши шансы въ переговорахъ“. Со стороны австро-венгерской деле-

гаціи намъ говорили: „Сойдите съ почвы принциповъ, поставьте вопросъ на болѣе практическую почву,—тогда германская делегація пойдетъ на уступки... Не можетъ быть, чтобы нѣмцы пошли на продолженіе войны, напримѣръ, изъ-за Моозундскихъ острововъ, если вы это требованіе выдвините конкретно“. Мы отвѣтили: „Что жъ, мы готовы проэкзаменовать уступчивость вашихъ коллегъ изъ германской делегаціи. До сихъ поръ мы вели пренія о самоопредѣленіи литовцевъ, поляковъ, лифляндцевъ, латышей, эстонцевъ и др. и по всѣмъ этимъ вопросамъ обнаружили, что о самоопредѣленіи не можетъ быть и рѣчи. Теперь посмотримъ, что вы готовите самоопредѣленію еще одного народа, именно русскаго, каковы помыслы и планы военно-стратегическаго характера, которые скрываются за захватомъ вами Моозундскихъ острововъ? Ибо Моозундскіе острова, какъ составная часть независимой эстонской республики или какъ собственность Федеративной Россійской Республики, имѣютъ значеніе оборонительное, а въ рукахъ Германіи — наступательное, угрожающее самымъ жизненнымъ центрамъ нашей страны и въ особенности Петрограду“. Но ни на какія уступки, само собою разумѣется, Гофманъ не шелъ. Тогда насталъ часъ рѣшенія. Объявить войну мы не могли. Мы оказались слишкомъ слабы. Армія утратила внутреннюю связь. Намъ для спасенія нашей страны, для преодолѣнія развала необходимо возстановить внутреннюю связь трудовыхъ массъ. Эта психологическая связь можетъ возсоздаться только путемъ творческой работы на пашнѣ, на заводѣ, въ мастерской. Намъ необходимо трудовыя массы, которыя были подвергнуты колоссальнымъ страданіямъ, катастрофическимъ испытаніямъ на войнѣ, вернуть на пашни, на заводъ, гдѣ онѣ должны будутъ снова найти себя и упрочиться

въ трудѣ, и возсоздать внутреннюю дисциплину. Это есть единственный путь спасенія для страны, которая расплачивается сейчасъ за грѣхи царизма: „Миръ, который вы намъ навязываете, есть миръ войны, и мы выводимъ армію изъ войны". Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сказали передъ лицомъ германскаго милитаризма: „Миръ, который вы намъ навязываете, есть миръ насилія и грабежа. Мы не можемъ допустить того, чтобы вы, господа дипломаты, могли сказать нѣмецкимъ рабочимъ: „вы называли наши требованія захватными, аннексіонистскими, но смотрите—подъ этими требованіями мы привезли вамъ подпись русской революціи". Да, мы слабы, мы не можемъ сейчасъ воевать, но у насъ есть достаточно революціонной силы, чтобы сказать, что мы не поставимъ добровольно нашей подписи подъ тѣмъ договоромъ, который вы пишете вашимъ мечомъ на тѣлѣ живыхъ народовъ". Мы отказались поставить наши подписи, и я думаю, что мы правильно поступили, товарищи. *(Рукоплесканія.)*

Товарищи, я не хочу сказать, что наступленіе Германіи противъ насъ исключено. Такое заявленіе было бы слишкомъ рискованно, если имѣть въ виду могущество германской имперіалистической партіи. Но я думаю, что позиція, которую мы заняли въ этомъ вопросѣ, въ очень большой степени затруднила германскому милитаризму наступленіе. Что было бы, если бы онъ все же наступалъ? На это мы можемъ сказать только одно: если въ нашей странѣ, истощенной, доведенной до отчаяннаго состоянія, если въ нашей странѣ можно поднять духъ наиболѣе революціонныхъ жизнеспособныхъ элементовъ, если возможна у насъ борьба за защиту нашей революціи и территоріи этой революціи, то только въ результатѣ того положенія, которое соз-

далось сейчасъ, въ результатѣ нашего выхода изъ войны и нашего отказа подписать мирный договоръ. *(Рукоплесканія.)*

Вторая война и подписаніе мира.

Германское правительство въ первые дни послѣ разрыва мирныхъ переговоровъ колебалось, не зная, какой избрать путь. Политики и дипломаты считали, повидимому, что главное достигнуто и что нѣтъ основанія гоняться за нашими подписями. Военные готовы были во всякомъ случаѣ взорвать рамки, намѣченныя нѣмецкимъ правительствомъ въ Брестъ-литовскомъ договорѣ. Профессоръ Кригге, совѣтникъ нѣмецкой делегаціи, говорилъ одному изъ членовъ нашей делегаціи, что о наступленіи нѣмецкихъ войскъ на Россію при создавшихся условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Графъ Мирбахъ, стоявшій тогда во главѣ нѣмецкой миссіи въ Петроградѣ, уѣхалъ въ Берлинъ съ завѣреніемъ, что соглашеніе относительно обмѣна военноплѣнныхъ достигнуто. Все это нисколько не помѣшало генералу Гофману объявить—на пятый день послѣ прекращенія брестскихъ переговоровъ — перемиріе законченнымъ, при чемъ семидневный срокъ исчислялся имъ заднимъ числомъ, съ момента послѣдняго засѣданія въ Брестъ-Литовскѣ. Было бы поистинѣ неумѣстнымъ расточать здѣсь нравственное негодованіе по поводу этого безчестія: оно какъ нельзя лучше укладывается въ общія рамки дипломатической и военной морали господствующихъ классовъ.

Новое нѣмецкое наступленіе развернулось въ условіяхъ, убійственныхъ для Россіи. Вмѣсто обусловленнаго предупрежденія за недѣлю мы получили предупрежденіе только за два дня. Это обстоятельство усу-

губило панику въ рядахъ арміи, находившейся въ состояніи хроническаго распада. О сопротивленіи почти не могло быть и рѣчи. Солдаты не хотѣли вѣрить, что нѣмцы будутъ наступать послѣ того, какъ мы объявили состояніе войны прекращеннымъ. Паническое отступленіе парализовало волю даже тѣхъ отдѣльныхъ отрядовъ, которые готовы были занять боевыя позиціи. Въ рабочихъ кварталахъ Петрограда и Москвы негодованіе противъ вѣроломнаго и поистинѣ разбойничьяго нѣмецкаго нашествія достигло высшаго напряженія. Рабочіе готовы были десятками тысячъ записываться въ армію въ тѣ тревожные дни и ночи. Но организаціонная сторона дѣла оставалась далеко позади. Отдѣльные партизанскіе отряды, полные воодушевленія, убѣждались въ своей несостоятельности при первыхъ же серьезныхъ стычкахъ съ нѣмецкими регулярными частями. Отсюда дальнѣйшій упадокъ духа. Старая армія была давно уже поражена смертельно и распадалась на части, загромождая всѣ пути и перепутья. Новая армія въ условіяхъ общаго истощенія страны, страшнаго разстройства промышленности и транспорта складывалась слишкомъ медленно. Единственнымъ серьезнымъ препятствіемъ на пути нѣмецкаго нашествія являлось пространство...

Главное вниманіе австро-венгерскаго правительства было устремлено на Украину. Рада обратилась черезъ свою делегацію къ правительствамъ центральныхъ имперій съ прямой просьбой о военной помощи противъ Совѣтовъ, которые тѣмъ временемъ одержали полную побѣду на всей территоріи Украины. Такимъ образомъ украинская мелкобуржуазная демократія въ борьбѣ съ рабочимъ классомъ и крестьянской бѣднотой добровольно открыла ворота иноземному нашествію.

Одновременно правительство Свинхувуда искало по-

мощи нѣмецкихъ пітыковъ противъ финляндскаго пролетаріата. Германскій милитаризмъ бралъ на себя открыто, предъ лицомъ всего міра, роль палача рабочей и крестьянской революціи въ Россіи.

Въ рядахъ нашей партіи поднялись острыя препія о томъ, должны ли мы въ этихъ условіяхъ подчиняться нѣмецкому ультиматуму и подписать новый договоръ, который — въ этомъ никто изъ насъ не сомнѣвался — будетъ заключать въ себѣ условія, несравненно болѣе отяготительныя, чѣмъ тѣ, какія были намъ предъявлены въ Брестъ-Литовскѣ. Представители одного теченія считали, что сейчасъ, при наличности вооруженнаго вмѣшательства нѣмцевъ во внутреннюю борьбу на территоріи Республики, немыслимо создать состояніе мира для одной изъ частей Россіи и оставаться пассивными въ то время, какъ на югѣ и на сѣверѣ нѣмецкія войска будутъ возстановлять режимъ буржуазной диктатуры. Другое теченіе, во главѣ котораго стоялъ Ленинъ, находило, что всякая отсрочка, всякая, даже короткая, передышка будетъ имѣть большое значеніе для внутренняго упроченія и повышенія обороноспособности Россіи. Послѣ того, какъ передъ всей страной и всѣмъ міромъ столь трагически обнаружилась наша неспособность въ данный моментъ обороняться отъ непріятельскаго нашествія, заключеніе мира будетъ понято всюду какъ дѣйствіе, навязанное намъ жестокимъ закономъ соотношенія силъ. Было бы ребячествомъ исходить изъ соображеній отвлеченной революціонной морали. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы съ честью погибнуть, а въ томъ, чтобы въ концѣ-концовъ побѣдить. Русская революція хочетъ жить, должна жить и обязана всѣми доступными ей средствами уклоняться отъ непосильнаго для нея боя и выигрывать время въ ожиданіи того, какъ на помощь ей придетъ революціонное движеніе Запада.

Германскій имперіализмъ находится еще въ свирѣпой схваткѣ съ милитаризмомъ англійскимъ и американскимъ. Только поэтому возможно заключеніе мира между Россіей и Германіей. Нужно это состояніе использовать. Благо революціи—высшій законъ! Нужно принять миръ, который мы не въ силахъ отклонить, нужно обезпечить себѣ передышку, чтобы использовать ее для напряженной работы внутри страны и, въ частности, для созданія арміи.

На Съѣздѣ Коммунистической партіи, какъ и на 4-мъ Съѣздѣ Совѣтовъ, побѣду одержали сторонники заключенія мира. Къ нимъ присоединились многіе изъ тѣхъ, кто въ январѣ считалъ невозможнымъ подписать Брестъ-литовскій договоръ. „Тогда, — говорили они, — наше подписаніе было бы понято англійскими и французскими рабочими, какъ жалкая капитуляція безъ попытки борьбы. Даже подлыя инсинуаціи англо-французскихъ шовинистовъ о закулисной сдѣлкѣ Совѣтской власти съ нѣмцами могли бы, въ случаѣ подписанія договора, встрѣтить довѣріе въ нѣкоторыхъ кругахъ западно-европейскихъ рабочихъ. Но послѣ того, какъ мы отказались подписать договоръ, послѣ новаго нѣмецкаго наступленія, послѣ попытки нашей дать ему отпоръ, послѣ того, какъ наша военная слабость съ ужасающей несомнѣнностью обнаружилась передъ всѣмъ міромъ, никто не посмѣетъ намъ бросить упрека въ сдачѣ безъ боя“.—Брестъ-литовскій договоръ второго усугубленнаго изданія былъ подписанъ и ратифікованъ.

Тѣмъ временемъ на Украинѣ и въ Финляндіи палачи совершали свою работу, чѣмъ дальше, тѣмъ больше угрожая самымъ жизненнымъ центрамъ Великороссіи. Такимъ образомъ вопросъ о самомъ существованіи Россіи, какъ независимой страны, неразрывно связанъ отнынѣ съ вопросомъ европейской революціи,

Заключеніе.

Когда наша партія брала власть, мы знали заранѣе тѣ трудности, которымъ идемъ навстрѣчу. Экономически страна была истощена войной до послѣдней степени. Революція разрушила старый административный аппаратъ и не успѣла еще создать новаго ему на смѣну. Милліоны рабочихъ силъ были вырваны изъ хозяйственныхъ ячеекъ страны, деклассированы и психически расшатаны трехлѣтней войной. Колоссальная военная промышленность на недостаточно подготовленномъ хозяйственномъ фундаментѣ поглощала жизненные соки народа, демобилизація ея была связана съ величайшими затрудненіями. Явленія хозяйственной и политической анархіи широко расползлись по странѣ. Русское крестьянство было въ теченіе столѣтій спаяно стихійно варварской дисциплиной земли и придавлено сверху желѣзной дисциплиной царизма. Экономическое развитіе подкопало первую, революція разрушила вторую. Психологически революція означала пробужденіе въ крестьянской массѣ человѣческой личности. Анархическія формы этого пробужденія являлись неизбѣжнымъ послѣдствіемъ предшествовавшаго гнета. Придти къ установленію новаго порядка, основаннаго на контролѣ самихъ трудящихся надъ производствомъ, можно только путемъ постепеннаго и внутренняго изживанія анархическихъ проявленій революціи.

Съ другой стороны, имущіе классы, даже отброшенные отъ власти, не хотятъ сдавать своихъ позицій безъ боя. Революція поставила ребромъ вопросъ о частной собственности на землѣ и средствахъ производства, т.-е. о жизни и смерти эксплоатирующихъ классовъ. Политически это означаетъ ожесточенную, непрерыв-

ную — то скрытую, то явную — гражданскую войну. Въ свою очередь гражданская война неизбѣжно питаетъ анархическія тенденціи въ движеніи трудящихся массъ. При разстройствѣ промышленности, финансоваго хозяйства, транспорта, продовольствія затяжная гражданская война создаетъ, такимъ образомъ, колоссальныя затрудненія на пути творческой организаторской работы. Тѣмъ не менѣе Совѣтская власть имѣетъ право съ полнымъ довѣріемъ взирать на будущее. Только точный учетъ всѣхъ рессурсовъ страны, только раціональная, т.-е. исходящая изъ одного общаго плана, организація производства, только разумное и бережливое распредѣленіе всѣхъ продуктовъ могутъ спасти страну. А это и есть соціализмъ. Или окончательное паденіе на степень колоніи, или соціалистическое возрожденіе — такова альтернатива, передъ которой поставлена наша страна.

Война минировала почву всего капиталистическаго міра. Въ этомъ наша непобѣдимая сила. Имперіалистическое кольцо, сжимающее насъ, будетъ взорвано пролетарской революціей. Мы ни на минуту не сомнѣваемся въ этомъ, какъ въ теченіе долгихъ десятилѣтій нашей подпольной борьбы мы не сомнѣвались въ неизбѣжности крушенія царизма.

Бороться, сплачивать ряды, устанавливать трудовую дисциплину и соціалистическій порядокъ, повышать производительность труда и не пасовать ни передъ какими препятствіями — таковъ нашъ паролъ. Исторія работаетъ за насъ. Пролетарская революція въ Европѣ и Америкѣ разразится днемъ раньше или позже и принесетъ избавленіе не только Украинѣ, Польшѣ, Литвѣ, Курляндіи и Финляндіи, но и всему страждущему человѣчеству.

Библиотека
Института К. Маркса

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова переулка).
Москва, 2-й д. Совѣт. (Театральная пл.).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Телеф. 227-42.
Петроградъ, Литейный пер., д. 43.

Сочиненія М. ГОРЬКАГО.

Томъ X. ЖИЗНЬ НЕНУЖНАГО ЧЕЛОВѢКА. Кн. I-я.—ЗЛОДѢИ. Цѣна 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 50 к. Кн. II-я.—Цѣна 3 р.

Томъ XI. ГОРОДОКЪ ОКУРОВЪ. Часть I. Цѣна 1 р. 50 к.; въ перепл. 2 р. 50 к.

Томъ XII. МАТВѢЙ КОЖЕМЯКИНЪ. Часть I. Цѣна 3 р.; въ переплетѣ 4 р.

Томъ XIII. МАТВѢЙ КОЖЕМЯКИНЪ. Часть II. Цѣна 3 р.; въ перепл. 4 р.

Томъ XIV. ЛѢТО. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XV. МАТЬ. Кн. I и II.—Цѣна по 3 р. за книгу.

Томъ XVI. ПОЖАРЪ. Содержаніе: Пожаръ.—Урядникъ Крохалевъ.—Кража.—Случай изъ жизни Макара.—Романтикъ.—Мордовка. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XVII. СКАЗКИ. Цѣна 2 р. 25 к.

Томъ XVIII. ХОЗЯИНЪ.—ТРИ ДНЯ. Цѣна 2 р. 50 к.; въ перепл. 3 р. 50 к.

Томъ XIX. ПО РУСИ. (Очерки). Содержаніе: Рожденіе человѣка.—Ледоходъ.—Губинъ.—Нилушка.—Кладбище.—На пароходѣ.—Женщина.—Въ ущельѣ.—Калининъ.—Ѣдетъ...—Покойникъ. Цѣна 2 р. 50 к.; въ перепл. 3 р. 50 к.

Томъ XX. ДѢТСТВО. Цѣна 3 р.

О ПИСАТЕЛЯХЪ-САМОУЧКАХЪ. Цѣна 40 к.

СКИТАЛЕЦЪ.

Томъ I. СКВОЗЬ СТРОЙ. Содержаніе: Сквозь строй.—Композиторъ.—Церковный староста.—Спѣвка.—Ранняя обѣдня.—Октава. Цѣна 2 р.; въ перепл. 3 р.

Томъ II. ЗА ТЮРЕМНОЙ СТѢНОЙ. Содержаніе: За тюремной стѣной.—Кандалы.—Профанъ.—Дѣдъ Матвѣй.—На лонѣ природы.—Въ деревнѣ.—Къ роднымъ берегамъ. Цѣна 2 р.

Томъ III. ПОЛЕВОЙ СУДЪ. Содержаніе: Полевой судъ.—Свидѣтель.—Лѣсъ разгорался.—Въ дорогѣ.—Сумерки.—Рѣка Уса.—Родной.—Талантъ.—Редедя.—Несчастіе.—Икаръ.—Любовь.—Разливъ.—Волжскія пѣсни. Цѣна 2 р.

Томъ IV. ОГАРКИ. Содержаніе: Огарки.—Федоръ Иванычъ.—Горемыкинъ.—У Дормидошки.—Гаркуша.—Встрѣча. Цѣна 2 р.

Томъ V. ЭТАПЫ. Содержаніе: Этапы.—Любовь декоратора.—Миньона.—Колдунъ.—Вій. Цѣна 1 р. 75 к.; въ перепл. 2 р. 60 к.

Томъ VI. МЕТЕОРЪ. Содержаніе: Метеоръ.—О Львѣ Толстомъ.—О Шаляпинѣ.—Современникъ Пушкина. Цѣна 2 р.

Томъ VII. МЕСТЬ. Содержаніе: Месть.—Квазимодо.—Клоунъ.—Безъ сезона.—Антихристовъ кучеръ.—Медіумъ.—Дуэтъ.—Въ лѣсу.—Разсказы о заграницѣ. Шелька.—Давосъ.—Виллафранка. Цѣна 2 р.

Томъ VIII. ПѢСНИ. Цѣна 2 р.

Томъ IX. ВОЛЬНИЦА. Цѣна 2 р.

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, д. 8 (уголъ Рыбникова пер.).
Москва, 2-й домъ Совѣт. (Театральн. пл.).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейный переулокъ, д. 43

К. и О. КОВАЛЬСКІЕ.

	Цѣна.		Цѣна.
Двуликій богъ. Романъ. Т. I. Ч. 1 и 2.	2 р. 25 к.	Къ новымъ берегамъ. Романъ.	3 р. — к.
Двуликій богъ. Романъ. Т. II. Ч. 3 и 4.	2 р. 25 к.	Земные странники.	3 „ — „
		Солнце сѣвера	3 „ — „

С. ГУСЕВЪ-ОРЕНБУРГСКІЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ	I. Разсказы.	2 р. — к.	Томъ	X. Курычанск. прихожане.	2 р. — к.
Томъ	II. Хозяинъ.	3 „ — „	Томъ	XI. Враги.	2 „ — „
Томъ	III. Страна отцовъ	2 „ — „	Томъ	XII. Въ глухомъ уѣздѣ.	2 „ — „
Томъ	IV. Въ приходѣ.	2 „ — „	Томъ	XIII. Люди.	2 „ — „
Томъ	V. Золотой сопъ.	2 „ — „	Томъ	XIV. Призракъ	2 „ 25 „
Томъ	VI. Надъ поемой.	2 „ — „	Томъ	XV. Борьба.	2 „ — „
Томъ	VII. Дьяконъ и смерть.	3 „ — „	Томъ	XVI. Разсказы.	3 „ — „
Томъ	VIII. Недоумѣніе.	2 „ — „	Томъ	XVII. Разсказы.	3 „ — „
Томъ	IX. Мгла.	2 „ — „			

БАЙРОНЪ. Манфредъ.—Небо и земля.—Каинъ. Въ пер. И. А. Бунина. 2 р. — к.
АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ. Конрадъ Валленродъ. Переводъ М. Славинскаго. 1 „ — „
ОЛИГЕРЪ. Опасные люди. 2 „ — „
В. МУЙКЕРЪ. Хуторъ № 16. 2 „ — „
АДАМЪ БѢЛЬСКІЙ. Разсказы. 1 „ — „
ДЕМЬЯНЪ БѢДНЫЙ. Диводивное и др. сказки. — „ 25 „
В. В. БРУСЯНИНЪ. Въ рабочихъ кварталахъ. 2 „ — „
В. В. БРУСЯНИНЪ. Часъ смертный. 2 „ — „
В. В. БРУСЯНИНЪ. Темный ликъ 3 „ — „
В. В. БРУСЯНИНЪ. Въ странѣ озеръ. 2 „ — „
В. В. БРУСЯНИНЪ. Трагедія Михайловск. замка. Ч. III. 2 „ 50 „
А. М. ѲЕДОРОВЪ. Весенній вѣтеръ. 2 „ — „
А. М. ѲЕДОРОВЪ. Утро. 2 „ — „
А. М. ѲЕДОРОВЪ. Сила крови. 2 „ — „
А. М. ѲЕДОРОВЪ. За океанъ. 2 „ — „
А. М. ѲЕДОРОВЪ. Подвигъ. 2 „ — „
А. М. ѲЕДОРОВЪ. На востокъ. 2 „ — „

ВЛАДИМ. БОНЧЪ-БРУЕВИЧЪ. Знаменіе времени. 2 р. — к.
ВЛАДИМ. БОНЧЪ-БРУЕВИЧЪ. Избранныя произведенія русск. поэзіи. 3 „ — „
А. НѢМОЕВСКІЙ. Заглавіе конфисковано 2 „ — „
А. НѢМОЕВСКІЙ. Сократъ. 2 „ — „
А. НѢМОЕВСКІЙ. Ашуръ и Мупуръ. 2 „ — „
А. НѢМОЕВСКІЙ. Листопадъ. 1 „ 50 „
Т. КОЧЕВСКІЙ. Серебристыя вершины. 1 „ — „
И. С. АБРАМОВЪ. Въ культурномъ скиту. 1 „ — „
ВЛ. КРАНИХФЕЛЬДЪ. Т. Г. Шевченко, пѣвецъ Украины. 1 „ — „
С. КАРАСКЕВИЧЪ. Кипарисный царь. 2 „ — „
О. АЙЗМАНЪ. Вѣрность. 2 „ — „
Д. АЙЗМАНЪ. Дѣти. 2 „ — „
Д. АЙЗМАНЪ. Бѣлая пустошь 1 „ 50 „
Д. РУНОВА. Лунный свѣтъ. 2 „ 50 „
О. РУНОВА. Мудрость жизни. 2 „ — „
О. РУНОВА. Въ старыхъ усадьбахъ. 2 „ — „
О. РУНОВА. Какъ это было. 2 „ — „

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ".

Москва, Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова переулка).
Москва, 2-й д. Совѣт. (Театральная пл.).
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 5 10 и 11. Телеф. 227-42.
Петроградъ, Литейный пер., д. 48.

Сочиненія М. ГОРЬКАГО.

Томъ X. Кн. I-я. Жизнь ненужнаго человѣка .... 1 р. 50 к.
Томъ X. Кн. II-я. Жизнь ненужнаго человѣка... 3 „ — „
Томъ XI. Город. Окуровъ. 1 „ 50 „
Томъ XII. Матвѣй Кожемякинъ. Часть I ..... 3 „ — „
Томъ XIII. Матвѣй Кожемякинъ. Часть II ..... 3 „ — „
Томъ XIV. Лѣто ..... 2 р. 25 к.
Томъ XV. Мать. Кн. I и II по 3 „ — „
Томъ XVI. Пожаръ .... 2 „ 25 „
Томъ XVII. Сказки ..... 2 „ 25 „
Томъ XVIII. Хозяинъ. Три дня ..... 2 „ 25 „
Томъ XIX. По Руси .... 2 „ 50 „
Томъ XX. Дѣтство .... 3 „ — „
О писателяхъ-самоучкахъ. — 10 „

Семенъ ЮШКЕВИЧЪ.

Полное собраніе сочиненій.

Томъ I. Распадъ. ..... 2 р. — к.
Томъ II. Ита Гайне. .... 3 „ — „
Томъ III. Еврси ..... 3 „ — „
Томъ IV. Наши сестры . 2 „ — „
Томъ V. Прологъ..... 3 „ — „
Томъ VI. Невинные .... 3 „ — „
Томъ VII. Въ городѣ ... 3 „ — „
Томъ VIII. Очерки дѣтства. 2 „ — „
Томъ IX. Комедія брака. 3 р — к.
Томъ X. Драма въ домѣ. 3 „ — „
Томъ XI. Вышла изъ круга. 3 „ — „
Томъ XII. Голуби. ..... 3 „ — „
Томъ XIII. Леон. Дрей. Ч. I. 2 „ — „
Томъ XIV. Леонъ Дрей. Ч. II. ..... 2 „ — „
Томъ XV. Челов. воздуха. 2 „ — „

Сочиненія А. М. ФЕДОРОВА.

Весенній вѣтеръ ..... 2 р. — к.
Утро ..... 2 „ — „
Паутина ..... 2 „ — „
Камни ..... 2 „ — „
Сила крови ..... 2 р. — к.
Подвигъ ..... 2 „ — „
На востокъ ..... 2 „ — „
Стихотворенія ..... 2 „ — „

Книги Владимира БОНЧЪ-БРУЕВИЧА.

Знаменіе времени. (Убійство Андрея Ющинскаго и дѣло Бейлиса) ..... 2 р. — к.
Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ ..... 3 „ — „
Къ исторіи русскаго духоборчества ..... 3 „ — „
Новый Израиль ..... 3 „ — „
Среди сектантовъ ..... 3 „ — „
Изъ міра сектантовъ ..... 3 „ — „
Матеріалы къ исторіи и изученію русскаго сектантства и старообрядчества.
Т. I—3 р.; II—3 р.; т. III—3 р.; т. IV—7 р.; V—6 р.; VII—10 р.
Избранныя произведенія русск. поэзіи. Сборникъ лучшихъ стихотвореній отъ Пушкина и до нашихъ дней. Въ сборникъ вошли 823 произведеній 232 авторовъ. 5-е изд. Цѣна 3 руб. Въ переплетѣ— 4 руб. Родныя пѣсни. Ц. 40 к.

Сочиненія А. НѢМОЕВСКАГО.

Заглавіе конфисковано .. 2 р. — к.
Сократъ ..... 2 „ — „
Ашуръ и Муцуръ ..... 2 „ — „
Листопадъ ..... 1 „ 50 „

Книжный складъ „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова пер.).

Москва, 2-й домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.

Петроградъ, Литейный переул., д. 48.

Библіотека обществовѣдѣнія.

(Продолженіе.)

Кн. 32. Ж. Гедъ и П. Лафаргъ. Программа рабочей партіи, ея основанія и комментаріи къ ней. 1 р. 50 к.

Кн. 33. И. В. Чернышевъ. Крестьяне объ общинѣ.

Кн. 34. И. В. Чернышевъ. Памятная книжка марксиста. 7 р. 50 к.

Кн. 35. И. В. Чернышевъ. Исторія общины въ Россіи.

Кн. 36. Владимиръ Бончъ-Бруевичъ. Волненія въ войскахъ и военныя тюрьмы. 3 р.

Кн. 37. Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ). Аграрная программа соціалъ-демократіи въ 1-й русской революціи 1905—7 г. 4 р.

Кн. 38. Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ). Изъ исторіи соціалъ-демокр. аграрной программы. (Статьи 1901-1906 гг.). 1 р. 75 к.

Кн. 39. Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ). Новыя данныя о законѣ развитія капитализма. (Соединенные Штаты). 3 р.

Кн. 40. Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ). Государство и революція. 2 р. 50 к.

Кн. 41. Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ). Имперіализмъ, какъ новѣйшій этапъ капитализма. 2-е изд. 2 р.

Кн. 42. Н. Крупская. Народное образованіе и демократія. 3 р.

Кн. 43. Ю. Каменевъ. Борьба за миръ. 2 р.

Кн. 44. Ю. М. Стекловъ. Международная политика рабочаго класса. 1 р. 20 к.

Кн. 50. Мих. Павловичъ (М. Вельтманъ). Французскій имперіализмъ и экономическое развитіе Франціи въ XX столѣтіи. 2 р.

Кн. 51. Н. Ленинъ (Вл. Ульяновъ). Аграрный вопросъ въ Россіи къ концу XIX-го вѣка. 1 р. 75 к.

Кн. 52. Карлъ Каутскій. Эрфуртская программа. 4 р.

Кн. 53. Вл. Мещеряковъ. Націонализація и соціализація земли. 2 р.

Кн. 54. Л. Троцкій. Октябрьская революція. 3 р.

Кн. 55. М. Павловичъ (М. Вельтманъ). Милитаризмъ, маринизмъ и міровая война. 2 р. 50 к.

Книгоиздательство „КОММУНИСТЪ“.

Москва, Срѣтенка, д. 8 (уг. Рыбникова пер.)
Москва, 2-й домъ Совѣтовъ (Театральная площадь).

Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9, 10 и 11. Тел. 227-42.
Петроградъ, Литейный переул., д. 48.

ОТДѢЛЪ ПОДЪ ОБЩИМЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

И. СТЕПАНОВА,

при участіи: Н. Бухарина, П. Дауге, Г. Зиновьева, Ю. Каменева, Н. Ленина, Н. Лукина, А. Луначарскаго, Н. Мещерякова, В. Оболенскаго, М. Ольминскаго, В. Орловскаго, М. Покровскаго, В. Смирнова, Ю. Стеклова и друг.

К. МАРКСЪ.

Собраніе сочиненій. Юбилейное изд.

Все изданіе—близкое къ полному собранію сочиненій—составитъ до 25 томовъ, по 25—30 листовъ (400—500 стр.) большого формата. Въ это юбилейное изданіе войдутъ какъ всѣ работы, появившіяся до сихъ поръ въ Германіи и Англіи отдѣльными изданіями, такъ и работы, разсѣянныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ.

Въ настоящее время печатается: „Теорія прибавочной стоимости“ въ переводѣ Н. И. Бухарина; „Капиталъ“ и дополнительное изданіе „Собранія историческихъ работъ“, въ переводахъ подъ редакціей В. Базарова и И. Степанова, вновь пересмотрѣнныхъ И. Степановымъ.

Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.

Собраніе сочиненій.

Намѣчены три тома большого формата, по 25 — 30 листовъ каждый. Въ „Собраніе“ войдутъ какъ работы, появлявшіяся отдѣльными изданіями, такъ и журнальныя статьи Энгельса.

Книжные склады и магазины „Коммунистъ“ принимаютъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для партійныхъ, совѣтскихъ учрежденій и учебныхъ заведеній всѣхъ комиссаріатовъ.

Выполняютъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ. Высылаютъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка. Составляютъ новыя и пополняютъ уже существующія библіотеки и читальни. Подбираютъ книги для частныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ знанія. Книжные склады принимаютъ изданія какъ на комиссію, такъ и на главный складъ. Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Каталоги высылаются БЕЗПЛАТНО.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Москва,
1918 г.

Cornell University Library
BOUGHT WITH THE INCOME FROM THE SAGE ENDOWMENT FUND
THE GIFT OF
HENRY W. SAGE
1891